Н-15

Библіотека Н. К. МИХАЙЛОВСКАГО
шкафъ IV полка 6 № 10

†

Н-15

А. А. НАВРОЦКІЙ (Н. А. ВРОЦКІЙ).

ПАМЯТИ ВЕЛИКАГО НОВГОРОДА.

5/42

БИБЛІОТЕКА
О-ва для достав. средствъ
В. Ж. КУРСАМЪ.

...н. Гос. Ун-т
...ая БИБЛИОТЕКА
... Горького

628
8. М

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1901.

Типографія В. Безобразова и К°.
(Вас. Остр., 8 л., № 45).

Ты славно жилъ на Божьемъ свѣтѣ.
Твои дороги заросли.
Твои растерзанныя дѣти
Твой духъ съ собою унесли.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН.

Введеніе 1

Стихотворенія.

Гостомыслов̀ курганъ. 23

Вѣщаніе 25

Знаменіе 30

Убѣжище 37

Посадникъ Твердиславъ 41

Марѳа посадница 46

Варлаамова могила. 52

Серафима. 56

Вѣчевой звонарь. 66

Затворникъ Арсеній. 75

Ушкуйникъ 80

Новгородъ 83

Марѳа Боренкая или паденіе Великаго Новгорода,
историческая драма въ стихахъ. 1

ОГЛАВЛЕНІЕ РИСУНКОВЪ.

1) Софійскій храмъ съ ~~западной~~ южной стороны. Входъ въ Мартиріевскую или Златую паперть храма. Здѣсь были входныя врата, обложенныя мѣдными золочеными листами и увезенныя Іоанномъ Грознымъ въ Александровскую слободу, (нынѣ г. Александровъ, Владим. губ.) въ церкви которой находятся и понынѣ.

2) Чудотворный образъ Спасителя на сводѣ средней главы Софійскаго храма.

3) Николо-Дворищскій соборъ на Торговой сторонѣ.

4) Знаменскій соборъ на Торговой сторонѣ.

5) Грановитая Палата. Устроенная въ ней въ 1822 году церковь на рисункѣ не показана.

6) Видъ Новгородскаго Кремля съ Торговой стороны. Правѣе его (отъ зрителя) за рвомъ былъ „чюдный дворъ“ Марѳы посадницы.

ВВЕДЕНІЕ.

Софійскій храмъ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 10 Ноября 1900 г. Типографія В. Безобразова и К°. (В. О., 8 л., № 45).

«Кѣдѣ Святая Софія, ту Новгородъ».

Время основанія Новгорода въ точности неизвѣстно. Въ одной лѣтописи основаніе его приписывается Рюрику; по другимъ сказаніямъ онъ существовалъ до призванія Варяговъ.

Расположенный по теченію рѣки Волхова въ двухъ верстахъ отъ его истока изъ озера Ильменя, Новгородъ раздѣляется рѣкой на двѣ половины: Софійскую на лѣвомъ и Торговую на правомъ берегу рѣки. Первая называлась также Владычнею, такъ какъ тамъ жилъ новгородскій владыка; а вторая Купецкою, потому что тамъ сосредоточивалась торговля. Ядромъ города былъ Дѣтинецъ (кремль) или собственно «градъ», на Софійской сторонѣ. Онъ былъ обнесенъ стѣною, сначала деревянною, а потомъ каменною съ башнями и воротами. Въ немъ и донынѣ высится храмъ Святой Софіи Премудрости Божіей, древнѣйшая и завѣтная святыня новгородцевъ, душа и сердце Великаго Новгорода. Имя Святой Софіи въ понятіи народа стало тождественнымъ съ именемъ Новгорода. «Кѣдѣ Святая Софія, ту Новгородъ». Въ Дѣтинцѣ помѣщались: владыка съ своимъ дворомъ, Правительственная Палата, судебная изба и городская казна, нѣсколько церквей, Княжь-дворъ и частные дворы, расположенные улицами.

Новгородъ раздѣлялся на пять концовъ, расположенныхъ вокругъ Дѣтинца: Людинъ или Гончарскій, Загородный и Неревскій на Софійской сторонѣ, Славенскій и Плотенской или Плотницкій на Торговой сторонѣ. Каждый конецъ въ Новгородѣ имѣлъ самостоятельное управленіе съ старостой, а позднѣе и съ посадникомъ во главѣ, свои вѣчевыя собранія, а также посылалъ отъ себя и выборныхъ. Не только концы, но и каждая улица составляла особое общество, имѣя своихъ уличныхъ старостъ.

Въ Славенскомъ концѣ былъ торгъ. Тамъ же находилось и Ярославле Дворище, т. е. мѣсто, гдѣ прежде существовалъ Ярославовъ дворъ. Оно было застроено многими церквами, среди которыхъ стояла вѣчевая башня, а на ней висѣлъ вѣчевой колоколъ. Передъ башней былъ помостъ съ ступенями, а возлѣ нея вѣчевая изба, т. е. канцелярія вѣча *). Отъ башни вплоть до берега простиралось большое поле, гдѣ собиралось вѣче. Въ окрестностяхъ этого мѣста были торговые дворы нѣмецкій, готскій и плесковскій (псковской). Къ вѣчевому полю примыкалъ широкій мостъ черезъ Волховъ, уставленный разными торговыми помѣщеніями.

Вокругъ города, обыкновенно около монастырей, были посады. Въ 1386 году ихъ было сожжено двадцать четыре.

*) Возвышающаяся теперь небольшая башня въ зданіи городскаго училища не есть вѣчевая, а вѣроятно составляла часть дворцовыхъ строеній былыхъ временъ.

Жители города дѣлились на духовныхъ и мірскихъ. Послѣдніе раздѣлялись на пришлыхъ и постоянныхъ. Къ пришлымъ принадлежали: огнищане, гридьба и княжескіе дворяне. Это были дружинники и слуги князя. Собственно народъ новгородскій составляли во-первыхъ —бояре (землевладѣльцы); это было высшее сословіе въ городѣ. Иноземцы называли ихъ господами (Herri). Изъ нихъ избирались посадникъ и тысячскій новгородскій. Изъ нихъ же впослѣдствіи образовалось особое сословіе боярскихъ и посадничьихъ дѣтей. Затѣмъ шли купцы или вообще торговцы, раздѣлявшіеся въ городѣ по предметамъ торговли на сотни, напримѣръ, купцы-ирасолы, т. е. торгующіе съѣстнымъ, купцы-сукопщики и т. д. Каждая сотня имѣла своего старосту. Слѣдующимъ сословіемъ являются житые люди, т. е. хозяева, имѣвшіе свою недвижимость въ городѣ, но не принадлежавшіе къ числу бояръ и купцовъ. Затѣмъ вся остальная часть жителей называлась черными людьми (чадь) которые тоже дѣлились на сотни.

Всѣ новгородскія владѣнія раздѣлялись на пять областей, называвшихся пятинами, а именно: Бѣжецкая, Обонежская, Вотская, Шелонская и Деревская. Каждая пятина принадлежала по управленію къ одному изъ новгородскихъ концовъ, которымъ и управлялась самостоятельно. Городскія поселенія назывались пригородами и имѣли каждый свое самоуправленіе съ посадникомъ или старостой во главѣ, своихъ бояръ и купцовъ Земледѣльческое населеніе составляли: собственники земли—бояре и вообще земцы или своеземцы, и безземельные, дѣлившіеся на смердовъ, имѣвшихъ право

свободнаго перехода отъ одного владѣльца къ другому, и на кабальныхъ и холоповъ или рабовъ. Пятина дѣлилась на волости, принадлежавшія или непосредственно Великому Новгороду, или его пригородамъ, а также на волости владычныя, монастырскія, княжескія и т. п. Волости дѣлились на погосты, въ составъ которыхъ входили села, сельца, деревни, починки и выставки или выселки.

Верховнымъ рѣшителемъ въ Новгородѣ было вековѣчье, т. е. общее собраніе города, которое устанавливало приговоры и грамоты по управленію, утверждало договоры съ князьями и съ иностранными землями, объявляло войну, заключало миръ, призывало князей, избирало владыкъ и вообще являлось законодательною властью, а иногда и судебною, въ особенности въ дѣлахъ, касающихся нарушенія общественныхъ правъ. Вѣче составляли не только жители Новгорода, но и вообще всѣ временно пребывавшіе въ городѣ жители Новгородскихъ владѣній, кромѣ рабовъ. Рѣшеніе вѣча называлось приговоромъ и записывалось вѣчнымъ или вѣчевымъ дьякомъ.

Иногда вѣче собиралось въ Дѣтинцѣ у Св. Софіи, въ особенности для избранія владыки и по церковнымъ дѣламъ. Это вѣче созывалось звономъ большого софійскаго колокола. Несомнѣнно, что вѣчевой звонъ былъ особенный, по которому его всегда могли отличить отъ другихъ звоновъ. Онъ подхватывался всѣми церковными колокольнями и достигалъ до предѣловъ города, оповѣщая всѣхъ о созывѣ вѣча. О созывѣ вѣча, кромѣ внезапныхъ, чрезвычайныхъ, посылались по городу съ предупрежденіемъ бирячи.

Церковная власть осуществлялась въ лицѣ новгородскаго владыки, архіепископа, избиравшагося на вѣчѣ всѣмъ Новгородомъ и утверждавшагося митрополитомъ, сначала кіевскимъ, а затѣмъ, по учрежденіи митрополіи въ Москвѣ, московскимъ. Избиралось три кандидата изъ духовнаго званія вообще, безъ различія священства. Степенный посадникъ записывалъ ихъ на трехъ одинаковыхъ жеребьяхъ и, запечатавъ каждый особо печатью Софійскаго собора, передавалъ ихъ священнослужителямъ для возложенія на соборный престолъ. Въ храмѣ служили соборне обѣдню, а народъ стоялъ вокругъ него вѣчемъ. По окончаніи обѣдни, Софійскій протопопъ, а иногда кто либо изъ малолѣтнихъ или даже слѣпецъ бралъ съ престола по очереди два жребія, которые протопопъ выносилъ на вѣче и тамъ распечатывалъ, объявляя народу. Тотъ, чей жребій оставался на престолѣ, считался избраннымъ, причемъ жребій съ его именемъ тоже выносился на вѣче и объявлялся народу. Избраннаго немедленно и торжественно возводили на сѣни, то есть вели въ Грановитую палату владычняго дома, и онъ вступалъ въ управленіе паствой со всѣми правами владыки, именуясь, до дня его посвященія митрополитомъ, «нареченнымъ владыкою».

Владыки новгородскіе имѣли большое вліяніе на народъ и не разъ предупреждали своимъ вмѣшательствомъ внутреннія смуты и раздоры, становясь иногда и ихъ жертвами. У владыки, кромѣ духовнаго чина, были свои служилые свѣтскіе люди, называемые софійскими боярами и дѣтьми боярскими, а также свои дьяки и множество прислуги. Всѣ они носили общее названіе «софьяне».

Свѣтская власть сосредоточивалась въ лицѣ посадника и тысячскаго. Они выбирались на вечевомъ и являлись, вмѣстѣ съ владыкою, государственными представителями Великаго Новгорода. Посадникъ и тысячскій управлявшіе городомъ назывались степенными, въ отличіе отъ прежде избранныхъ, которые сохраняли свое званіе пожизненно, именуясь «старыми». Эти старые посадники и тысячскіе вмѣстѣ съ пятью кончанскими посадниками и именитѣйшими боярами составляли правительственный совѣтъ, съ которымъ совѣщались правители новгородскіе по болѣе важнымъ дѣламъ. Срокъ пребыванія посадника въ его должности не былъ опредѣленъ. Въ послѣднее время они смѣнялись весьма часто. Всѣхъ посадниковъ за время самобытнаго существованія Новгорода было 107.

Должность тысячскаго появилась съ того времени, когда, кромѣ княжеской дружины, стала образовываться народная воинская сила—полки. Впослѣдствіи къ нему перешло завѣдываніе всею военною частью, воинскою казною, и продовольственною частью народнаго войска. Тысячскому принадлежала вообще и охрана внутренняго порядка. Онъ, по своему званію, былъ не ниже посадника, и если въ договорахъ и грамотахъ уступалъ ему первое мѣсто, то потому лишь, что посадникъ являлся главою исполнительной власти воли народа и представителемъ Новгорода въ дѣлахъ внѣшнихъ сношеній. Посадниковъ и князей новгородцы смѣняли часто; а тысячскіе избирались вѣроятно или пожизненно, или до добровольнаго сложенія своего званія. Кромѣ степеннаго тысячскаго были тысячскіе въ каждомъ концѣ города, а также и торговые отъ черныхъ людей.

Степенные посадникъ и тысячскій имѣли и право суда въ предѣлахъ своего вѣдомства. Ихъ приговоры, обсуждаясь по жалобамъ недовольныхъ на великовѣчьи, часто служили поводомъ къ кровавымъ столкновеніямъ и усобицамъ, почему съ 1385 года было установлено великовѣчьемъ, чтобы посадникъ и тысячскій судили «по русскому обычаю, по цѣлованію крестному, а на судѣ попмати двѣма исцомъ по два боярина и по два житья мужа съ коейждо страны».

Затѣмъ, въ порядкѣ внутренняго управленія, шли: сотскіе, старосты, подвойскіе, межники, биричи, данщики, приставы и др.

На древнѣйшей изъ сохранившихся печатей новгородскихъ изображено животное съ лошадиной головой и львинымъ хвостомъ; на оборотѣ надпись: «Печать Новгорочкая». Отъ 15-го вѣка уцѣлѣла печать съ изображеніемъ ступеней вѣча съ положеннымъ на нихъ посохомъ владыки и надписью «Господина Великаго Новгорода» *). На новгородскихъ деньгахъ чаще всего изображенъ князь въ коропѣ съ стоящимъ передъ нимъ человѣкомъ; на оборотѣ надпись: «Великаго Новгорода». Есть печать (полагаютъ 15-го вѣка) съ изображеніемъ сидящей женщины. Владыки новгородскіе имѣли свои печати. Имѣли ихъ посадники и тысячскіе, а также и новгородскіе концы.

Совсѣмъ особыя отношенія Новгорода были къ своему князю. Съ переходомъ Олега въ Кіевъ, Новгородъ

*) Іоаннъ Грозный оставилъ эту печать для новгородскаго намѣстника, но прибавилъ къ ней съ лѣвой стороны медвѣдя, а съ правой скачущую на ступени вѣча собаку.

управлялся посадникомъ изъ Кіева; но когда, при Святославѣ, Древляне получили своего князя, то и новгородцы также захотѣли имѣть своего. Святославъ далъ имъ своего младшаго сына Владиміра, которому новгородцы и помогли добыть впослѣдствіи престолъ своего отца.

По мѣрѣ развитія своего могущества новгородцы понемногу ограничивали власть своихъ князей и въ договорахъ съ ними требовали, чтобы важнѣйшія распоряженія князя предпринимались не иначе, какъ по соглашенію съ посадникомъ, который сталъ избираться вѣчемъ и значеніе котораго все болѣе и болѣе увеличивалось. Главное назначеніе князя было воинское дѣло, предводительство народнымъ ополченіемъ, примыкавшимъ къ княжеской дружинѣ во время войны. Иногда Новгородъ съ тою же цѣлью принималъ князей и въ свои пригороды, за что давалъ имъ часть доходовъ съ этихъ пригородовъ и волостей. Такіе князья назывались кормленными.

Въ удѣльный періодъ новгородцы принимали участіе въ родовой и политической борьбѣ своихъ князей; но когда Русь подпала подъ власть татаръ, отъ которыхъ спасли Новгородъ окружающія его болота *), то новгородцы зажили своею особою жизнью, вошли въ союзъ Ганзейскихъ городовъ, стали сами выбирать себѣ князей, изгоняя оказавшихся недостойными, не щадя головъ своихъ за тѣхъ, которые приходились ему по душѣ.

*) Новгородъ хотя и платилъ дань татарамъ, но не непосредственно, а черезъ великихъ князей.

Новгородъ жилъ вполнѣ развившеюся самобытною жизнью. Еще въ 10-мъ вѣкѣ онъ торговалъ съ Царьградомъ, еще въ 12-мъ посылалъ корабли въ Любекъ. Сквозь дремучія лѣса проложилъ онъ себѣ путь до Сибири. Горстью своихъ сыновъ покорилъ онъ обширныя земли между Ладогою, Бѣлымъ моремъ и Ураломъ до Уфы, насадивъ тамъ первыя начала гражданственности и вѣры христіанской. Онъ передавалъ Европѣ товары азіатскіе и русскіе, сообщая Руси плоды европейскаго ремесла и торговли, открытія науки и промышленности. Опытный и смѣлый въ торговлѣ, храбрый въ битвахъ, умѣренный въ счастіи, великодушный къ побѣжденнымъ, Новгородъ съ гордостью вспоминалъ о побѣдѣ надъ многочисленнымъ войскомъ Андрея Боголюбскаго; о побѣдѣ Мстислава Храбраго надъ ополченіемъ князей Суздальскихъ; о побѣдѣ Александра Невскаго на берегахъ Невы, смирившаго надменность шведа Биргера; о побѣдахъ на поляхъ Ливонскихъ, гдѣ орденъ меченосцевъ часто склонялъ свои знамена передъ стягомъ Святой Софіи, обращаясь въ бѣгство, разбитый на голову.

Слова «новгородская честь», «новгородская душа» приводились новгородцами въ договорахъ вмѣсто клятвы, и велика была слава этой народной души. Не даромъ иноземцы удивлялись честности новгородцевъ въ исполненіи своихъ обязательствъ, въ ихъ торговлѣ и дѣлахъ. Новгородъ не помнилъ зла; прощалъ обиды; давалъ убѣжище своему врагу, когда того постигали невзгода, изгнаніе, бѣда.

Но, съ развитіемъ торговли, сталъ угасать богатырскій духъ; слабѣла доблесть; откупъ начиналъ замѣнять защиту съ оружіемъ въ рукахъ.

Съ усиленіемъ значенія Москвы, ея князья обратили вниманіе и на Новгородъ, и уже Іоаннъ I Калита добился права имѣть въ Новгородѣ своего великокняжескаго боярина намѣстника, который выѣзжалъ при первой размолвкѣ новгородцевъ съ великимъ княземъ. Сынъ Калиты Симеонъ Гордый, воспользовавшись буйствомъ новгородской вольницы въ Устюжнѣ и за помощь, оказанную новгородцами Торжку, объявилъ Новгороду войну и заставилъ его просить мира, причемъ посадникъ и тысячскій вынуждены были придти къ князю босыми и на колѣняхъ просить пощады. Симеонъ заключилъ съ новгородцами миръ, причемъ, по сказанію лѣтописца, «многу власть у посадника отъя».

Въ это же время получилъ полную независимость отъ Новгорода и Псковъ, образовавшій отдѣльное народоправство и именуясь «младшимъ братомъ Новагорода .

Но не смотря на начавшіяся со стороны московскихъ великихъ князей старанія сломить новгородскую самостоятельность, новгородцы не переставали считать себя дѣтьми русской земли, сынами православной Руси и только боролись за свою волю, за свой вѣчевой укладъ. Когда Руси угрожало нашествіе Мамая и московскій великій князь Дмитрій Донской, созывая всеобщее русское ополченіе, не обратился къ новгородцамъ, то они, по собственному почину, послали, подъ начальствомъ посадника Ивана Васильевича, войско въ 40 тысячъ человѣкъ. Въ Куликовской битвѣ войско это составляло правое крыло въ передовомъ полку и понесло большія потери, лишившись, въ числѣ убитыхъ, девяноста своихъ знатнѣйшихъ гражданъ.

Воевали новгородцы и не безъ успѣха съ великимъ княземъ Василіемъ Дмитріевичемъ изъ за Заволоцкихъ или Двинскихъ владѣній и заключили съ нимъ миръ по старинѣ. Во время долголѣтняго кроваваго столкновенія великаго князя московскаго Василія II Темнаго съ своими двоюродными братьями Василіемъ Косымъ и Дмитріемъ Шемякою, новгородцы давали имъ всѣмъ троимъ у себя убѣжище, а Шемяку держали у себя княземъ до его смерти. За это Василій объявилъ Новгороду войну, побѣдилъ его и заставилъ заключить миръ, условіями котораго усилилъ вліяніе московскихъ князей на ограниченіе самостоятельности Новгорода и взялъ съ него обѣщаніе не принимать къ себѣ князьями никого изъ лиходѣевъ великимъ князьямъ московскимъ.

Наступало иное время. Удѣльный періодъ оканчивалъ свое существованіе. На престолъ московскій и всея Руси вступилъ Іоаннъ III Васильевичъ Великій. Собирая землю русскую и устанавливая въ ней самодержавіе, Іоаннъ обратилъ вниманіе и на сѣверныя русскія народоправства. Подчинивъ легко и разомъ Вятку, онъ ждалъ случая наложить свою руку на Новгородъ и Псковъ. Чуяли это новгородцы, и стала созрѣвать въ нихъ мысль поддаться Литвѣ и признать власть Гедиминовичей, съ сохраненіемъ своего самоуправленія по старинѣ. Душою этого направленія была посадничья вдова Марѳа Борецкая.

Воспользовавшись войною Іоанна III съ Казанью, новгородцы начали утаивать великокняжескія пошлины, отбирать уступленныя Москвѣ земли и воды, бранить и безчестить великокняжескаго намѣстника, жившаго на

Городищѣ (въ двухъ верстахъ отъ Новгорода); новгородскіе порубежники стали нападать на московскія волости. Іоаннъ, дѣйствуя осторожно, нѣсколько разъ посылалъ въ Новгородъ пословъ съ требованіемъ исправиться и жить по старинѣ. Новгородцы не унимались.

Къ польскому королю и великому князю литовскому Казиміру отправились сынъ Марѳы посадникъ Дмитрій Борецкій, съ другимъ посадникомъ и житыми людьми для заключенія договора о союзѣ его съ Новгородомъ, «съ мужи вольными», на основаніи древнихъ уставовъ новгородскаго народоправства. Казиміръ принялъ предложенныя ему условія и тогда была написана договорная грамота, въ которой новгородцы, предоставляя королю право держать на Городищѣ своего намѣстника греческой вѣры, съ дворецкимъ и тіуномъ, ограждали свою самобытность по старинѣ; требовали защиты отъ нападенія московскаго государя; устанавливали невмѣшательство въ дѣла вѣры и церкви; запрещали строить костелы въ новгородскихъ владѣніяхъ и заключали грамоту такъ: «А держать тебѣ честный король Великій Новгородъ въ воли мужей вольныхъ, по нашей старинѣ и по сей крестной грамотѣ. А на томъ на всемъ, честный король крестъ цѣлуй ко всему Великому Новугороду за все свое княжество и за всю Раду Литовскую въ правду, безъ всякаго извѣта; а Новогородскіе послове цѣловаша крестъ *Новгородскою душею* къ честному Королю за весь Великій Новгородъ въ правду, безъ всякаго извѣта».

Новгородцы приняли съ честью литовскаго князя Михаила Олельковича Кіевскаго; но тотъ не ужился съ

ними и черезъ четыре мѣсяца уѣхалъ, ограбивъ Старую Руссу.

Іоаннъ, узнавъ о договорѣ новгородцевъ съ Казиміромъ, послѣ неудачнаго посольства къ нимъ Товаркова, объявилъ Новгороду войну.

Шелонская битва 14 іюля 1471 года рѣшила дѣло. Іоаннъ казнилъ посадника Дмитрія Борецкаго съ тремя другими знатнѣйшими плѣнниками и осадилъ городъ. Новгородцы запросили пощады. Іоаннъ далъ миръ и взялъ денежный окупъ, съ условіемъ: 1) не поддаваться Литвѣ; 2) не принимать литовскихъ и вообще враждебныхъ Іоанну князей; 3) посвященіе новгородскому владыкѣ принимать только отъ московскаго митрополита, и 4) платить по прежнему черную или народную дань (черный боръ), а также платить и судныя пошлины московскому митрополиту. Въ договорной грамотѣ Новгородъ именуется еще «вольными мужами».

Черезъ мѣсяцъ въ Новгородѣ произошло кровавое столкновеніе между сторонниками Москвы и Литвы. Степенный посадникъ Онаньинъ съ 18-ю боярами и вооруженнымъ отрядомъ побилъ и пограбилъ приверженцевъ Москвы. Тѣ обратились съ челобитьемъ къ Іоанну, который отправился въ Новгородъ съ многими людьми для разбора дѣла и велѣлъ отправить въ Москву скованными посадника Онаньина съ тремя главными товарищами, а также сына Марѳы Ѳедора Борецкаго и еще четырехъ бояръ, которыхъ и заключилъ въ тюрьму.

Іоаннъ постепенно шелъ къ намѣченной цѣли. Число сторонниковъ Москвы въ Новгородѣ росло. Всѣ обиженные и недовольные искали суда у великаго князя. Оставалось нанести послѣдній, рѣшительный ударъ.

Въ 1477 году пріѣхали въ Москву въ качествѣ новгородскихъ пословъ отъ владыки и всего Новгорода подвойскій Назарій и вѣчевой дьякъ Захаръ. Принятые торжественно Іоанномъ, они именовали его государемъ, тогда какъ до тѣхъ поръ онъ именовался только господиномъ Великаго Новгорода. Такъ же именовали они Іоанна и въ поданномъ ими челобитьи. Іоаннъ послалъ въ Новгородъ посольство спросить, какого они хотятъ государства? хотятъ ли, чтобы въ Новгородѣ былъ одинъ судъ государя; чтобъ тіуны его сидѣли по всѣмъ улицамъ, и чтобы дворъ Ярослава очистить для великаго князя? Созвали вѣче. Новгородцы возмутились. Нѣсколько главнѣйшихъ сторонниковъ Москвы было убито. Снова раздались голоса поддаться Литвѣ. Къ Казиміру послали пословъ съ просьбою о помощи въ борьбѣ съ Іоанномъ. Марфа Борецкая продолжала стоять во главѣ этой рѣшимости новгородцевъ.

Іоаннъ собралъ войско и пошелъ на Новгородъ войной. Онъ занялъ Городище и окрестные монастыри. Новгородъ раздвоился. Сторонники мира оказались въ большинствѣ. Новгородъ послалъ къ Іоанну пословъ съ заявленіемъ покорности. Іоаннъ поставилъ свои условія. «Государство наше таково: вѣчевому колоколу въ Новгородѣ не быть; посаднику не быть; а государство все намъ держать; волостями, селами намъ владѣть, какъ владѣемъ въ Низовой землѣ, чтобъ было на чемъ намъ быть въ нашей отчинѣ, а которыя земли наши за вами, и вы ихъ намъ отдайте; вывода не бойтесь. въ боярскія вотчины не вступаемся, а суду быть по старинѣ, какъ въ землѣ судъ стоитъ .

Новгородцы просили, чтобы Іоаннъ цѣловалъ крестъ въ соблюденіи этихъ условій. Іоаннъ отказалъ; не велѣлъ цѣловать креста ни боярамъ своимъ, ни намѣстнику. Новгородцы согласились на все. Тогда послѣдній выборный князь новгородскій князь Шуйскій-Гребенка сложилъ съ себя званіе воеводы и перешелъ на службу къ Іоанну, который принялъ его съ особою милостью. Московскіе бояре привели Новгородъ къ присягѣ на вѣрность Іоанну. Цѣловали крестъ всѣ, не исключая женъ и людей боярскихъ. Ярославле Дворище было отдано Іоанну, который велѣлъ схватить Марѳу Борецкую съ внукомъ ея Васпльемъ и шестью знатными новгородцами ея единомышленниками и отправить въ Москву, а имѣнія ихъ отписать на себя. 17 февраля 1478 года Іоаннъ, взявъ богатую дань, уѣхалъ въ Москву. Болѣе 300-тъ возовъ съ золотомъ, серебромъ и разными драгоцѣнными товарами и вещами потянулось велѣдъ за нимъ. Увезли и вѣчевой колоколъ, который повѣсили въ Московскомъ Кремлѣ.

Но не въ конецъ покорился Новгородъ. Когда въ 1479 г. ханъ Золотой Орды въ союзѣ съ Казиміромъ Литовскимъ началъ грозить Москвѣ нашествіемъ и братья Іоанна III задумали воспользоваться этимъ для возвращенія своихъ удѣльныхъ правъ, то новгородцы снова стали сноситься съ Казиміромъ и съ нѣмцами, приглашая ихъ къ себѣ. Іоаннъ, желая предупредить Казиміра, быстро пошелъ на Новгородъ, осадилъ его и сталъ громить изъ пушекъ. Новгородцы открыли ворота. Владыка Ѳеофилъ былъ сосланъ въ Москву; имѣніе его отобрано на государя. Іоаннъ лишилъ новго-

родцевъ права избирать владыкъ изъ своихъ духовныхъ гражданъ, назначивъ самъ для жребія трехъ духовныхъ лицъ изъ Москвы. Болѣе ста заговорщиковъ изъ богатѣйшихъ и знатнѣйшихъ родовъ новгородскихъ были частью казнены, частью заключены въ московскія темницы; имѣнія ихъ были отписаны на государя. Въ 1487 г. было переведено изъ Новгорода въ Владиміръ 50 лучшихъ купеческихъ семействъ, а въ слѣдующемъ 1488 г., когда новгородцы покусились на жизнь великокняжескаго намѣстника, то тотъ казнилъ и повѣсилъ многихъ житыхъ людей, а затѣмъ, по приказу Іоанна, вывелъ изъ Новгорода около восьми тысячъ бояръ, купцовъ и житыхъ людей съ ихъ женами и дѣтьми, отписавъ ихъ имѣніе на государя. Ихъ разселили по разнымъ городамъ русскимъ, выславъ на ихъ мѣсто въ Новгородъ боярскихъ дѣтей и купцовъ изъ Москвы и городовъ Низовой земли. Всѣ новгородскія церковныя имѣнія были розданы Іоанномъ въ помѣстье московскимъ боярскимъ дѣтямъ.

Дрогнулъ Новгородъ въ основѣ своей, расшатался— но еще жилъ. Ожидалъ его послѣдній, ужасный разгромъ.

Въ 1569 году явился къ Іоанну Грозному волынецъ Петръ и донесъ, что новгородцы хотятъ предаться польскому королю; что у нихъ составлена объ этомъ грамота и положена въ Софійскомъ соборѣ за образомъ Богоматери. Іоаннъ послалъ довѣреннаго человѣка, который отыскалъ грамоту за образомъ и привезъ къ государю. Была ли она подлинная или подложная неизвѣстно; но подписи на ней архіепископа Пимена и дру-

гихъ именитыхъ гражданъ походили на настоящія. Іоаннъ двинулся на Новгородъ въ декабрѣ 1569 года и началъ разгромъ съ Клина, ограбивъ и опустошивъ дорогою огнемъ и мечемъ Тверь, Торжокъ, Вышній-Волочекъ и всѣ мѣста до Новгорода. 2 января 1570 г. подошелъ къ Новгороду передовой отрядъ царской дружины и устроилъ крѣпкія заставы вокругъ всего города, чтобы никто не могъ убѣжать. Бояре и дѣти боярскіе изъ того же отряда бросились на подгородные монастыри, запечатали монастырскія казны, а игуменовъ и монаховъ числомъ болѣе 500 поставили на правежъ до государева пріѣзда. Въ самомъ Новгородѣ были собраны священники и дьяконы всѣхъ церквей и отданы на соблюденіе приставамъ по десяти на каждаго пристава. Ихъ заключили въ оковы и каждый день съ утра до вечера били на правежѣ, взыскивая съ каждаго по 20 рублей. Подцерковныя и домовыя палаты всѣхъ приходскихъ церквей и кладовыя богатыхъ гражданъ, гостей и купцовъ были опечатаны. Приказныхъ людей оковали цѣпями; ихъ женъ и дѣтей стерегли въ домахъ. 6 января пріѣхалъ Грозный съ сыномъ своимъ Иваномъ, съ опричниками и 1500 стрѣльцовъ и сталъ на Городищѣ. На другой же день онъ повелѣлъ всѣхъ игуменовъ и монаховъ, еще стоявшихъ на правежѣ, бить до смерти палицами и трупы ихъ развозить по монастырямъ для погребенія.

На третій день, въ воскресенье, Грозный отправился къ обѣднѣ въ Софійскій соборъ. На мосту, у часовни Чуднаго Креста встрѣтилъ его, по обычаю, крестнымъ ходомъ владыка Пименъ и хотѣлъ осѣнить крес-

томъ. Грозный уклонился, назвалъ владыку хищнымъ волкомъ, губителемъ и измѣнникомъ и велѣлъ ему идти въ соборъ служить обѣдню, у которой былъ и самъ съ своимъ дворомъ. Послѣ обѣдни, Грозный съ сыномъ своимъ Иваномъ и главарями опричниковъ отправился къ владыкѣ Пимену въ Грановитую Палату обѣдать, сѣлъ за столъ «и начатъ ясти, і вскорѣ нечто поведши, і возопи гласомъ велиемъ, съ яростію, къ своимъ князем і боляромъ, по обычаю, ясакомъ царьскимъ. Тотчасъ повелѣ государь архиепископову казну і весь дворъ его владычень, со всѣми обиходы, и всѣ палаты и келіі пограбити, і бояръ его владычнихъ і всѣхъ слугъ его повелѣ перемати і за приставы отдати, до своего указа, а самого владыку Пимена, ограбивъ, повелѣ за приставы его отдати». Ризницы Софійскаго собора и другихъ церквей и монастырей были разграблены; чудотворныя корсунскія иконы, священные сосуды, ризы и колокола отписаны на государя. Затѣмъ Грозный вернулся съ сыномъ на Городище и велѣлъ вести къ нему новгородцевъ съ ихъ женами и дѣтьми на судъ и расправу.

И повелѣ государь ихъ предъ собою горцѣ и люте и безчеловѣчне различными муками мучити і по многихъ неисповѣдимыхъ, горькихъ и различныхъ мукахъ повелѣ государь тѣлеса ихъ нѣкоею составною мудростію огненою подъжигати, ихже імешуется подъжаръ.

Затѣмъ этихъ замученныхъ, полуобожженныхъ страдальцевъ привязывали за голову, за руки или за ноги къ санямъ и влекли болѣе двухъ верстъ на Волховской мостъ, откуда съ нарочно устроеннаго высокаго

помоста и метали въ Волховъ. Съ того же помоста сбрасывали женъ и дѣтей опальныхъ новгородцевъ, привязывая къ матерямъ грудныхъ младенцевъ. Лютые опричники Грознаго ѣздили по расчищенному отъ льда мѣсту Волхова на лодкахъ и добивали баграми и топорами тѣхъ, кто еще держался на водѣ. И продолжалось это изумительное безчеловѣчіе, по словамъ лѣтописца, «до пяти седмицъ і болше, і на всякъ убо день ввергнутъ і потопятъ в водѣ человѣкъ всякаго возраста, числомъ яко до тысящи, а иногда і до полуторы тысящи, а тотъ день облегченъ и благодаренъ иже ввергнутъ в воду до пятисотъ или до штисотъ человѣкъ.

Затѣмъ Грозный отправился грабить и разорять окрестные монастыри и посады, жечь хлѣбъ, бить скотъ. Вернувшись, велѣлъ грабить Новгородъ, хоромы и двери ломать, окна и ворота высѣкать. Съ тою же цѣлью онъ послалъ отряды верстъ за 200 и даже до 300-тъ отъ Новгорода, приказавъ грабить жителей, расхищать дома, убивать скотъ, жечь хлѣбъ и запасы «у всякихъ людей, безъ пощадѣнья, чей кто ни буди, безъ разсужденія».

И бысть, убо, того непсповѣдимаго колебанія і великаго паденія, і кровопролитія человѣческому роду в Великомъ Новограде и окрестнымъ странамъ около Великаго Новаграда безпрестани, шесть недѣль, грѣхъ ради нашихъ».

Владыку Пимена возили по улицамъ Новгорода на бѣлой кобылѣ, въ худой одеждѣ съ волынкою и бубномъ въ рукахъ, заставляя играть на волынкѣ.

Погромъ въ городѣ прекратился 13 февраля 1570 г. въ понедѣльникъ второй недѣли великаго поста. Часть опальныхъ людей была отослана въ Александровскую Слободу, гдѣ Грозный многихъ замучилъ до смерти, а остальныхъ, послѣ многихъ пытокъ, разослалъ по городамъ на жительство. Владыку Пимена отвезли въ Москву, а затѣмъ сослали въ Никольскій Веневскій монастырь, гдѣ онъ вскорѣ и умеръ.

Кончился погромъ; настали голодъ и болѣзни. Долго Волховъ не могъ пронести живую запруду изъ искалеченныхъ человѣческихъ тѣлъ. Утверждаютъ, что городскихъ и сельскихъ жителей погибло тогда не менѣе шестидесяти тысячъ человѣкъ. Ужасъ и оцѣпенѣніе царили въ Новгородѣ до осени. Только 8 сентября, оставшіеся еще въ живыхъ духовенство и міряне собрались въ полѣ у церкви Рождества Христова служить общую панихиду за усопшихъ надъ тамошнею скудельницею, гдѣ лежало еще десять тысячъ неотпѣтыхъ тѣлъ.

Съ той поры опустѣлъ Новгородъ, обнищалъ и затихъ.

Мѣрно катитъ старый Волховъ синія волны свои; стоитъ и Софійскій соборъ; но «Господина Великаго Новгорода» уже нѣтъ! Онъ опочилъ — и опочилъ навсегда.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Гостомысловъ курганъ.

Гостомысловъ курганъ не высокъ, но великъ
Для Россіи въ завѣтѣ своемъ;
Стародавняя рознь прильменскихъ славянъ
Опочила, кровавая, въ немъ.

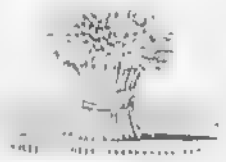
Тотъ курганъ былъ насыпанъ народной рукой —
Дань любви и ограда могилъ.
Притекалъ къ ней народъ, и пригоршней земли
Каждый память усопшаго чтилъ.

И возвысился холмъ надъ могилой того,
Кто далъ мудрый, чреватый совѣтъ
Подчиниться варягу, чтобъ властью одной
Оградить безначалія вредъ.

Съ той поры началась, зародилася Русь
Подъ державствомъ варяжскихъ князей,
И пошла она крестнымъ, тернистымъ путемъ,
Укрѣпляясь въ силѣ своей.

И все шире и шире порфира ея;
Мечъ въ рукѣ, но въ устахъ ея миръ.
Необъятна ты, Русь! и предъ мощью твоей,
Озираясь, склоняется міръ.

Гостомысловъ курганъ или холмъ находится на Волотовѣ полѣ, въ трехъ верстахъ отъ Новгорода, на правомъ берегу Волхова, саженяхъ въ двадцати отъ Успенской церкви. Онъ, по преданію, насыпанъ пригоршнями новгородцевъ надъ могилою ихъ послѣдняго старѣйшины Гостомысла, сына Буривоя, прахъ котораго, по сказанію лѣтописи, «проводиша честно всѣмъ Великимъ Новоградомъ до мѣста парицаемаго Волоты, и ту погребоша его». Волоты — значитъ исполины, богатыри. Сыновья Гостомысла умерли при его жизни, а средняя его дочь Умила вышла замужъ за варяжскаго князя Діона и, по преданію, была мать Рюрика. Гостомыслу однажды приснилось, что изъ чрева его дочери Умилы произрастало огромное плодоносное дерево, покрывавшее вѣтвями своими какой-то обширный городъ и плодами насыщавшее людей всей земли. По разъясненію прорицателей это обозначало благословенное державное потомство отъ Умилы, что, можетъ быть, послужило одною изъ причинъ призванія именно Рюрика на княженіе въ Новгородъ.



Образъ Спасителя на сводѣ средней главы Софійскаго храма.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 10 Ноября 1900 г.

Вѣщаніе.

Въ Софійскомъ храмѣ кончена работа;
Расписаны всѣ стѣны, своды главъ.
Иконописцы-греки изъ Царьграда
Блюли письма церковнаго уставъ.

Пришелъ во храмъ владыка новгородскій
Благословенье дать. Падутъ лѣса:
Очистится соборъ—и возсіяетъ
Въ немъ христіанской святости краса.

И къ образу Спасителя на сводѣ
Главы срединной подошелъ онъ. Вдругъ
Владыки очи скорбью омрачились.
—«Зачѣмъ ты искажать дерзаешь, другъ?

«Или забылъ, какъ пишется десница?
«Исправь». Ушелъ владыка, а писецъ
Въ раздумьи тяжкомъ плакалъ на помостѣ.
«Безславье — вотъ трудовъ моихъ вѣнецъ!

«Что это? чудо? или наважденье
«Очамъ моей грѣховной слѣпоты?
«Я написалъ ее, какъ подобаетъ
«Благословенью складывать персты.

«А нынѣ—сжата! Не могли же братья,
«Такъ подшутить кощунственно со мной.
«Былъ запертъ храмъ; мы въ ночь не разлучались;
«Не могъ войти никто сюда иной».

Со страхомъ онъ принялся за работу;
Съ молитвою къ десницѣ подступилъ;
Дѣянье неизвѣстнаго исправилъ;
Благословляющей ее изобразилъ.

На утро входитъ — снова сжата. Больно
Заныло сердце. Собрались писцы.
Рѣшили вновь ему свой трудъ исправить.
Страшилися огласки чернецы.

Онъ исправлялъ; они вокругъ молились:
Царила въ храмѣ темномъ тишина.
Замкнули двери; вмѣстѣ удалились.
Нельзя въ соборъ проникнуть изъ окна.

Всю ночь они пребыли неразлучно.
Настало утро. Всходятъ на лѣса;
Приблизились — опять десница сжата.
Суровы стали старцевъ голоса.

—«Ты недостоинъ. Удались! Отверженъ.
«И больше въ храмъ входить уже не смѣй».
Онъ зарыдалъ. Съ увѣтомъ обратился
Къ нему старѣйшій, инокъ-іерей.

—«Быть можетъ, ты грѣхомъ незамоленнымъ
Прогнѣвалъ Господа, и не тебѣ
«Благословляетъ Онъ твой трудъ докончить.
«Подай мнѣ кисть. Дерзну. А ты, въ мольбѣ,

Къ Нему взывай! Смиренно, на колѣняхъ,
Въ порывѣ слезномъ грѣхъ твоей вины
«При насъ повѣдай». Взялъ палитру старецъ—
И слышитъ гласъ Господень съ вышины.

—«Оставь, какъ есть. Грядущимъ въ указанье
«Да явится рука моя, писецъ.
Въ десницѣ сжатой Новгородъ держу я;
А разогнется — и ему конецъ».

Святая Софія или «домъ Святой Софіи» первый въ Новгородѣ каменный храмъ во имя «Софіи Премудрости Божіей» былъ заложенъ въ 1045 году великимъ княземъ Владиміромъ Ярославичемъ, внукомъ Святого Владиміра просвѣтителя Руси. Для постройки и украшенія храма были вызваны художники изъ Царьграда, которые, согласно византійскому обычаю, строили его семь лѣтъ, по образцу сименнаго царьградскаго храма Юстиніана. Освященіе собора было совершено 14 сентября 1052 года вторымъ новгородскимъ епископомъ Лукою. Храмъ этотъ за время своего существованія три раза подвергался ограбленію. Въ 1065 году полоцкій князь Всеславъ взялъ всю церковную утварь, паникадила и колокола. Въ 1570 году Іоаннъ Грозный увезъ въ Москву всю

ризничную казну, много драгоцѣнной утвари, мѣдныя золоченыя врата (находящіеся нынѣ въ церкви г. Александрова, бывшей Александровской слободѣ) чудотворныя корсунскія иконы и нѣсколько колоколовъ. Въ 1611 году храмъ ограбили шведы, причемъ убили двухъ священниковъ и сожгли жалованную грамоту 1504 года.

На сводѣ средней главы храма изображенъ современный его постройкѣ и первый по времени чудотворный образъ Спасителя съ благословляющей десницею, персты которой сжаты до половины. Описанное выше преданіе объ этой десницѣ находится въ III-ей новгородской лѣтописи.

На храмовой чудотворной иконѣ Софія Премудрость Божія изображена такъ: Посреди иконы огненный крылатый ангелъ, въ царскомъ вѣнцѣ съ крестомъ на верху, въ царскомъ далматикѣ съ ораремъ, сидящій на золотомъ престолѣ, подпертомъ семью столбами. Въ правой рукѣ ангела скипетръ съ крестомъ на верху; въ лѣвой—свитокъ; надъ ушами «тороцы» или «слухи» (украшеніе въ родѣ серегъ). По сторонамъ ангела стоятъ: Божія матерь въ червленой одеждѣ, держащая при персяхъ круглую икону благословляющаго божественнаго Младенца, и Іоаннъ Предтеча, покрытый власяницею и держащій въ лѣвой рукѣ свитокъ, на которомъ написано: «се Агнецъ Божій» и т. д. Надъ главою сидящаго на престолѣ ангела въ небольшомъ огненномъ кругѣ представленъ Спаситель въ червленомъ хитонѣ и голубой хламидѣ, благословляющій обѣими руками. Отъ главы Спасителя по обѣ стороны простирается зеленая полоса, на подобіе радуги, а надъ нею звѣздное

голубое небо, на которомъ, надъ самою главою Спасителя, стоитъ четвероножный престолъ, съ раскрытою на немъ книгою; съ обѣихъ сторонъ престола припадаютъ къ нему по три ангела. Икона эта, по свидѣтельству извѣстнаго при Грозномъ священника Сильвестра, современна постройкѣ новгородскаго храма и составляетъ копію съ сожженной царьградской иконы. Кіевская Софійская икона позднѣйшаго происхожденія и совершенно различна отъ новгородской. Храмовой праздникъ Софійскаго собора празднуется 15 августа въ день Успенія Богоматери.

На колокольнѣ храма есть колоколъ, называемый казненный. Когда Грозный въѣзжалъ въ Новгородъ для погрома и владыка Пименъ встрѣтилъ его крестнымъ ходомъ у моста, то ударъ этого колокола испугалъ царскаго коня, который упалъ подъ Грознымъ. За это Грозный приказалъ отрубить колоколу уши. Впослѣдствіи колоколъ этотъ былъ перелитъ *).

*) Свѣдѣнія о храмахъ и святыняхъ новгородскихъ извлечены изъ сочиненій: архим. Макарія — археологическое описаніе церковныхъ древностей въ Новгородѣ и его окрестностяхъ. М. 1860 г. и графа М. Толстого—святыни и древности Великаго Новгорода. М. 1862 г. Позднѣйшія измѣненія провѣрены личнымъ осмотромъ.

Знаменіе.

Обложенъ Новгородъ кругомъ врагами.
Дружины княжьи боя жадно ждутъ:
Между собою городъ раздѣляютъ;
Богатую добычу обрѣтутъ.

Но не упалъ великій городъ духомъ;
Не захотѣлъ сдаваться онъ врагу.
Рѣшилъ — стоять на смерть! и лишь по трупамъ
Его впустить къ родному очагу.

Идутъ на приступъ. Пастырь новгородскій
Всю ночь въ молитвѣ плакалъ и взывалъ
О помощи небесной. Врагъ несчетенъ.
На Бога лишь надежду возлагалъ.

Въ порывѣ долгомъ изнемогъ; склонился
Передъ иконой древнею Христа;
Челомъ приникъ къ холодному помосту;
Затмился взоръ; сомкнулися уста —

И слышитъ голосъ: «подыми икону
«Въ Пльинскомъ храмѣ Матери Моей;
Внеси на стѣны: воззови отъ сердца —
И дастъ побѣду силою Своей .

Послалъ. Берутъ—не трогается съ мѣста;
Не оторвать насильно отъ стѣны.
Вернулися. Со страхомъ доложили,
Таинственнымъ упорствомъ смущены.

Тогда владыка, съ клиромъ, крестнымъ ходомъ
Пошелъ во храмъ; съ молитвой преклонясь,
Молилъ исполнить Господа вѣщанье
И смиловаться. Подошелъ — снялась.

Понесъ ее. Вокругъ пылали свѣчи;
Дымился ладанъ; пѣлъ церковный клиръ;
Во слѣдъ народъ, взывая сокрушенно,
О милости Владычицу молилъ.

Взошли на верхъ. Затмили солнце стрѣлы;
Ихъ остріемъ усѣялась стѣна;
Вокругъ владыки роемъ пролетѣли;
Вонзилась въ ликъ Владычицы одна.

Въ очахъ иконы заросились слезы
И пали на владычную фелонь,
И засверкалъ алмаза переливомъ
Ихъ неземной, божественный огонь.

Пронесся вихрь. Напалъ внезапный ужасъ
На грозный строй безчисленныхъ враговъ;
Въ смятеньи другъ на друга устремились
Дружины вражьи княжескихъ полковъ.

Тогда на нихъ напали новгородцы;
Разбили въ прахъ; погнали далекò;
И забирали плѣнныхъ, какъ барановъ,
Такъ ихъ смятенье было велико.

И чтитъ донынѣ городъ сжегодно
Владычицы защиту Пресвятой
Священнымъ ходомъ отъ Святой Софіи
Во храмъ иконы чудотворной той.

Означенное событіе совершилось 25 февраля 1170 года, когда полки великаго князя Андрея Боголюбскаго съ дружинами князей: смоленскаго, рязанскаго, муромскаго и полоцкаго, подъ предводительствомъ сына Боголюбскаго Мстислава, осадили Новгородъ, съ цѣлью подчинить его великокняжескому вліянію. Новгородцы взяли такъ много плѣнныхъ, что продавали за гривну десять человѣкъ.

Въ благодарность за одержанную побѣду новгородцы соорудили на Торговой сторонѣ обширный каменный храмъ во имя чудотворной иконы Богоматери, извѣстной съ тѣхъ поръ подъ именемъ Знаменія. Икона эта древняго византійскаго письма, по мѣстному преданію, считается современною введенію христіанства въ Новгородѣ и до перенесенія ея въ Знаменскій соборъ была запрестольною иконою въ Спасской церкви на Ильинской улицѣ. Подъ лѣвымъ окомъ иконы замѣтно пятно отъ пораженія ея стрѣлою; а подъ иконою написанъ на деревѣ видъ древняго Новгорода во время его осады

войсками Боголюбскаго. На этомъ рисункѣ, написанномъ позднѣе, не ранѣе 16-го вѣка, Новгородъ, кромѣ стѣнъ дѣтинца, укрѣпленъ еще двумя рядами деревянныхъ стѣнъ. Первая изъ нихъ окружала дѣтинецъ, а вторая шла вокругъ всего города по обѣимъ сторонамъ Волхова.

Въ день празднованія этой иконы 27 ноября ежегодно совершается крестный ходъ изъ Софійскаго въ Знаменскій соборъ, завершающійся архіерейскимъ служеніемъ въ этомъ соборѣ. По особому почитанію новгородцевъ этой иконы, она, въ дни крестныхъ ходовъ вокругъ города, приносится передъ обѣдней въ Софійскій соборъ, откуда выходятъ встрѣчать ее къ часовнѣ Чуднаго креста у Волховскаго моста. По окончаніи крестнаго хода икона эта сопровождается всѣмъ духовенствомъ до той же часовни.

Владыкою новгородскимъ во время осады Новгорода войсками Боголюбскаго былъ святой Іоаннъ (1165 — 1186) мощи котораго почиваютъ въ Софійскомъ соборѣ. Написанный въ нишѣ, на каменной стѣнѣ, образъ Спасителя, передъ которымъ молился святитель о небесной помощи, находится и понынѣ въ сѣняхъ у входа въ Грановитую палату.

Престольная или Грановитая палата (называемая въ лѣтописяхъ также Одриною и Великія сѣни) имѣетъ четыре равныхъ свода, опирающіеся на срединный столпъ. Длина ея 6 саж. 10 верш., ширина 6 саж. 4 1/2 верш., высота 4 аршина 3 вершка. Грановитою она названа отъ разводовъ изъ трехугольныхъ граней, украшавшихъ своды, которые нынѣ обдѣланы. Въ этой Палатѣ со-

вершались торжественные пріемы князей и пословъ; въ ней же происходили торжественныя собранія и обѣды у новгородскихъ владыкъ. Въ ней вѣроятно собирался и такъ называемый «одринъ судъ», состоявшій изъ боярина и житейнаго отъ каждаго изъ пяти новгородскихъ концовъ и изъ двухъ приставовъ, по одному отъ участвующихъ въ дѣлѣ сторонъ. Всѣ эти двѣнадцать судей принимали передъ исполненіемъ своей судейской обязанности присягу.

Въ этой Палатѣ покончилась и самобытность Пскова младшаго брата Великаго Новгорода, въ 1510 году. Исковичи жаловались великому князю Василію III Іоанновичу на его намѣстника князя Оболенскаго-Рѣпню. Василій вызвалъ въ Новгородъ десять псковскихъ посадниковъ и купеческихъ старостъ всѣхъ родовъ. Съ ними прибыло въ Новгородъ и много гражданъ, считавшихъ себя обиженными намѣстникомъ. 6 января 1510 года Василій велѣлъ собраться имъ всѣмъ къ владычному дому. Посадниковъ и старостъ ввели въ Грановитую Палату, остальныхъ оставили на дворѣ. Вмѣсто Василія, въ Палату вошли великокняжескіе думные бояре и объявили собраннымъ, что они «поиманы еси Богомъ и государемъ Василіемъ Іоанновичемъ». Ихъ заключили въ владычномъ домѣ, а оставшихся на дворѣ отдали подъ стражу новгородскимъ боярскимъ дѣтямъ. Затѣмъ послѣдовало уничтоженіе псковскаго вѣча, увозъ въ Москву вѣчеваго колокола и полное подчиненіе Пскова московскому государю.

Въ этой же Палатѣ, 60 лѣтъ спустя, былъ у владыки Пимена роковой обѣдъ, на которомъ Грозный

призвалъ своихъ опричниковъ къ новгородскому разгрому.

Въ Грановитой Палатѣ устроена въ 1822 году церковь во имя Святаго архіепископа Іоанна.

Къ Грановитой Палатѣ примыкаютъ прежніе, давно уже необитаемые покои новгородскихъ владыкъ. Покои эти состоятъ изъ двухъ комнатъ: первой, небольшой, и второй, угловой, побольше. Въ первой, въ толщѣ наружной стѣны устроенъ узкій темный затворъ, въ который уединялся владыка Іоаннъ на время молитвы. На стѣнахъ второго покоя изображены нѣкоторыя событія изъ жизни святого Іоанна во время его архіепископства въ Новгородѣ. На стѣнахъ входныхъ сѣней изображено чудесное пораженіе войскъ Боголюбскаго при осадѣ Новгорода въ 1170 году.

Подъ всѣмъ этимъ зданіемъ, называемымъ Іоанновскимъ корпусомъ, находится обширное подземелье, завершающееся сводами, которые опираются на пять четырегранныхъ устоевъ, расположенныхъ въ рядъ посреди подземелья. Оно образуетъ двѣнадцать высокихъ, до двухъ сажень, участковъ, нѣкоторые изъ нихъ забраны до верха толстыми бревнами. Въ наружныхъ стѣнахъ, подъ самыми сводами, продѣланы небольшія окна, съ свѣтовыми откосами. На одномъ откосѣ и по сторонѣ противоположнаго своднаго устоя замѣтны слѣды стѣнной живописи, написанной въ кругахъ. Замѣтны и слѣды печей. Подземелье это служило темницей.

Къ Іоанновскому зданію примыкаетъ Евѳиміевское, заканчивающееся Евѳиміевскою башнею (часозвонею)

высотою въ 22 сажени, въ которой были устроены часы. Въ этомъ зданіи жили новгородскіе владыки съ 15-го до второй половины 18-го вѣка. У башни, надъ воротами, находится небольшая старинная церковь во имя преподобнаго Сергія, служившая домашнею (крестовою) церковью владыкъ. Прежде это зданіе доходило до корсунскихъ вратъ Софійскаго собора; нынѣ оно укорочено и передѣлано.

Древнѣйшимъ зданіемъ былъ Никитинскій корпусъ, тоже доходившій до Софійскаго собора и соединявшійся съ Іоанновскимъ корпусомъ крытымъ переходомъ. Въ 1831 году зданіе это было значительно укорочено и передѣлано. На мѣстѣ этого зданія, вѣроятно въ бременчатыхъ покояхъ, жилъ новгородскій владыка Святой Никита (1096—1107 г.) мощи котораго почиваютъ открыто въ Софійскомъ соборѣ.

Николо-Дворищскій соборъ.

Дозволено цензурою. С-Петербургъ, 10 Ноября 1900 г.

Типографія В. Безобразова и К°. (В. О., 8 л., № 45).

У б ѣ ж и щ е.

— Смерть! смерть ему!» «зарокотало вѣче.
И въ общій крикъ слилися голоса.
Ища послѣдней, неземной защиты,
Онъ обратилъ свой взоръ на небеса.

Но тамъ безмолствовали. Страхомъ сердце
Разбитое, наполнилось его.
Смерть неизбѣжна. Приговоръ всесиленъ.
Всѣ противъ! за пощаду—никого.

Онъ былъ невиненъ. Клевета извѣта
Его на судъ народный привела;
Безжалостно въ измѣнѣ уличала,
И безпощадна въ вымыслѣ была.

Онъ побѣжалъ. Во слѣдъ за нимъ погнались.
Схватили было. Вырвался. Бѣда!
Поймаютъ. Ужасъ придалъ ему крылья.
Летитъ, какъ вихрь, не вѣдая куда.

Ступени... паперть... двери... Онъ за ними.
Амвонъ... алтарь... должно быть, Божій храмъ.
Ницъ распростерся онъ. Въ нѣмой молитвѣ
Вознесся къ небу — да услышатъ тамъ.

Сейчасъ вбѣгутъ — святыни не уважатъ —
И вытащатъ, и повлекутъ на мостъ,
И въ Волховъ бросятъ. Ждетъ, сомкнувши очи;
Трепещетъ весь, и чуятся: — помостъ,

Воды объятья, холода озноби,
И судороги страшныхъ, смертныхъ мукъ!..
Не трогаютъ. Онъ голову припо́днялъ;
Взглянуть дерзнулъ — нѣтъ никого вокругъ.

Тамъ, за стѣною, словно рокотъ моря,
Шумитъ народъ; а въ храмѣ тишина
И полумракъ. Лишь теплятся лампады,
Да солнца лучъ струится изъ окна.

Святые лики вдоль иконостаса.
Изъ палачей не видно никого.
Здѣсь имъ не мѣсто. Кротко, безъ укора
Съ креста Господь взираетъ на него.

Онъ былъ спасенъ. По древнему завѣту,
Служилъ для всѣхъ убѣжищемъ соборъ,
Кто прибѣгалъ подъ кровъ его священный,
Когда каралъ народный приговоръ.

Онъ безопасенъ въ храмѣ. Вздохъ глубокій
Изъ облегченной вырвался груди.
Здѣсь милость, правды жизни достоянье;
Позоръ и смерть остались позади.

Возвелъ онъ очи; оросились щеки
Потокомъ жаркихъ, благодатныхъ слезъ.
Склонился долу; пламенной молитвой
Онъ благодарность Господу вознесъ.

Николо-Дворищскій соборъ заложенъ въ 1113 году на Торговой сторонѣ Новгорода княземъ Мстиславомъ Великимъ, сыномъ Владиміра Мономаха, и былъ церковью князей новгородскихъ, когда они проживали на Ярославовомъ Дворищѣ. Почти противъ собора была вѣчевая башня, а за нею вѣчевое поле. примыкавшее къ Волховской побережной стѣнѣ. Онъ былъ сначала пятиглавый, но теперь осталась только одна средняя глава. Главная святыня собора — это чудотворная икона Святителя Николая, обрѣтенная при князѣ Мстиславѣ плавающею на водахъ озера Ильменя близъ мѣста, называемаго Липно, и исцѣлившая князя отъ его болѣзни.

Соборъ этотъ имѣлъ особое преимущество. Въ немъ находили убѣжище обвиненные вѣчемъ, а также преслѣдуемые народнымъ самосудомъ, и считались неприкосновенными, пока не покидали собора.

Вѣчевой приговоръ подвергалъ виновныхъ, подлежавшихъ народному суду, слѣдующимъ наказаніямъ: 1) пенѣ, то есть денежному взысканію въ размѣрѣ, опре-

дѣляемомъ вѣчемъ; 2) разграбленію имущества и разрушенію жилища (на потокъ); 3) изгнанію изъ Новгорода и заточенію въ пригороды, управляемые непосредственно новгородскими князьями, и 4) смерти на самомъ вѣчѣ, или, чаще всего, утопленію въ Волховѣ, причемъ осужденнаго предварительно оглушали долбнею по головѣ, а затѣмъ бросали съ моста въ рѣку.

Знаменскій соборъ.

Дозволено цензурою. С-Петербургъ, 10 Ноября 1900 г.

Типографія В. Безобразова и К°. (В. О., 8 л., № 45).

Посадникъ Твердиславъ.

— · · —

Въ Новгородѣ смута. Князь неугомонный
Всеволодъ Мстиславичъ, гнѣвомъ распалясь,
Что ему перечитъ въ замыслахъ посадникъ,
Порѣшилъ убійствомъ разомъ съ нимъ покончить
И сломить упорство старца Твердислава.
Собрались на вѣче, по его призыву,
Прихвостни пришельца, для которыхъ милость
И подачки власти ближе и дороже
Совѣсти и правды, чести и свободы.
Свѣдали объ этомъ истинные слуги
Вольности исконной и завѣта предковъ;
Свѣдавши, рѣшили не давать на жертву
Княжескому гнѣву старца Твердислава.
Зазвонилъ отвѣтно у Святой Софіи
Колоколъ призывный во кремлѣ священномъ.
Три конца софійскихъ дружно поднялися
И стеклись на площадь для защиты старца,
Избраннаго силой всенародной воли.
Болѣнъ былъ посадникъ и въ опочивальнѣ

Отъ недуга злого на одрѣ томился.
Бережно больного въ сани уложили
И свезли на площадь подъ защиту вѣча,
Подъ покровъ незримый ко Святой Софіи.

Смута разгоралась. На мосту широкомъ
Показались стайки смѣльчаковъ задорныхъ;
Грозной перебранкой Волховъ огласился,
И мечи въ подъятыхъ длапяхъ засверкали.
Но утишилъ бурю Митрофанъ владыка,
Жребія святого ставленикъ смиренный.
Всталъ онъ среди моста и къ междоусубцамъ
Съ словомъ увѣщанья мудро обратился.
Вняли его гласу, гласу примиренья;
Порѣшили на ночь старца Твердислава
Помѣстить въ дѣтинцѣ у Святой Софіи
И сойтись на утро выслушать, что скажетъ
Всеволодъ на слово и увѣтъ владыки.
Разошлись, оставивъ лишь дозоръ надежный,
Чтобы не пробрались, подъ покровомъ ночи,
Съ стороны зарѣчной княжескіе слуги.

Удалось владыкѣ князя образумить.
Крестнымъ цѣлованьемъ у Святой Софіи
Обѣщалъ онъ клятвой предъ престоломъ Божьимъ
Не держать нелюбья противъ Твердислава,
Смуты и раздора впредь не замышляя.
Но въ душѣ коварной злоба не смирилась.
Князь не отказался отъ желанной мести,
Выжидая время замыселъ исполнить.

Снова онъ съ дружиной начали потайно
Возмущать зарѣчье противъ Твердислава.
Стихнувшая смута стала разгораться;
Въ Новгородѣ вѣче снова раскололось,
И пошли угрозы, распри, пререканья,
Вѣстники насилья, крови и раздора.
Зналъ народъ коварство князя молодого,
Кіевскаго слетка, властнаго буяна,
И держалъ охрану возлѣ дома старца,
Гдѣ лежалъ недужный онъ въ опочивальнѣ.

Вдругъ въ Кремлѣ съ разсвѣтомъ слухъ пошелъ зловѣщій,
Что исчезъ изъ дома Твердиславъ безслѣдно.
Вечеръ весь въ бесѣдѣ онъ провелъ съ владыкой,
А на утро сгинулъ, словно провалился.
Снова предъ Софіей вѣче волновалось;
Ждали съ нетерпѣньемъ вѣсти достовѣрной,
Что́ съ любимымъ старцемъ ночью приключилось.
Выступилъ на паперть старшій протодьяконъ
И повѣдалъ вѣчу, что посадникъ тайно
Въ монастырь Аркадьевъ ночью удалился.
—«Для чего»?—«Идите и спросите сами;
Живъ онъ и отвѣтитъ вѣчу не замедлитъ».
Разомъ, какъ отъ вихря, всколебалось вѣче;
Извиваясь лентой, по дорогѣ торной
Въ монастырь Аркадьевъ дружно устремилось
И волной вкатилось въ дальнюю обитель,
Громко призывая старца Твердислава.
Тамъ, съ трудомъ, на встрѣчу вышелъ къ нимъ на паперть
Твердиславъ въ смиренной инока одеждѣ.

—«Дѣти, молвилъ старецъ, нѣтъ здѣсь Твердислава.
«Здѣсь стоитъ предъ вами инокъ православный,
«Нынѣ въ постриженьи Титомъ нареченный.
«Старъ я; мнѣ недолго жить на этомъ свѣтѣ.
«Не хочу, чтобъ снова смута учинилась;
«Чтобъ родною кровью городъ ороспился.
«Послужите ею для его защиты
«Отъ враговъ исконныхъ, коимъ не по сѐрдцу
«Слава Новограда и Святой Софіи.
«Разойдитесь мирно. Ночью, добровольно,
«По благословенью мудраго владыки,
«Я въ Господнемъ храмѣ принялъ постриженье.
«Здѣсь, у гроба предковъ, каясь въ прегрѣшеньяхъ
«Моей долгой жизни, буду я молиться
«За родной мой городъ, да живетъ онъ въ мирѣ,
«Дружбѣ и согласьи, силу вѣковую
«На враговъ лишь внѣшнихъ грозно устремляя
«Подъ покровомъ Бога и Святой Софіи».

Кончилъ старецъ слово. Смолкло все въ оградѣ;
Стало тихо, тихо, какъ передъ грозою.
Разомъ обпажились головы народа;
Поклонился низко Новгородъ Великій
Мудрому монаху за его рѣшенье
И въ свои жилища мирно возвратился.
Вотъ какіе люди въ старину бывали
Въ Новгородѣ вольномъ, мудростью повиты,
Люди вѣры, правды, истинныя дѣти
Новгородской славы и его свободы.

Посадникъ Твердиславъ постригся въ 1221 году въ Аркадьевомъ или Аркажскомъ монастырѣ, находившемся въ окрестностяхъ Новгорода, близъ озера Мячина, на лѣвой, нагорной сторонѣ рѣки Волхова. Нынѣ отъ этого монастыря не осталось и слѣда. Жена Твердислава постриглась вслѣдъ за нимъ въ женскомъ монастырѣ.

Марѳа посадница.

На Москвѣ рѣкѣ, во Кремлѣ святомъ,
Во дворцѣ своемъ разукрашенномъ
Господинъ Русй и великій князь
Государь Иванъ сынъ Васильевичъ
За столомъ сидитъ въ своей компатѣ.
Передъ нимъ стоитъ Марѳа старица,
Дочь купецкая и честна вдова
Новгородскаго свѣтъ-посадника.
Росту средняго и дородная,
Сановитая съ головы до ногъ;
Отъ замужества къ властной почести
По достоинству пріученная.
Хотя скованы руки бѣлыя,
Высоко она держитъ голову
Смотритъ львицею въ очи княжія—
И невольно онъ передъ узницей
Опустилъ свой взоръ повелительный.

Говоритъ она мѣрнымъ голосомъ,
Рѣчь умно ведетъ, съ разстановкою.
— «Ты послушай, князь, меня старицу,
Отъ моихъ рѣчей станешь опытнѣй;
Вѣдь не даромъ я, съ Божьей помощью,
Столько лѣтъ жила-управлялася
Съ буйной вольницей новгородскою!
Покаралъ васъ Богъ за усобицы.
И твой родъ княжой, и твоя вся Русь
Подъ ярмомъ, въ крови, изъ послѣднихъ силъ
Сколько лѣтъ ползли, извиваючись,
Подъ татарскою злой погайкою.
Ну, а Новгородъ не достался имъ.
Недобрàлись къ намъ за болотами;
Охраняла насъ сила Божія
По предстательству Его Мудрости.
Не нарушился вѣчевой укладъ,
Отъ былыхъ временъ установленный.
Оттого-то въ насъ и сильна она,
Наша волюшка вѣковѣчная.
Ты сломилъ ее не прямымъ путемъ,
Не въ честнòмъ бою, а раздорами,
Смутой, подкупомъ, клятвой рушенной.
Византійскою пришлой хитростью.
Что-жъ, на все одна воля Божія:
Что́ назначено, то и сбудется!
Правда, спора нѣтъ, и у насъ порой
Непорядокъ былъ да усобица;
Иногда умомъ, чаще подкупомъ
Люди хитрые вольныхъ путали.

Но за то въ дѣлахъ необыденныхъ,
Коль придетъ бѣда иль нагрянетъ врагъ,
Наши мо́лодцы не терялися,
За княжой кафтанъ не хваталися,
А въ одну семью собираючись,
Мудрыхъ, опытныхъ рѣчи слушали,
И рѣшали всѣ, помолясь впередъ,
Какъ отъ лиха имъ избавлятися.
Охъ, умепъ ты, князь! догадался самъ,
Что увезъ отъ насъ съ вѣча колоколъ.
Съ нимъ не только звонъ, съ нимъ на вѣкъ увезъ
Стародавнюю нашу волюшку.
Вижу ясно я, сердцемъ чувствую,
Что пришелъ конецъ Новугороду.
И ужъ если намъ такъ судилъ Господь
Отъ твоей руки стать холопами—
Не давай ты, князь, этой волюшкѣ
Безъ слѣда въ конецъ миноватися.
Сѣй ты вольницу новгородскую!
Разсѣвай се по своей землѣ!
Пригодится, вѣрь, во грядущи дни
И сослужитъ тебѣ службу честную.
Вѣдь не вѣченъ день, ночью мѣрится.
Неравно придетъ неурядица,
Да твой родъ княжой замѣшается,
Такъ и вся земля распатается;
Не привыкли вѣдь безъ указки жить,
Своимъ разумомъ управлятися.
Вотъ тогда-то, князь, во лихіе дни,
Отъ живыхъ корней молодякъ частòй,

И научитъ васъ, какъ изжить бѣду,
Какъ мірскимъ умомъ разобратися,
Какъ починъ начать къ устроенію.
Вѣдь не съ крыши домъ новый строится,
А съ основъ-столбовъ, въ землю кладеныхъ.
. . . . . .
Ну, спасибо, князь, что хотя меня
Обобралъ ты всю, но помиловалъ;
Не велѣлъ казнить, даешь времячко
Во грѣхахъ своихъ разобратися.
И пора ужъ мнѣ, грѣшной старицѣ,
Къ часу смертному приготовиться.
Объ одномъ прошу: какъ настанетъ онъ,
Не лиши меня покаянія;
Не клади запретъ на послѣдній зовъ.
Прикажи прислать старца добраго,
Черпеца-попа настоящаго,
Чтобы я предъ нимъ, какъ предъ Господомъ,
Во грѣхахъ моихъ исповѣдалась
И, съ молитвою на исходъ души,
Съ тѣломъ грѣшнымъ разлучилася.
А лишишь меня этой радости,
На себя возьмешь бремя тяжкое,
И отвѣтишь ты передъ Господомъ;
Вѣдь и твой чередъ умирать придетъ».
И замолкла рѣчь вѣщей старицы,
Отъ души слова, страхъ не вѣдавшей.
Повернулася она медленно
И сама пошла въ клѣть подземную,
Въ заточеніе до кончины дней.

Князь Иванъ ее не удерживалъ,
Опершя на столъ и задумался...
Знать затронуло сердце властное
Рѣчь свободная, новгородская.

Марѳа Борѳцкая была изъ знатнаго рода Ловинскихъ. Есть свѣдѣнія, что она была замужемъ два раза, сначала за какимъ-то Филиппомъ, а затѣмъ за Исаакомъ Борецкимъ. Объ этомъ Борецкомъ имѣются лишь свѣдѣнія, что въ 1428 году онъ былъ посланъ вмѣстѣ съ посадникомъ Григоріемъ къ литовскому князю Витовту съ мирными предложеніями. Въ новгородскомъ Софійскомъ соборѣ, на паперти Іоанна-Богословскаго придѣла находится икона преподобныхъ Зосимы и Савватія, вокругъ которыхъ написаны въ клеймахъ ихъ чудеса. Въ одномъ изъ клеймъ изображенъ Зосима въ бесѣдѣ съ Марѳою посадницей; а въ другомъ Зосима на обѣдѣ у Марѳы, гдѣ онъ видитъ обезглавленными шесть знатнѣйшихъ бояръ, сидѣвшихъ за столомъ, которые вскорѣ и были обезглавлены Іоанномъ III. Въ Николаевскомъ Корельскомъ монастырѣ, находящемся въ 34 верстахъ отъ Архангельска, хранится портретъ Марѳы старинной и довольно грубой работы.

Домъ Марѳы, который лѣтописецъ называетъ «чюдный дворъ», находился на Софійской сторонѣ, возлѣ Кремля, на нагорномъ берегу Волхова, и сгорѣлъ въ 1477 году.

Существуетъ преданіе, что Марѳа не доѣхала до Москвы, а умерла дорогой и была похоронена въ Млев-

скомъ Троицкомъ монастырѣ на берегу рѣки Тверцы, въ 20 верстахъ отъ Вышняго Волочка. Въ церкви Нерукотвореннаго Спаса въ Троицкомъ Млевскомъ погостѣ, при копаніи могилы, была найдена въ 1781 году каменная плита съ надписью: «лѣта .... положена ся преставися раба Божія Мареа на па...»; но дѣйствительно-ли эта плита съ могилы именно Мареы Борецкой, рѣшить нельзя. По другому преданію Мареа умерла въ тюрьмѣ.

Варлаамова могила.

Новгородской свободѣ конецъ наступилъ.
Наложилъ на нее свою руку
Собиратель Руси, изрекая врагамъ
Казни, плѣнъ, да тюремную муку.

Воля сломлена. Всюду покорность и страхъ.
Все предъ нимъ преклонилось смиренно.
И у ногъ его городъ, который дерзалъ
Предъ Москвою кичиться надменно.

Іоаннъ торжествуетъ. Противниковъ нѣтъ
Его царственно-властной гордынѣ.
Посѣщая святыни окрестныя, онъ
Посѣтилъ монастырь на Хутынѣ.

Въ храмъ вошелъ. Отслужили молебенъ. Обзоръ
Учиняетъ.—«Кого тутъ могила?»
—«Варлаама, строителя храма сего.
«Велика преподобнаго сила».

—«Отчего-жъ онъ подъ спудомъ лежитъ? Если святъ
«Пусть для всѣхъ почиваетъ открыто.
«Коль нетлѣнья сподобилось тѣло его,
«Не должно быть въ могилѣ сокрыто».

—«Открывать, отвѣчаетъ игуменъ, нельзя
«Намъ рѣшеньемъ своимъ самовольнымъ.
«Коли время его прославленья придетъ,
«Самъ укажетъ, въ видѣньи, достойнымъ».

—«Открывайте!»—«Не смѣемъ».—«Упрямый народъ!
«Прекословить всегда вамъ въ охоту.
«Кликнуть вершниковъ!» Вершники въ церковь вошли.
—«Отрывать!» Принялись за работу.

Сняли съ пола плиту; начинаютъ копать;
Зазіяла могилы утроба.
Іоаннъ, опираясь на посохъ, глядитъ;
Ждетъ, когда доберутся до гроба.

Вдругъ изъ ямы столбомъ поднимается дымъ;
Больше... гуще... затмило иконы;
Полыхнуло затѣмъ синеватымъ огнемъ.
Опаленныхъ послышались стоны.

Какъ безумные, разомъ на плитный помостъ
Изъ могилы они устремились;
Не страшась Іоанна и гнѣва его,
Пробѣжали по храму и скрылись.

Іоаннъ постоялъ, ничего не сказалъ,
Но во гнѣвѣ ударилъ о камень,
И изъ камня того, подъ ногами его,
Ярко вспыхнувши, вырвался пламень.

Онъ ударилъ еще—полыхнуло сильнѣй!
Въ гнѣвной злобѣ его охватившей,
Онъ безмолвно на паперть изъ храма идетъ,
Не смиряясь предъ силою высшей.

По ступенямъ спустясь, посохъ яростно свой
Онъ въ намерзшую землю вонзаетъ;
И оттуда въ отвѣтъ полыхнуло огнемъ,
И его самаго опаляетъ.

Іоаннъ закричалъ, отскочилъ, задрожалъ;
Не подъ силу тутъ справиться, видно.
Бросивъ посохъ, забывъ и величье, и санъ,
Онъ бѣжитъ, убѣгаетъ постыдно.

Спасо-преображенскій Хутынскій монастырь находится въ 10 верстахъ отъ Новгорода внизъ по Волхову, на его правомъ берегу. Онъ основанъ въ концѣ 12-го вѣка преподобнымъ Варлаамомъ (въ мірѣ Олекса Михалевичъ, то есть Алексѣй Михайловичъ) новгородскимъ уроженцемъ, мощи котораго почиваютъ подъ спудомъ въ соборномъ храмѣ монастыря. Въ монастырской ризницѣ хранится посохъ (трость) великаго князя Іоанна

III Васильевича (дѣда Іоанна Грознаго) съ разноцвѣтнымъ стекляннымъ набалдашникомъ, который онъ оставилъ въ монастырѣ, убѣгая изъ него послѣ неудавшейся попытки отрыть прахъ преподобнаго Варлаама, а также и южная дверь прежняго иконостаса, опаленная пламенемъ, вырвавшимся тогда изъ могилы Варлаама. Въ день памяти преподобнаго Варлаама 6 ноября, согласно его завѣщанію, одѣляютъ богомольцевъ мѣдными полушками и ломтями монастырскаго хлѣба. Въ соборномъ придѣлѣ похоронепъ поэтъ Державинъ.

Серафима.

1.

Лѣтній вечеръ. Заглохшій задумался садъ.
Тополей и березъ кудролиственныхъ рядъ
Утопалъ въ надвигавшейся тьмѣ.
Покрывался туманомъ болотистый лугъ;
Утихало дневное движенье вокругъ.
Разстилалася ночь по землѣ.

Изсушилъ ее солнца палящаго зной.
Оживала она. Влажный воздухъ ночной
Освѣжалъ ея мощную грудь,
И манилъ ее нѣжнымъ дыханьемъ своимъ
Позабыться отъ вѣчной заботы и съ нимъ
Въ сладкой дремѣ ночной отдохнуть.

Подъ сиренью, въ глуши, притаяся какъ воръ,
Сынъ боярскій стоитъ. Невысокій заборъ—
А за нимъ его долго ждала
Новгородская дочь, хороша, молода,
Для которой стрѣлой онъ примчался сюда.
Безъ которой и жизнь не мила.

Не на радость они въ часъ свиданья почной
Здѣсь бесѣду ведутъ подъ сиренью густой;
Онъ смущенъ и тревожна она.
Онъ печально глядитъ, едва слышны слова—
И склоняется тихо ея голова,
Ей та рѣчь и люба, и страшна.

— «Понимаешь ли ты, иль не хочешь понять?
Не могу безъ тебя я ни жить, ни дышать,
О тебѣ лишь и дума одна.
Не томи же меня! На любовь отвѣчай
Не попрекомъ однимъ. Поцѣлуемъ встрѣчай!
Дай обнять горячѣй!»—«А жена?»

— «Что жена! Не кори! Опостылѣла мнѣ.
Разлюбилъ я ее и давно, и вполнѣ;
Опротивѣла лаской своей!
Какъ въ туманѣ хожу. Не могу съ нею жить!
Ненавидѣть хочу, а не то что любить»...
— «Такъ зачѣмъ же вѣнчался ты съ ней?»

— «Было время—прошло, не вернется оно.
Видно такъ на роду намъ судьбой суждено;
И любилъ, а теперь сталъ иной.
Всюду: дома, во снѣ иль на борзомъ копѣ,
Всюду образъ твой, Сима, мерещется мнѣ,
Всюду ты лишь одна предо мной!»

— «Замолчи! Иль топтать хочешь брачный вѣнецъ?
Ты ей мужъ, ты дѣтей вашихъ малыхъ отецъ;
Въ Божьемъ храмѣ вѣнчалися вы.

Обѣщалъ передъ Богомъ ее ты любить.
Надо слово держать; долженъ все съ ней дѣлить».
— «Не могу!»—«Бога въ помощь зови!

Полюбилъ-разлюбилъ и ко мнѣ вишь пришелъ.
Какъ къ одной охладѣлъ, такъ другую нашелъ;
И меня вдругъ разлюбишь опять».
— «Никогда!»—«Никогда... Ей ты тоже твердилъ,
Какъ ее миловалъ, какъ ее ты любилъ;
Попривыкнешь—и станешь мѣнять.

Нѣтъ, повѣрь, мой родной! Такъ пойдетъ безъ конца
Коль съ себя только сбросишь ты святость вѣнца;
Такъ нельзя»...—«Я не брошу тебя!
Не раскаешься ты, что слюбилась со мной,
И всю жизнь проживу я въ согласьи съ тобой,
И умру, до могилы любя.»

— «Нѣтъ, не то. Я не такъ понимаю любовь.
Кто любилъ, ужъ тому не полюбится вновь.
Полюбилъ—такъ до гроба люби!
Нынѣ бросишь жену, завтра бросишь меня;
Станешь женъ ты мѣнять, какъ мѣняешь коня...
Что-жъ хорошаго, самъ разсуди».

— «Дорогая, пойми! Что-жъ попрекомъ встрѣчать?
Иль не можешь добромъ на любовь отвѣчать?
Помоги, пожалѣй хоть меня!»
— «Нѣтъ, тебѣ въ этомъ я и помочь не смогу.
Жить съ тобою втроемъ—не проси, не могу!..
Не привыкну обманывать я.

Вѣдь съ женой разлучать для любовныхъ утѣхъ,
Потайныхъ, воровскихъ—непростительный грѣхъ.
Не хочу... не могу... не проси!
Жить обманомъ однимъ и хитрить безъ конца,
И таить, да обманывать мать и отца—
Боже насъ отъ того упаси!

Будь ты холостъ иль вдовъ и при всѣхъ, не тая,
Я открыто скажу: будь мой мужъ, я твоя!
Вѣрь, родной! предъ тобой я не лгу.
Не напрасно тебѣ я твержу каждый разъ—
Быть женою твоей я готова сейчасъ,
Быть любовницей я не могу».

— «Ладно!.. Что-жъ!.. Подожду!..»—«Подождешь ты чего?»
— «Догадайся сама! Ждать могу одного:
Мало, что-ли, болѣзней лихихъ.
Да и случай бываетъ счастливый подчасъ;
Можетъ быть, мимоходомъ коснется и насъ—
Смерть уноситъ и женъ молодыхъ».

— «Замолчи! Если этого будешь ты ждать —
Будешь смерти ея ты невольно желать,
Станетъ страшно на сердцѣ твоемъ.
О, забудь ты меня! Разлюби поскорѣй!
Возвращайся къ женѣ, примирися ты съ ней
И живите въ закопѣ вдвоемъ».

— «Сима! ангелъ! пойми!..»—«Не хочу понимать!
Не хочу такихъ думъ и желаній я знать!

На обманъ да на грѣхъ не мани!
О душѣ своей грѣшной подумай сперва.
Страшны рѣчи твои и безумны слова;
Не добру поучаютъ они».

— «Слушай, Сима, бѣжимъ!» — «Что?» — «Бѣжимъ далекó»...
— «Перестань!»—«Почему? Мнѣ устроить легко
Нашъ побѣгъ... Въ дальнемъ краѣ, вдвоемъ...»
— «Не смущай!.. Убѣжитъ всюду совѣсть со мной.
Отъ нея никуда не уйду я съ тобой;
Съ нею-жъ счастья нигдѣ не найдемъ».

— «Что-же дѣлать? Молчишь? Знать, не любишь меня!
Лишь упреки одни слышу я отъ тебя,
Да совѣты съ женою дружить».
— «Не люблю? Охъ, родной! Если-бъ могъ заглянуть
Ты мнѣ въ душу мою, если-бъ могъ хоть взглянуть
Что́ на сердцѣ—не сталъ-бы корить.

Иль не хочешь понять? Не могу!.. не вольна!
Такъ любить для меня только пытка одна;
Я тебя и себя изведу.
О, повѣрь, дорогой! ты погибнешь со мной.
Оставайся-жъ въ семьѣ, хоть съ немилой женой,
Да съ дѣтьми—будь хоть съ ними въ ладу».

— «Слушай, Сима! съ тобой толковать мудрено.
Безъ тебя-же что жить, что не жить, все равно,
Я вѣдь только тобой дорожу!

Безъ тебя не цѣнна на плечахъ голова,
И тебѣ, на твои поученья-слова,
Вотъ что я напослѣдокъ скажу.

Князь-изгой Борисла̀въ, чрезъ своихъ молодцовъ,
Набираетъ отрядъ изъ бывалыхъ бойцовъ,
Замышляетъ набѣгъ на Литву.
То набѣгъ удалой, до безумія смѣлъ.
Знаешь, храбрыхъ какой въ жаркомъ боѣ удѣлъ?
Знаешь ты, въ чемъ предѣлъ удальству?

Ну... зовутъ и меня».—«Ты уѣдешь?»—«О, нѣтъ!
Я сказалъ, что на дняхъ имъ пришлю свой отвѣтъ.
Вотъ теперь и рѣши, выбирай!
Иль бѣжимъ—или завтра съ разсвѣтной зарей
Я уѣду тайкомъ въ тотъ отрядъ удалой,
И тогда ужъ на вѣки прощай!

Несогласна? Молчишь?» Задрожала она,
Заслезились глаза, и горитъ, и блѣдна,
И рукою схватилась за грудь;
Сердцемъ рвется къ нему, но безмолвно стоитъ;
Въ жилахъ льется огонь, а сама вся дрожитъ,
Притаилась — боится взглянуть.

— «Несогласна?»—«Нельзя!.. пощади!.. не должна!..»
И къ нему уже было рванулась она,
Онъ схватилъ ее страстной рукой—
Но скользнула змѣей, отскочила къ кустамъ,
Ухватилась за стволъ ближней ясени тамъ
И припала къ нему головой.

— «Несогласна—прощай! Это что за любовь!
Это пытка и впрямь. Не увидимся вновь
Мы съ тобой!» Онъ вскочилъ на коня.
— «Буду помнить я вѣкъ нерѣшимость твою...
Коль дойдетъ къ тебѣ вѣсть, что я сгинулъ въ бою.
Помолись хоть тогда за меня».

Конь рванулся впередъ. Онъ его придержалъ,
Повернулся въ сѣдлѣ и томительно ждалъ.
— «Уѣзжать?..» Но молчала она.
Въ сердцѣ слезы лились; но ни слова въ отвѣтъ
Не сказали уста на послѣдній привѣтъ;
Онѣмѣла—любовью полна.

— «Коль не хочешь—прощай!» И махнувши рукой,
Онъ помчался, какъ вихрь, по дорогѣ лѣсной,
Конскій топотъ затихнулъ вдали...
Лишь тогда съ тяжкимъ стономъ вздохнула она
И, припавши къ землѣ, оставаясь одна,
Зарыдала рыданьемъ любви.

Притаились кусты. Восходила луна.
На сырую траву тѣнь безшумно легла
Отъ слегка трепетавшихъ вѣтвей.
Надъ уснувшей землей поднималась роса,
Унеслась она далеко въ небеса—
И въ саду вдругъ запѣлъ соловей.

2.

Монастырь. Божій храмъ. Рядъ монахинь стоитъ.
Словно въ праздникъ соборъ весь огнями горитъ;
Совершаютъ тяжелый обрядъ.
Говоритъ іерей отреченья слова;
Передъ нимъ Серафимы склонилась глава.
Какъ печалепъ страдальческій взглядъ.

И звучатъ тѣ слова, какъ судьбы приговоръ.
Покаянной молитвой отвѣтствуетъ хоръ,
Мукой ада страшатъ впереди.
Отпѣваютъ ее, какъ въ гробу мертвеца;
Погребаютъ живьемъ — умирай безъ конца,
Хотя сердце такъ бьется въ груди!

Совершилось... конецъ. Удалился всѣ.
И потухли огни, и среди тишины,
Въ безотрадной, могильной тоскѣ,
Оставалась она въ Божьемъ храмѣ одна,
Отъ загробныхъ молитвъ страхомъ смерти полна,
Со свѣчой, догоравшей въ рукѣ.

Будетъ памятенъ ей отреченія день...
Вдругъ въ окнѣ показалась знакомая тѣнь.
— «Серафима!» — «То онъ?... близъ меня?
Не убитый... живой!... Этотъ обликъ родной
Этотъ голосъ допынѣ мнѣ столь дорогой...»
— «Серафима! взгляни — это я!

Серафима, узнай...» — «Серафимы здѣсь нѣтъ.
Здѣсь Сусанна сестра. Добровольно обѣтъ
Я сегодня предъ Богомъ дала...»
— «Добровольно свободу на смерть промѣнять?
Не сумѣла терпѣть, не могла подождать,
Знать забыла меня?» — «Я ждала...

Мнѣ сказали, что ты въ жаркой сѣчѣ убитъ
И въ далекой землѣ безъ молитвы зарытъ—
Божій міръ для меня сталъ пустырь.
И вѣрна твоей просьбѣ осталася я,
Твоей просьбѣ послѣдней, Демьянъ — за тебя
Я молиться пошла въ монастырь».

— «Серафима, голубка! Да знаешь-ли ты —
Исполнялись завѣтныя наши мечты,
Долетала до неба мольба.
Былъ въ плѣну... убѣжалъ... Я свободенъ! Повѣрь!
Ты могла бы со мной повѣнчаться теперь!
Улыбалась намъ въ жизни судьба.

Лишь узналъ — какъ безумный къ тебѣ поскакалъ,
Трехъ коней дорогихъ, понукая, загналъ;
Я свободнымъ явился сюда!
Нѣтъ жены!.. умерла!.. Ты могла быть моя!..»
— «Умерла, говоришь?» — «Да, родная!» — «И я...
Умерла... для тебя... навсегда...»

И вздохнула она, и съ нѣмою мольбой
Вдругъ склонилася ницъ предъ иконой святой,
И слезой затуманился взглядъ;

И дрожала рука... капалъ воскъ со свѣчи,
И горячіе лѣтняго солнца лучи
Озаряли печальный нарядъ.

И шептала она: — «пощади!.. уходи!..»
Разгоралось лицо... сердце сжалось въ груди...
Страшной скорби и муки полна,
Изнывая душой отъ ужасной борьбы,
Вся въ слезахъ, вся дрожа подъ ударомъ судьбы,
Умирала для міра она.

Вѣчевой звонарь.

Сильный, жгучій морозъ. Звѣзды ярко горятъ.
На церквахъ купола серебристо блестятъ
Отъ сіяющей въ небѣ луны.
Снѣгъ скрипитъ подъ ступней; ледъ трещитъ на рѣкѣ;
Бѣлой ризой одѣтъ, дремлетъ лѣсъ вдалекѣ
Надъ ковромъ снѣговой пелены.

Спитъ въ Москвѣ, утомясь, потрудившійся людъ;
Спитъ спокойно въ теплѣ, кто имѣетъ пріютъ,
И въ державномъ Кремлѣ тишина.
Близко къ по́лночи. Стражи не видно. Порой
Раздается собакъ голодающихъ вой;
Словно плачетъ въ оврагѣ одна.

Изъ сторожки кривой, прикурнувшей къ стѣнѣ,
Что отъ Спасскихъ воротъ протянулась къ рѣкѣ,
Вышелъ старецъ сѣдой. Какъ огонь
Его воздухъ обжегъ. Онъ закашлялъ, вздохнулъ,
Осѣнилъ себя знаменьемъ крестнымъ, вздрогну́лъ
И поплелся, какъ спутанный конь.

Онъ, шатаяся, шелъ. Съ обнаженной главой,
Ростомъ малъ, неказистъ, исхудалый, больной;
Мутенъ былъ лихорадочный взглядъ.
Некрасно́ его было земное житье;
Зипунишка плохой, да гнилое тряпье
И дырявые лапти — нарядъ.

Въ эту почь, когда мерзло у птицы крыло,
Когда стужа гнала всѣхъ подъ кровъ и въ тепло,
Пробирался онъ къ башнѣ одной.
То чужакъ на Москвѣ; но во градѣ родномъ
Всѣмъ извѣстный давно и любимый притомъ
Новгородскій звонарь вѣчевой.

Онъ былъ глухъ отъ рожденья и нѣмъ. Ничего
Не слыхалъ онъ всю жизнь, и для слуха его
Только звонъ былъ доступенъ едва.
Достигая, какъ всплескъ отдаленной волны,
Звуки тѣ для него были смысла полны,
Мягки, нѣжны, какъ ласки слова.

Сколько лѣтъ еще малымъ дитей-сиротой
Жадно слушалъ онъ звоны Софіи Святой,
Понимая ихъ звучную рѣчь,
Когда въ стужу и въ зной, безъ угла, одинокъ,
Онъ влачилъ свою жалкую жизнь, какъ щенокъ.
Его некому было беречь.

Наконецъ, его, сжалясь, къ себѣ пріютилъ
Вѣчевой пономарь. Иногда хоть и билъ
По суровости онъ сироту,

Но за то и кормилъ, и, какъ могъ, одѣвалъ,
И въ обиду сильнѣйшимъ его не давалъ—
Самъ онъ въ юности зналъ нищету.

Умеръ старый звонарь — и помощникъ его
Снова сталъ одинокъ и лишился всего.
Зная участь калѣкъ-горемыкъ,
Жарко Богу молясь, ждалъ томительно онъ,
Что-то станется съ нимъ? не прогонятъ-ли вонъ?
Нѣтъ, оставили — знаетъ, привыкъ.

Съ той поры сталъ онъ жизни своей господинъ;
Сытъ всегда и одѣтъ и къ тому-жъ не одинъ,
Неразлучно былъ другъ дорогой.
Для него, въ безотрадно-нѣмой тишинѣ,
Другомъ, братомъ, семьей на родной сторонѣ,
Всѣмъ—былъ колоколъ тотъ вѣчевой!

Сорокъ лѣтъ онъ звонилъ въ этотъ вѣстникъ побѣдъ,
Въ этотъ вѣстникъ и славы, и силы, и бѣдъ;
Его служба почетна была.
Сорокъ лѣтъ его колоколъ этотъ ласкалъ;
Сорокъ лѣтъ онъ одинъ лишь его понималъ;
Сорокъ лѣтъ—въ нихъ вся жизнь протекла.

Но настали, исполнены скорби, года,
Когда грянула, долго сбираясь, бѣда,
Когда царства скрѣпляя бытье,
Безпощадный Москвы самодержецъ крутой
Съ Новгородской свободой ввязавшися въ бой,
Погубилъ ихъ былое житье.

Помнитъ, помнитъ звонарь, какъ къ нимъ врагъ
подходилъ;
Какъ въ послѣдніе дни онъ печально звонилъ;
Какъ на вѣче посланцы пришли.
Одолѣли... замолкъ... сгибло все!.. добралiсь
И до друга его, съ башни сбросили внизъ
И на дровняхъ въ Москву повезли.

Не хотѣлъ и не могъ разлучиться онъ съ нимъ,
Съ кѣмъ прожилъ онъ всю жизнь, съ вѣрнымъ другомъ
своимъ,
Отъ кого только слышалъ привѣтъ.
Новгородскую скорбь испытавъ на себѣ,
Не покинулъ онъ друга въ печальной судьбѣ,
И поплелся за нимъ онъ во-слѣдъ.

Съ плачемъ Новгородъ колоколъ въ путь провожалъ.
Чуялъ вольный народъ, что конецъ съ нимъ насталъ
Что свободу онъ ихъ увозилъ.
Шелъ печально звонарь, за дровнiями спѣша.
Вдругъ торговецъ одинъ—человѣчья душа—
Съ своихъ плечъ его шубой укрылъ.

Путь тяжелый то былъ. Вьюги, дождь и морозъ.
Истомился старикъ, чуть совсѣмъ не замерзъ—
Шубу приставъ за го́родомъ снялъ.
И за то звонарю за дровнями идти
Не чинилъ онъ препонъ, и порою въ путк
Даже хлѣба объѣдки давалъ.

Добрались до Москвы. Съ жгучей болью въ душѣ
Видѣлъ старый звонарь, хоронясь въ шалашѣ,
Какъ глумились надъ другомъ его;
Какъ повѣсили съ бранью на башнѣ Кремля.
Участь друга душою и сердцемъ дѣля,
Онъ не въ силахъ былъ жить безъ него.

Днемъ на папертяхъ онъ подаянія ждалъ.
Отъ родныхъ новгородцевъ-изгнанниковъ бралъ,
Отъ московскихъ людей никогда!
Голодая, томясь, не имѣлъ онъ угла.
Для него мать-земля и постелью была,
Онъ на ней ночевалъ — и всегда

У подножья стѣны, гдѣ висѣлъ его другъ,
Безъ защиты отъ снѣга, дождей и отъ вьюгъ,
Отъ ютящихся ночью воронъ,
У рѣшетки сквозной, гдѣ на башню былъ входъ,
И дозорный его не тревожилъ обходъ —
Для убогихъ былъ милостивъ онъ.

Вновь настала зима и сурова была.
Стала жизнь старика свыше силъ тяжела,
Разнедужился онъ, занемогъ;
Десять сутокъ въ бреду онъ въ сторожкѣ лежалъ.
Добрый сторожъ-землякъ въ ней пріютъ ему далъ,
Раздѣлялъ съ нимъ и хлѣба кусокъ.

Полегчало. Очнулся худой, какъ мертвецъ,
И почуявъ, что близокъ ужъ смертный конецъ,
Что растаяли силы, какъ снѣгъ —

Передъ тѣмъ какъ покончить съ удѣломъ земнымъ,
Захотѣлось ему съ вѣрнымъ другомъ своимъ
Въ разъ послѣдній проститься на вѣкъ.

Онъ съ трудомъ по сугробамъ неровнымъ шагалъ
И хватаясь за грудь, какъ подъ ношей дышалъ,
Широко́ раскрывая уста;
Вдругъ споткнулся — скользнулъ о замерзшій песокъ,
И упалъ, и подняться ужъ больше не могъ,
И поползъ. Дверь была отперта.

По намерзшимъ ступенямъ, срываясь, спѣша,
До площадки добрался звонарь, чуть дыша,
Обезсилѣлъ, глядѣть только могъ.
Тамъ подъ крышей висѣлъ его изгнанный другъ,
Безъ веревки языкъ, грязь и зелень вокругъ—
Былой славы умолкшій пророкъ.

Кто созывалъ новгородцевъ родную семью,
Въ многолѣтнюю звонкую службу свою,
И на вѣче, и въ воинскій путь;
Чей по Волхову звонъ далеко долеталъ
И будилъ, и живилъ, и отвагу вселялъ
Въ новгородскую вольную грудь!

За надолбу цѣпляясь, поднялся старикъ.
Изъ хрипѣвшей груди слабый вырвался крикъ —
Онъ опальнаго друга обнять
Захотѣлъ всѣмъ остаткомъ изсякнувшихъ силъ,
Ухватился за край и кого такъ любилъ,
Сталъ съ рыданьемъ нѣмымъ лобызать.

А морозъ все крѣпчалъ. Мѣдь примерзла къ рукѣ;
Застывала слеза на бѣлѣвшей щекѣ;
Прерывалось дыханье почти.
Страшный холодъ его до костей донималъ,
Леденилъ его кровь—и тогда онъ сознался,
Что живымъ ужъ ему не сойти.

Смерть объяла!.. Звонарь головою поникъ,
Ухватился рукой за желѣзный языкъ,
Сорвался́—и, лишившися силъ,
Безъ сознанья, безъ воли, какъ скошенный снопъ.
Онъ упалъ на наметанный снѣгомъ сугробъ,
Застоналъ—и на вѣки застылъ.

И качнувшись языкъ отъ руки старика,
Мѣрно къ мѣди родной прикоснулся слегка,
И молчанье ея разбудилъ—
И раздался ударъ, и томительный звукъ,
Словно стонъ отъ годами скрываемыхъ мукъ,
Всю окрестность собой огласилъ.

Вздро́гнулъ вершникъ у входныхъ дверей во дворцѣ.
И дозорный стрѣлецъ на приказномъ крыльцѣ,
И во снѣ содрогнулся Иванъ.
Сонъ тяжелый въ ту ночь снился долго ему,
Что всю Русь заключалъ онъ въ глухую тюрьму,
Возвышая свой царственный санъ.

И понесся тотъ звонъ, средь ночной тишины,
По воздушнымъ волнамъ, полный грезъ старины,
До Софіи Святой долетѣлъ,

Гдѣ недавно еще, полный мощи былой,
Какъ отъ предковъ свободныхъ завѣтъ вѣковой,
Вольный колоколъ гордо звенѣлъ;

Гдѣ лишь горе царило, средь снѣжныхъ могилъ,
Съ той поры, какъ державный хитрецъ обратилъ
Вольный городъ въ глухую тюрьму —
Тамъ, другой, въ новгородскомъ Кремлѣ вѣчевой,
Старшій братъ и по вѣщему звону родной,
Самъ собою отвѣтилъ ему.

Мѣрный, звонкій ударъ разбудилъ горожанъ,
Еще полныхъ скорбей отъ испытанныхъ ранъ.
Озираясь со страхомъ кругомъ,
Напрягая свой слухъ, они ждали, крестясь,
Не вернулась-ли снова былая напасть?
Не набатъ-ли? не новый погромъ?

— «О, спаси насъ Христосъ!.. Неужѣли опять?..
Защити насъ Софіи Святой благодать!..
Не вторится... не слышно... затихъ».
Еще памятны имъ пережитые дни—
И молитвою тѣхъ помянули они,
Кто палъ жертвой порядковъ иныхъ.

Кто за волю земли, за устой вѣковой,
Когда гибнулъ въ крови обиходъ вѣчевой,
Свою голову честно сложилъ;
Для кого бѣлый свѣтъ, хоть во градѣ родномъ,
Но подъ чуждымъ, навязаннымъ силой ярмомъ,
Безъ свободы не любъ и не милъ!

По преданію, вѣчевой колоколъ назывался «корсунскій вѣчникъ» и былъ данъ Новгороду Владиміромъ Святымъ, которому новгородцы помогли взять Корсунь. (Херсонесъ Таврическій, возлѣ Севастополя).

Вѣчевой колоколъ былъ повѣшенъ въ московскомъ Кремлѣ въ настѣнномъ шатрѣ или полубашнѣ, вправо отъ Спасскихъ воротъ, куда входили русскіе цари послѣ коронованія показаться народу, собиравшемуся на Красной площади. Въ 1583 году онъ былъ перелитъ и сдѣланъ московскимъ набатнымъ или всполошнымъ колоколомъ; но въ 1681 году, за то, что звономъ своимъ въ полночь испугалъ царя Ѳедора Алексѣевича былъ сосланъ въ Николаевскій Корельскій монастырь (въ 34-хъ верстахъ отъ Архангельска) въ которомъ погребены два сына Марои посадницы, утонувшіе въ Бѣломъ морѣ.

Грановитая Палата.

Дозволено цензурою С-Петербургъ, 10 Ноября 1900 г.

Типографія В. Безобразова и К°. (В. О., 8 л., № 45).

Затворникъ Арсеній.

Убійства прекѣклись. Разгромъ новгородскій
Стихалъ. Утомился палачъ.
Покой его сонный смущать начинали
Тѣ вопли, и стоны, и плачъ.

Проснулся въ немъ страхъ за безумное дѣло;
Божественный вспомнилъ глаголъ,
И къ старцу Арсенью въ затворъ монастырскій
Съ дарами на храмъ онъ пришелъ.

— «Напрасно приносишь,» сказалъ ему старецъ.
«Господь ихъ не приметъ. Въ крови
«Принесшія руки; Ему же угодны
«Лишь мирныя жертвы любви.

«Господь...» — «Ты учителемъ Имъ не поставленъ.
«Вѣрн, коль даю я, черпецъ!
«Не вѣдаешь что-ли, какой ожидаетъ
«Ослушниковъ дерзкихъ конецъ?»

—«О, знаю! и видѣлъ, и плакалъ я горько.
«Невинныхъ напрасно губя,
Ты царство небесное многимъ доставилъ;
Скорблю не за нихъ, за тебя.

«Творишь ты не судъ, неповинныхъ терзаешь;
Вершишь, на потѣху свою,
«Ихъ казнь и мученья, и въ Волховъ кидаешь,
«Его отравляешь струю.

Ты тѣшишься кровью. Насытить не можетъ
«Она человѣчьей души;
Хоть міръ весь залей, погрузи въ нее звѣзды
И солнце ты въ ней потуши —

«А все не упьешься. Сильнѣй и сильнѣе
«Къ ней жажду ты будешь имѣть...»
—«Молчи, черноризецъ! пока не заставилъ
«Тебя я иное запѣть.»

— «Что можешь ты сдѣлать? Подвергнуть мученьямъ?
«Помочь мнѣ въ спасеньи души
И царство небесное ей предоставить?
Готовъ я! не медли; вершп.

Но правду сказать я тебѣ не боюся.
Уймись! разгони палачей.
«Пора тебѣ, царь, среди ужасовъ смерти,
«Помыслить о смерти своей.

«Ея не минуешь. И что ты положишь,
«Когда, у Господнихъ вѣсовъ,
«До самаго ада дотянется чаша
«Твоихъ пенсчетныхъ грѣховъ?

«Чѣмъ выкупишь душу и чѣмъ оправдаешь
«Предъ Богомъ дѣянья свои,
«Когда передъ Нимъ всѣ страданья и муки
«Повѣдаютъ жертвы твои?

«Подумай. Заутра ты двинешься къ Пскову.
«Тамъ воли страстямъ не давай.
«Я буду съ тобою. Охрану невинныхъ
«Господь мнѣ вручаетъ. И знай!

«Дерзнешь — и пробудится совѣсть, властитель!
Исчезнутъ и сонъ, и покой.»
— «Тебя не возьму я.» — «А все-таки буду
«Я тамъ неотлучно съ тобой.»

Замолкнулъ Арсеній. Въ молчаньи и Грозный
Предъ нимъ неподвижно стоялъ,
И только въ рукѣ его жезлъ смертоносный,
Вопзепный глубóко, дрожалъ.

На старца метнулъ онъ свой взоръ воспаленный;
Сдержался, стерпѣлъ до поры;
Ножемъ не отвѣтилъ на слово укора
И вышелъ, оставивъ дары.

Садилося солнце. Огнемъ загорались
Софійскаго храма кресты,
И гулко удары жезла раздавались
О камень дорожной плиты.

Въ ту ночь онъ не спалъ. Лишь забрезжилось утро,
Велѣлъ выступать онъ во Псковъ,
И длинной змѣей потянулося стадо
Его раболѣпныхъ полковъ.

Явился Малюта. — «Сходи-ка, Лукьянычъ,
«Къ Арсенію старцу въ затворъ;
«Вели заложить ему выходъ оттуда.
«Монаху не нуженъ просторъ.

«По жизни его не лишать и не мучить;
Пусть кормятъ пока взаперти.
«Да стражу приставь для дозора, чтобъ старецъ
Не могъ изъ затвора уйти.

Малюта ушелъ, но сейчасъ-же вернулся.
—«Чего тебѣ? Ясно сказалъ.»
—«Нельзя, государь.» —«Али жить надоѣло?»
«Нельзя! когда я приказалъ.»

—«Нельзя. Онъ ушелъ.» —«Догони!» —«Не догонишь.»
—«Конемъ!» —«И конемъ не догнать.»
—«Шутить ты дерзаешь?» —«Шутить не пристало.
«Онъ умеръ. Сейчасъ дали знать.»

Задумался Грозный. «Такъ вотъ какъ со мною
Грозилъ неотлучно онъ быть.
Живой онъ мнѣ не былъ-бы страшенъ; но мертвый —
Его отъ меня не избыть.»

Онъ двинулся къ Пскову, но Пскова не тронулъ.
Поста храмовой перезвонъ
Смущалъ его душу. Арсеній былъ близко...
Страшился Арсенія онъ.

Преподобный Арсеній, въ мірѣ Амвросій, былъ родомъ изъ Ржева Володимірова и занимался кожевеннымъ ремесломъ. По смерти отца, онъ тайно оставилъ домъ родительскій и удалился въ Новгородъ, гдѣ основалъ на Ярославовомъ Дворищѣ монастырь, въ которомъ и постригся, ведя строгую жизнь, нося рубище и тяжелыя вериги. Провидя страшное, грядущее на Новгородъ бѣдствіе, онъ часто сидѣлъ на Волховскомъ мосту и плакалъ объ участи жителей, не ожидавшихъ бѣды. Во время разгрома Новгорода Іоанномъ, Арсеній спасался въ затворѣ близъ сооруженной имъ церкви (гдѣ теперь часовня преподобнаго Арсенія, обращенная въ церковь, на берегу Волхова, выше моста). Смѣлыя укоризны и угрозы Арсенія несомнѣнно были главною причиною спасенія Пскова отъ участи, постигшей Новгородъ. Мощи преподобнаго Арсенія почиваютъ подъ спудомъ въ Новгородскомъ Кирилловомъ монастырѣ.

Ушкуйникъ.

Хороша ты мать-земля родимая!
Хороша рѣка Двина глубокая,
Со притоками въ лѣсахъ дремучіихъ;
Широка, длинна, да неугодная.
Не словить на ней рыбешки жареной;
Не кишитъ роемъ судовъ купеческихъ;
А плыветъ-ползетъ товаръ нестоющій
Деревья плоты, да смольно курево.

А вотъ есть рѣка пребогатая!
Ручейкомъ-вьюномъ начинается,
По пути воды набирается,
А длиной въ аршинъ не купеческій.
И плыветъ по ней дорогой товаръ
Съ верху, съ полудня, съ моря дальняго,
Гдѣ зимы, снѣговъ, баютъ, пѣтути.
Съ давнихъ поръ она промежъ молодцовъ
Волгой-матушкой прозывается;
Прокормиться всласть удалымъ даетъ,
Что со всѣхъ сторонъ на кровавый пиръ
Въ гости къ ней, родной, собираются.

Ты пожди, пожди, моя зазнобушка.
Какъ испробую я счастья-удали,
Привезу тебѣ добра несчетнаго:
Аксамитъ цвѣтной, да золоту парчу,
Кизильбашскихъ камешковъ горючихъ.
Какъ пойдемъ съ тобой по нашей улицѣ
Въ Божій храмъ честнымъ путемъ вѣнчатися—
Заглядятся парни, ротъ разинувши;
Лопнутъ бабы-молодухи съ зависти.
Гой, ты мать сыра земля родимая!
Отпусти меня ты, добра мо́лодца,
Что на ту далекую сторонушку,
Поразмять мнѣ силу богатырскую,
На чужихъ плечахъ ее испробовать,
Съ басурманиномъ въ задоръ войти!

Новгородская вольница отличалась своею отвагою и причиняла не мало хлопотъ Новгороду, которому великіе князья московскіе ставили въ вину эти разбои. Такъ, въ 1360 году, новгородская вольница взяла городъ Жукотинъ на рѣкѣ Камѣ, перебила татаръ и ограбила ихъ. Въ 1366 году, пошла изъ Новгорода молодежь съ тремя воеводами, много басурманъ побила подъ Нижнимъ и возвратилась по-здорову. Въ 1371 году, ушкуйники на 90 ушкуяхъ (разбойничьихъ судахъ) ограбили Вятку, потомъ взяли Болгары, хотѣли зажечь городъ, но жители откупились за 300 рублей. Затѣмъ ушкуйники раздѣлились: 50 ушкуевъ пошли внизъ по Волгѣ къ Сараю, а 40 — вверхъ; дошли до Обухова, опусто-

шили все Засурье и Маркваш, высадились на лѣвый берегъ Волги, истребили суда, отправились къ Вяткѣ на лошадяхъ и дорогою раззорили много селъ на берегахъ Ветлуги. Въ 1375 году, ушкуйники на 70 ушкуяхъ явились подъ Кострому, и хотя ихъ было 1500 человѣкъ. а у воеводы 5000 ратниковъ, они овладѣли Костромой и ограбили ее до тла. Затѣмъ ограбили и сожгли Нижній, продали Болгарамъ полоняпокъ костромскихъ и нижегородскихъ, и доплыли до самой Астрахани. гдѣ были истреблены обманомъ. Въ 1391 году. новгородскіе и устюжскіе ушкунники пошли въ ушкуяхъ и насадахъ по Вяткѣ и Камѣ до Волги. взяли Жукотинъ, Казань и ограбили многихъ.

Новгородъ.

Дозволено цензурою. С-Петербургъ, 10 Ноября 1900 г.

Типографія В. Безобразова и К°. (В. О., 8 л., № 45).

Новгородъ.

На чѣлнѣ, ночною порою,
Я плылъ по родимой рѣкѣ;
Лежали недвижимо весла
Въ моей утомленной рукѣ.

На лѣво—въ туманѣ черпѣла,
Горой подымаясь, земля,
И рѣзко на ней выдѣлялись
Зубчатыя стѣны Кремля;

За ними, вѣнчаясь крестами,
Невольно приковывалъ взоръ,
Краса Новограда, Софіи —
Премудрости Божьей соборъ.

Направо — вдоль берега, близко,
Тянулись заборы, дома,
Надъ ними едва возвышалась
Завѣтная башня одна.

Когда-то звучалъ тамъ свободный
Народный языкъ вѣчевой,
Когда созывалъ новгородцевъ
На вѣче, на судъ, иль на бой.

Широкой, могучей волною
Катилася мѣрно рѣка,
И мнилось, какъ будто качаетъ
Меня дорогая рука.

Луна то скрывалась за тучи,
То ярко блестѣла въ водѣ;
И было торжественно тихо,
И было безмолвно вездѣ.

Челнокъ самъ собой подвигался,
А я полный думъ и тоски,
Сидѣлъ неподвижно, внимая
Обычному шуму рѣки.

И въ этихъ рокочущихъ звукахъ
Свободно бѣгущей волны,
Мнѣ сказывалъ дѣдушка-Волховъ
Завѣтныя думы свои.

— «Была пора, я гордо несъ
Новогородскія ладьи,
Когда опѣ, нагружены,
Пускались въ дальнія страны.

Лихіе витязи-купцы
Вселяли миръ, внушали страхъ,
Держа вѣсы, держа и мечъ
Въ привычныхъ къ дѣйствію рукахъ.

Смотри! вонъ тутъ — заморскихъ странъ
Стояли корабли,
Мѣняя привозный товаръ
На звонкіе рубли.

Смотри! вонъ тамъ—былъ шумный торгъ.
Туда свозилъ народъ
Свои достатки и труды
Хозяйственныхъ работъ.

А тамъ, смотри! вонъ тамъ — звучалъ
Тотъ колокольный звонъ,
Когда на вѣче созывалъ
Новогородцевъ опъ.

Тамъ волновался и шумѣлъ
Свободный городъ мой,
Когда сбирался толковать
Народъ между собой.

На вѣчѣ онъ творилъ свой судъ
И изгонялъ князей;
На вѣчѣ избиралъ владыкъ
И отличалъ друзей;

И власть посадника его
Была сильна, грозна,
Зане народною душой
Являлася она.

Въ своихъ ладьяхъ — и на моряхъ
Умѣлъ онъ побѣждать;
Предъ нимъ не разъ склонялись — шведъ
И крестоносцевъ рать.

Онъ торговалъ, но честенъ былъ
И былъ за то любимъ,
И даже дальняя Ганза
Была въ союзѣ съ нимъ.

Былъ славенъ онъ и на Руси,
Могучъ, силенъ, богатъ —
Вотъ былъ каковъ, въ былые дни,
Мой вольный Новградъ!

Какою отрадной былиной
Меня услаждала рѣка,
И съ нѣжной сыновней любовью
Внималъ я рѣчамъ старика.

Но вдругъ, словно въ гнѣвномъ порывѣ,
Встряхнулъ онъ сѣдой головой
И брызнулъ въ лицо мнѣ внезапно
Своею холодной волной.

— «Время завѣтное, долго ты длилося,
Долго — наскалъ и конецъ;
Время другое сплело Новугороду
Тяжкій терновый вѣнецъ.

Говоръ давно ужъ носился по торжищамъ
Все о какой-то Москвѣ,
Что́ поднялась на рѣченкѣ невѣдомой.
Волны несущей къ Окѣ.

Ловко вилял хвостомъ предъ татарами
И не жалѣя своихъ,
Кончила тѣмъ, что, собравшися съ силами,
Освободилась отъ нихъ.

Свергнуло иго, Русй ненавистное,
Но наложила свое;
Много неправды, коварства и хитрости
Было тогда у нее.

Княжества всѣ поглотила свободныя,
Стала не въ мѣру сильна,
И, наконецъ, свою пасть ненасытную
Къ намъ обратила она.

Новгородъ вольный сломить, какъ татарина,
Вздумала, видно и вприямь
Стала опасна свобода народная
Лютымъ московскимъ князьямъ.

Долго боролись съ Москвою кичливою
Вольныя дѣти мои,
Но совладать съ непомѣрною силою
Властной Москвы — не могли.

Помню, какъ всѣ провожали съ рыданіемъ
Колоколъ нашъ вѣчевой;
Чуяли бѣдные, что́ съ нимъ теряется,
Что́ онъ увозитъ съ собой.

Но для Москвы уже стало потребностью
Насъ раззорить до сумы,
Чтобы въ рабовъ безотвѣтно послушливыхъ
Переродился мы.

И для того, чтобъ покончить рѣшительно
Съ городомъ вольнымъ моимъ,
Грозный Иванъ вдругъ падумалъ по своему
Разомъ расправиться съ нимъ.

Въ тѣ поры въ нашихъ ужъ не было бодрости
Прежнихъ временъ, не смогли —
Иль побѣдить, или лечь до послѣдняго
Всѣмъ на защитѣ земли.

Духъ ослабѣлъ, истомились раздорами,
Всѣхъ обуяла корысть,
И межъ народомъ измѣнники гнусные,
Слуги Москвы, завелись.

Грозный не встрѣтилъ ни въ комъ супротивности,
Съ малою ратью пришелъ
И, раззоривъ по дорогѣ всѣ волости,
Въ городъ свободно вошелъ.

Вольные люди пришельцу московскому
Били смиренно челомъ;
Встрѣтилъ его на мосту въ облаченіи
Пименъ владыка съ крестомъ.

Встрѣтилъ съ молитвою, почесть духовную
По старинѣ оказалъ.
Царь отвѣчалъ ему гнѣвно, укорами,
Въ церковь идти приказалъ.

Началъ владыка обѣдню и Господа
Долго и слезно молилъ,
Чтобы отъ лютаго гнѣва московскаго
Новгородъ Онъ охранилъ.

Кончилась служба. Собралась у Пимена
Вся новгородская знать;
Но не садилась за трапезу, съ трепетомъ
Стала царя ожидать.

Грозный вошелъ съ цѣлой стаей опричниковъ,
Сѣлъ, не молясь, и молчалъ;
Взоръ его гнѣвный лишь страхъ, да уныніе
Въ новогородцахъ встрѣчалъ.

Чуяли всѣ, что настали для города
Страшные, грозные дни,
Что недалеко расправа кровавая —
И не ошиблись они.

Царь посидѣлъ, вдругъ неистовымъ голосомъ
Подалъ условленный знакъ,
И принялся за расправу послѣднюю
Нашъ безпощаднѣйшій врагъ.

Стали хватать, стали грабить безъ жалости,
Стали палить всѣхъ огнемъ,
Самъ царь Иванъ имъ придумалъ мученіе,
Страшно и вспомнить о немъ.

Рѣзали, жгли, не десятками, сотнями,
Всѣхъ — богачей, бѣдняковъ,
Знатныхъ, простыхъ, и духовныхъ, и иноковъ,
Словно на бойнѣ быковъ.

Дни проходили за днями; недѣлями
Время текло, а они—
Все продолжали расправу ужасную
И не тушили огни.

Солнце за тучами все укрывалося,
Или блестѣло во мглѣ;
Больно ему было видѣть, что́ дѣлали
Люди съ людьми на землѣ.

Рѣзать умаялись; душно имъ сдѣлалось—
Мертвые начали гнить;
Трупы безъ счету валялись по городу,
Царь не велѣлъ хоронить.

Звѣрь, такъ и тотъ бы проникнулся жалостью,
Какъ бы онъ ни былъ взбѣшонъ;
Но для Ивана считалось то́ малостью.
Все не насытился онъ.

Вздумалъ забавиться новой потѣхою:
Къ мо́сту согнять приказалъ
Всѣхъ, кто еще уцѣлѣлъ отъ мученія,
Кто своей участи ждалъ.

Стали вязать ихъ по-парно и семьями,
Женъ, и мужей, и дѣтей,
Стали младенцевъ на шею привязывать
Матерямъ вмѣсто камней.

Свяжутъ—и съ моста!.. Лишь вскрикнутъ несчастные;
Тщетно на помощь зовутъ,
Тщетно о милости просятъ опричниковъ,
Тщетно спасенія ждутъ.

Съ пѣснями въ лодкахъ злодѣи катаются,
Словно какъ въ праздникъ народъ,
Да топорами сѣкутъ, кто хватается.
Или ко дну не идетъ.

Сколько народа—не сотни, а тысячи
Въ волны кидали мои
Эти исчадья московскаго деспота
Въ эти ужасные дни.

Страшно припомнить, что только творилося:
Хохотъ, рыданья съ мольбой,
Вопли, и пѣсни, и крикъ, и стенанія,
Плескъ и кровавый прибой!

Словно безумные, мечутъ безъ устали;
Счетъ потеряли давно;
Мечутъ народъ, какъ полѣнья, опричники
Въ волны мои и на дно.

Больше и больше... Вдругъ кучи утопленныхъ
Сдѣлались кучей одной
И, преградивъ моимъ во́лнамъ теченіе,
Встали живою стѣной.

Грозный сидѣлъ, окруженный любимцами,
Самъ на мосту и смотрѣлъ,
Словно натѣшиться всласть надъ несчастными
Этой забавой хотѣлъ.

Гнѣвомъ вскипѣлъ я! злодѣю ужасному
Въ душу рѣшилъ заглянуть;
И захлестнулъ я кровавою пѣною
Звѣрю — въ изсохшую грудь!

Грозный вскочилъ, отшатнулся какъ бѣшеный,
Понялъ движенье мое —
И приказалъ своимъ лютымъ опричникамъ
Кончить веселье свое.

Казнь, прекратилася... Грозный помиловалъ
Тѣхъ, кто остался въ живыхъ,
Но не оставилъ на мѣстѣ измученныхъ,
Къ Волгѣ онъ выселилъ ихъ.

Тамъ моя сила! Ты знаешь, не разъ
Тамъ вырывалась она на показъ,
И въ лихолѣтье *), собравшись въ семью,
Тамъ проявила живучесть свою».

Волховъ затихъ... вдругъ волною послѣднею
Онъ повернулъ мой челнокъ,
Кинулъ на землю, отхлынулъ отъ берега,
Мѣрно вздохнулъ — и замолкъ.

—

Я понялъ... Но прежде чѣмъ выйти на берегъ,
Я молча взглянулъ на рѣку;
Хотѣлось задать мнѣ, средь сумрака ночи,
Послѣдній вопросъ старику.

---

*) Лихолѣтьемъ русскій народъ назвалъ 1612 годъ.

Но старый боецъ угадалъ мою думу,
Сестру безнадежной тоски,
И выслушалъ я безотрадную правду
Отъ вѣчно свободной рѣки.

— «Не жди,—онъ сказалъ—не надѣйся напрасно.
Прошли, какъ завѣтные сны,
Прошли безвозвратно для нашего града
Преданья святой старины.

На днѣ моемъ, подъ бѣгущей волною,
Глубóко, у самаго дна,
Лежитъ новгородцевъ былая свобода,
И спитъ непробудно она.

Ревниво и зорко ее охраняютъ
Погибшія дѣти мои,
И только порой ей всплывать дозволяютъ
Въ завѣтное время они.

Въ глубокую ночь, когда вѣтеръ вздымаетъ
Горой мою мощную грудь,
Когда изъ людей ни одинъ не дерзаетъ
Пуститься въ обыденный путь—

Тогда выплываетъ былая свобода
Могучей русалкой со дна,
И мчится, и кружится въ бѣшеной плескѣ
Съ моими волнами она.

И ждетъ, не раздастся-ли звонъ ей обычный,
Когда всѣ оковы спадутъ,
Когда, наконецъ, на народное вѣче
Съ почетомъ ее позовутъ.

Но время проходитъ, а зова не слышно;
Все спитъ, все забыто давно.
И снова свободы погибшія дѣти
Ее увлекаютъ на дно.

Другого отвѣта не дастъ тебѣ Волховъ.

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Новгородская печать 15-го вѣка.

На ступеняхъ вѣчевого помоста лежитъ архіепископскій посохъ; вокругъ надпись: печать господина великаго новагорода.

А. А. Навроцкій (Н. А. Вроцкій).

МАРѲА БОРЕЦКАЯ

ИЛИ

ПАДЕНІЕ

ВЕЛИКАГО НОВГОРОДА.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДРАМА

въ 5-ти дѣйствіяхъ, съ эпилогомъ, въ стихахъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Великій князь Іоаннъ III Васильевичъ, 42 лѣтъ.
Бояринъ, князь Патрикѣевъ, 40 лѣтъ.
Бояринъ, князь Оболенскій-Стрига, 52 лѣтъ.
Бояринъ Федоръ Давидовичъ, 56 лѣтъ. } послы Іоанна.
Бояринъ Иванъ Борисовичъ, 50 лѣтъ. } послы Іоанна.
Дьякъ Василій Далматовъ, 52 лѣтъ. } послы Іоанна.
Иванъ Федоровичъ Товарковъ 60 лѣтъ. } послы Іоанна.
Марѳа Борецкая, посадничья вдова, 62 лѣтъ.
Бояринъ Дмитрій Исаковичъ Борецкій, степенный посадникъ Новгорода, 38 лѣтъ } дѣти Марѳы.
Федоръ Исаковичъ Борецкій, 27 лѣтъ. } дѣти Марѳы.
Левонтій Борецкій, внукъ Марѳы, 22 лѣтъ.
Варвара, сирота, пріемышъ Марѳы, 19 лѣтъ.
Василій Онаньинъ, 60 лѣтъ. } старые (бывшіе) посадники.
Ѳеофилактъ Захарьичъ, 51 лѣтъ. } старые (бывшіе) посадники.
Лука Федоровъ, 52 лѣтъ. } старые (бывшіе) посадники.
Яковъ Коробъ, 50 лѣтъ, новгородскій купецъ, а съ 4-го дѣйствія степенный посадникъ.
Илья, сынъ Луки Федорова, 22 лѣтъ.
Василій Максимовъ, степенный тысячскій, 46 лѣтъ.
Василій Никифоровъ, 50 лѣтъ. } новгородскіе бояре.
Козьма Овинъ, 42 лѣтъ. } новгородскіе бояре.
Иванъ Козьминъ, 48 лѣтъ. } житые люди.
Юрій Репеховъ, 36 лѣтъ. } житые люди.
Захаръ, вѣчевой дьякъ, 44 лѣтъ.
Родимецъ, гусляръ, 30 лѣтъ.

Григорій, старецъ, 60 лѣтъ.
Ларивонъ, послушникъ, 50 лѣтъ.
Глѣбъ, 62 лѣтъ, старшій прикащикъ.
Петровна, 58 лѣтъ, кладовница.
Ксеша, 18 лѣтъ.
Малаша, 20 лѣтъ.
Зоя, 23 лѣтъ.
} сѣнныя дѣвушки.
} Марозы.
Никита, 36 лѣтъ.
Ратша, 30 лѣтъ.
} новгородскіе вершники.
Вѣчевой подъячій.
Глухарь, вѣчевой звонарь, 54 лѣтъ, глухонѣмой.
Послушникъ.
Стольникъ Іоанна.
Темничный сторожъ.
Пятидесятникъ.
Первый.
Второй.
} московскіе вершники.

Ратники, послушники, стража и народъ.

Дѣйствіе драмы происходитъ въ Новгородѣ и его окрестностяхъ въ 1471—78 годахъ. Дѣйствіе эпилога въ г. Муромѣ въ 1482 году.

Между 1-мъ и 2-мъ дѣйствіями проходитъ два мѣсяца; между 3-мъ и 4-мъ—шесть лѣтъ; между 4-мъ и 5-мъ—два мѣсяца; между картинами пятого дѣйствія—шесть недѣль.

Примѣчаніе. Правящій посадникъ новгородскій назывался «степеннымъ посадникомъ». По оставленіи должности, онъ сохранялъ званіе посадника пожизненно, именуясь «старымъ (бывшимъ) посадникомъ». Тоже и тысячскій. Житыми людьми назывались владѣльцы недвижимости въ Новгородѣ, не принадлежавшіе къ числу бояръ и купцовъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Столовая горница въ домѣ Марѳы. Вечеръ. За столомъ сидятъ: **Марѳа, Дмитрій, Федоръ и Левонтій Борецкіе, Товарковъ, Онаньинъ, Коробъ, Лука Федоровъ, съ сыномъ Ильей, Овинъ, Никифоровъ, Максимовъ, Козьминъ и Захаръ.**

МАРѲА (*къ Товаркову*).

Что-жъ ты, бояринъ? Видно нездоровъ,
Что, словно сычъ на солнцѣ, возсѣдаешь?
Аль не по вкусу фряжское вино?
Годовъ съ полсотни есть, какъ въ погребахъ
Оно моихъ хранится.

ТОВАРКОВЪ.

Благодарствуй
На угощеньи. Хорошо вино—
Да пить охоты нѣтъ послѣ отвѣта,
Который вы надумали послать.

МАРѲА.

Здѣсь на пиру не вѣче. Посѣтилъ,—
Такъ не разстраивай веселья. (*къ Дмитрію.*) Митя,
Попотчуй ты. Ему ты ближе насъ.
Москвы бояринъ.

ТОВАРКОВЪ.

Государь не малымъ
Его почетомъ наградилъ.

МАРѲА.

Еще бы!
Кому почетъ, кому издѣвка. Вѣдалъ,
Какъ угодить мнѣ.

ОНАНЬИНЪ.

Волостью своей
Считать Великій Новгородъ надумалъ.
Притупитъ зубъ.

ТОВАРКОВЪ.

Негоже слышать мнѣ
Такія рѣчи. Иль забыли вы,
Чей я посолъ?

ОВИНЪ.

Не осерчай, бояринъ!
Не совѣщанье. Мало-ль на пиру
Бываетъ словъ ненужныхъ; отъ похмѣлья,
Не отъ ума онѣ.

МАКСИМОВЪ.

Не пьяны мы!

ЛУКА ФЕДОРОВЪ.

И трезвые, и пьяные одно
Твердить мы будемъ. Волостью Москвы
Не согласимся быть.

НИКИФОРОВЪ.

Не вѣче здѣсь.
А пиръ честной. Не станемъ же смущать
Его раздоромъ.

МАРѲА.

Кто же его вноситъ?
Коль сгоряча сорвется съ языка
Нелюбое словечко, такъ зачѣмъ
Его сейчасъ и въ строку ставить?

ТОВАРКОВЪ.

Долженъ
Вездѣ и всюду я оберегать
Честь государя.

ОНАНЬИНЪ.

Честь его при немъ
И остается. На пирахъ, ты знаешь,
Не всяко слово мѣриться должно.

ОВИНЪ.

На то Господь два уха сотворилъ.
Въ одно впусти, а выпусти въ другое,
Коли нелюбо слово.

ГОЛОСА.

Вѣрно! такъ!

НИКИФОРОВЪ.

Когда вино развяжетъ языки,
Сболтнется многое, чему, проспавшись,
И самъ не радъ бываешь. На пирахъ,
По старинѣ честной, чтобъ ссоръ и споровъ,
Непрошенныхъ гостей не допускать,
И не давать имъ сѣять розни и смуту —
Шѣвцовъ, сказителей-гусляровъ звали,
И ихъ словами тѣшились. (*къ Марѳѣ*). И ты,
Боярыня, потѣшь посла и гостя
По старинѣ. Родимецъ у тебя
На диво бахарь!

ОНАНЬИНЪ.

Позови! И вирямь
Онъ утишитъ размолвки хмѣлевыя.

ФЕДОРЪ БОРЕЦКІЙ (*къ Марѳѣ*).

Позвать?

МАРѲА.

Зови.

ФЕДОРЪ БОРЕЦКІЙ (*къ Козьмину*).

Введи его, Козьминъ. (*Козьминъ уходитъ*).
И балагуръ, и сказочникъ на диво!

ТОВАРКОВЪ.

Послушаемъ. Охочъ и я послушать,
Коль складно бастъ.

ФЕДОРЪ БОРЕЦКІЙ.

Вотъ похвалишь самъ.
(*входятъ* Козьминъ *и* Родимецъ *съ гуслями*).

РОДИМЕЦЪ.

Слава Богу на небѣ, а Великому Новугороду по всей землѣ! И тебѣ, боярыня-хозяйка слава, и гостямъ твоимъ именитымъ! На честномъ пиру перво хлѣбу честь воздаемъ, а за нимъ вину, брату меньшему, хороводнику, хмѣлевымъ головамъ угоднику. Всѣмъ честнымъ господамъ, и вину, и медамъ поклонъ земной съ пожеланіемъ: пить не испить, и вторить, и тронть, счетъ потерять, съизнова начать, до скончанія.

МАРѲА.

Потѣшь гостей бывальщиной иль сказкой.
Иль пѣсню спой.

РОДИМЕЦЪ.

Могу и то, и се;
И такъ, и этакъ! Какъ тебѣ угодно.

МАРѲА (*къ Товаркову*).

Что пожелаешь?

ТОВАРКОВЪ.

Пѣсню, иль былину
О старинѣ родной. А сказки здѣсь
Не мѣсто слушать. Ими у насъ бабы
Везсонье гонятъ.

ОНАНЬИНЪ.

Сказка сказкѣ рознь.
Иная загвоздитъ — не позабудешь.
Вотъ хоть бы сказъ о пѣтухѣ и уткахъ.
Занятенъ очень.

РОДИМЕЦЪ (*къ Марѳѣ*).

Повелишь?

МАРѲА.

Скажи.

Въ Москвѣ ее, должно быть, не слыхали.

РОДИМЕЦЪ.

Во порѹ, порѹ, во временье,
На курятномъ дворѣ, ниже Каинна,
Былъ княжой тіунъ, матерой пѣтухъ,
Матерой пѣтухъ, разгорланистый.
Былъ падъ курами волостителемъ
И такой-сякой презавистливый,
Всѣхъ другихъ пѣтуховъ позаклевывалъ,
Молодымъ долбилъ ихъ головушки
Клювомъ острымъ, съ лѣту, съ патиска.
Былъ на томъ дворѣ не великъ прудокъ;
На немъ плавали сѣры утицы
Съ селезнямъ-мужьямъ, не по куричьи.
Разгорѣлося, распалилося
Пѣтушиное сердце властное;
Возжелалось ему утицъ сѣрыхъ
Привести на всю свою волюшку,
Сравнять съ курами, его женами,
Чтобы всѣмъ сидѣть съ нимъ на насѣсти.
Сталъ онъ утицъ тѣхъ улещать-стращать,
Лапы рвать грозилъ перепончаты.
Сѣры утицы не спужалися,
Пѣтуху въ отвѣтъ громко крякнули

И отъ берега къ селезнямъ-мужьямъ,
Показавъ хвосты, дружно поплыли.
Взбѣленилася тутъ спѣсь тіунская,
Спѣсь тіунская, пѣтушиная;
Возгорѣлся онъ жаромъ-полымемъ
И за утицамъ сѣрокрылымъ
Полетѣлъ во слѣдъ съ гнѣвомъ-яростью.
Въ воду онъ влетѣлъ воеводою —
А оттоль поползъ мокрой курицей;
Передъ всѣмъ дворомъ обезславился. (*большинство сидящихъ хохочетъ*).

Коль потѣшенъ сказъ, да поправился;
Награди меня ты, боярыня,
Кубкомъ добрымъ меда крѣпкаго,
Али чарою зелена̀ вина,
Чарой-братиной новгородскою.
А коль милость есть ендову поднесть,
И тою смогу — не умаюся,
Да и на̀предки не закаюся. (*кланяется*).

МАРѲА (*къ сыну Федору*).

Дай ему кубокъ меда! (*Федоръ наливаетъ кубокъ и передаетъ Родимцу*).

РОДИМЕЦЪ.

Тебѣ, боярыня многомилостивая, всему честному пиру, именитымъ гостямъ и всему Великому Новугороду во здравіе и славу вѣковѣчную! (*кланяется и пьетъ*).

МАРѲА (*къ Родимцу*).

Ступай! Спаспбо! Молодецъ! Потѣшилъ. (*Родимецъ уходитъ*).

ДМ. БОРЕЦКІЙ (*къ Товаркову*).

Поправилась?

ТОВАРКОВЪ.

Забавы мало въ ней.

МАРѲА.

Да толкъ великъ! Ты разскажи ее
У васъ, въ Москвѣ; быть можетъ, пригодится.
Научитъ разуму.

ОПАНЬИНЪ.

Авось поймутъ.

ТОВАРКОВЪ.

Пора домой! Наслушался довольно.
Заутра въ путь сбираться надлежитъ.
Коль вы свое не смѣните рѣшенье,
Съ чреватой вѣстью выѣду въ Москву.

ДМ. БОРЕЦКІЙ.

Какъ порѣшило вѣче, такъ и будетъ.
Перемѣнять не станемъ.

МАКСИМОВЪ.

Былъ изъ вѣка
Великій Новгородъ землею вольной
И таковой останется всегда!

КОРОБЪ.

Вѣстимо.

ТОВАРКОВЪ.

Мой совѣтъ...

ОНАНЬИНЪ (*перебивая*).

Ты не совѣтчикъ!
Послàнецъ ты. Сказалъ, что повелѣли
Тебѣ сказать; отвѣтъ услышалъ нашъ —
И передай. Вотъ вся твоя забота.

ТОВАРКОВЪ.

Не мальчикъ я — и не просплъ тебя
Въ наставники. (*къ Марѳѣ*). Пора домой, хозяйка!
Ослобони.

МАРѲА (*встаетъ, за ней и всѣ остальные*).

Коль время, я не стану
Тебя удерживать силкомъ, бояринъ! (*кланяется*).
Спасибо низкое, что не побрезгалъ
Ты нашимъ хлѣбомъ-солью. На дорогу
Не откажи откушать посошокъ. (*наливаетъ вино въ кубокъ Товаркова, потомъ въ свой; остальные наполняютъ свои кубки*).

Дай Богъ тебѣ, боярин, добрый путь!
Во здравіи доѣхать до Москвы
И съ вѣстью доброй снова къ намъ вернуться. (*кланяется и пьетъ; всѣ, кромѣ Товаркова, тоже кланяются и пьютъ*).

ТОВАРКОВЪ.

Спасибо на словѣ. Подай Господь
Окончить мирно. За твое здоровье,
Боярыня! (*кланяется и отпиваетъ*) и чадъ, и домочадцевъ.
(*отпиваетъ*).
Всему честно́му пиру бью челомъ! (*кланяется и допиваетъ кубокъ*).
Уѣду завтра.

ДМ. БОРЕЦКІЙ.

Мы тебѣ запрета
Не учинимъ.

ТОВАРКОВЪ.

Прощайте!

МАРФА.

Въ добрый часъ!
Не обезсудь.

ТОВАРКОВЪ.

Скажу объ угощеньи;
Какъ чествовали княжаго посла. (*уходитъ*).

ОВИНЪ.

И намъ пора, хозяюшка! Спасибо
За ласковый пріемъ.

НИКИФОРОВЪ (*къ Захару*).

Пойдемъ, Захаръ!
Прощай, хозяюшка.

МАРѲА.

Прошу простить,
Коль въ чемъ нибудь гостямъ не угодила.

ОВИНЪ.

По горло сыты. А ужъ отъ вина
И дверь едва въ хороминѣ отыщешь.

ЗАХАРЪ (*къ Марѳѣ*).

Заутра на крестины не забудешь
Пожаловать?

МАРѲА.

Сказала, такъ приду.
Не обижала я тебя доселѣ.

ЗАХАРЪ.

Гдѣ обижать. Тобою лишь живемъ.
Къ моей семьишкѣ ласкова всегда
И доброхотна ты. Молитвы наши
Господь услышитъ и подастъ тебѣ
И здравья, и достатка. Поспѣшимте
Домой, бояре! Время.

ОВИНЪ.

Да, пора! (*къ Марѳѣ*).
Прощенья просимъ. Не взыщи на насъ,
Коль въ чемъ обмолвились. Хмѣльны, вѣстимо!
Не всяко лыко въ строку засчитай. (*кланяется всѣмъ и уходитъ съ Никифоровымъ и Захаромъ*).

ЛУКА ФЕДОРОВЪ.

Московской своры псы! Они парочно
Ушли скорѣй, чтобъ забѣжать къ послу,
Вильнуть хвостомъ передъ его отъѣздомъ.

ОНАНЬИНЪ.

Да, эти два, заводчики всему.
Ихъ родъ давно къ Москвѣ коварной тянетъ.
Тамъ завелись родствомъ, да кумовствомъ
И шлютъ туда гонцовъ своихъ съ извѣтомъ.

ѲЕД. БОРЕЦКІЙ.

Мутятъ и здѣсь. Пора бы ихъ унять.

ЛУКА ФЕДОРОВЪ.

Да и Захаръ шушукается съ ними.
Смѣнить бы надо.

ДМ. БОРЕЦКІЙ.

Нуженъ намъ пока.
Толковъ и памятливъ.

КОРОБЪ.

Угодливъ тоже.

МАКСИМОВЪ.

Змѣею ластится. Ужалитъ больно,
Когда довѣришься.

КОРОБЪ.

Такая доля
Имъ выпала. Не храбры, такъ перьемъ
Свое берутъ и помнятъ нарочито,
Что ласковый телепочекъ сосетъ
Двухъ матокъ.

ОНАНЬИНЪ.

Ну, у нихъ побольше будетъ.
Съ кого стянуть имъ можно, тотъ и матка.
Такой народъ—неправдою живетъ.

МАРФА.

Давно тверяку я: намъ одно осталось —
Поддаться Казиміру; тотъ на насъ
Ногою не наступитъ. А Ивану
Нельзя намъ вѣрить. Сколько онъ князей
Удѣльныхъ обездолилъ. Опъ и съ нами
Поступитъ также.

ОЕД. БОРЕЦКІЙ.

Постоимъ!

МАКСИМОВЪ.

Узнаетъ
Онъ нашу силу.

ДМ. БОРЕЦКІЙ (*наливаетъ кубокъ и встаетъ*).

Выпьемъ-же, друзья,
За Новгородъ Великій! Наша слава
Гремитъ далеко. Дружно постоимъ
За честь его! (*пьетъ*).

ВСѢ (*встаютъ*).

За Новгородъ Великій!
За вольность нашу! За нее по смерть
Стоять мы будемъ! (*пьютъ*).

ОПАНЬИНЪ.

Время и покой
Честной хозяйкѣ дать. Прощенья просимъ.
Благодаримъ за ласку и привѣтъ.

МАРѲА (*выходитъ изъ-за стола; за нею и остальные*).

Не обезсудьте, гости дорогіе!
Вамъ вѣдомо — у Марѳы на пиру
Доселѣ обдѣленныхъ не бывало.
Теперь для насъ тяжелая пора
Надвинулася. Вѣдомы дѣянья
Коварнаго Ивана. Онъ, какъ ястребъ,
На Новгородъ свой хищный клювъ направилъ
И не отстанетъ, какъ паукъ, пока
Не высосетъ всю кровь и силу нашу.

ОПАНЬИНЪ.

Поборемся.

МАРѲА.

Могли бы побороться,
Когда бы среди насъ не завелась
Измѣна черная. Прочна̀ веревка;
А расщипли — и пальцемъ перервешь.

КОЗЬМИНЪ.

Не мало ихъ.

КОРОВЪ.

Когда противъ своихъ
Опасъ держать приходится, понятно —
Не прочно дѣло.

ОНАНЬИНЪ.

Да, оберегаться
Не лишнее. И надо поспѣшить
Поддаться Казиміру. Тотъ не станетъ
Совать свой носъ въ нашъ обиходъ.

МАРОА.

Вѣстимо,
Не надо мѣшкать. Вѣрьте, что съ Иваномъ
Не сваришь каши.

МАКСИМОВЪ.

Онъ ужъ заварилъ —
А намъ ее расхлебывать придется,
Уста и сердце обжигая. Будемъ
Рѣшительны и смѣлы въ трудный часъ.
Какъ были предки.

МАРОА.

Нами началась
И зародилась Русь. Не намъ же нынѣ
Передъ Москвой холопствовать. Скорѣй
Передадимся Казиміру. Если
Уменъ, прозорливъ онъ, то поспѣшитъ
Намъ помощь оказать.

КОРОБЪ.

А если нѣтъ?

МАРѲА.

Тогда умремъ — но воли не уступимъ!
Пора и спать. (*къ Ильѣ*). А ты, Илья, здоровъ?
Что на пиру сидѣлъ словно пришитый?
Угрюмъ и хмуръ.

ИЛЬЯ.

Нахмуришься, когда
Все шло на ладъ, а тутъ вдругъ подвернулся
Послàнецъ этотъ.

МАРѲА.

Да ужъ, другъ, теперь
Намъ не до свадьбы. Съ Левушкой обоимъ
Вамъ ждать придется. Тутъ, того гляди,
Начнется пиръ не брачный, а кровавый.

ЛЕВОНТІЙ БОРЕЦКІЙ.

Хоть трудно ждать, и крѣпко я люблю
Варюшу нашу, но не уклонюся,
Ради пея, за Новгородъ родной
Съ врагомъ помѣриться.

ИЛЬЯ.

И я съ тобою!

КОРОБЪ.

Спаси Господь! Прогнѣвался на насъ
Онъ, Милосердый! Страшно и помыслить,
О томъ, что можетъ Новгородъ постичь,
Когда Иванъ со всей своею силой
На насъ обрушится.

ДМ. БОРЕЦКІЙ.

Не въ силѣ Богъ,
А въ правдѣ, други! Новгородъ Великій
Своихъ враговъ на счеты не кладетъ.
Чѣмъ болѣе на одного — тѣмъ лучше:
И шире взмахъ, и есть гдѣ разгуляться
Отвагѣ воинской.

КОРОБЪ.

Отвага — сила!
Но и отвагѣ есть предѣлъ.

ЛУКА ФЕДОРОВЪ.

Объ этомъ
Пока не будемъ спорить.

МАРѲА.

Молвлю лишь,
Что и касатка ястребу глаза
Выклевываетъ, если, ненасытный,
Онъ на птенцовъ накинется ся. (*къ Ильѣ*).

Ты не тоскуй, Илья! еще сильнѣе
Тебя полюбитъ Ольга, если ты
Побѣднымъ витяземъ вернешься съ битвы.
Мы любимъ храбрыхъ. Время на покой.
Прощайте!

ОНАНЬИНЪ.

Дай тебѣ Господь
Спокойный сонъ.

МАРѲА.

И вамъ того же, други!

КОРОБЪ.

Отъ думъ такихъ не скоро сна дождешься.
Прощай, хозяюшка! (*всѣ, кромѣ Борецкихъ, уходятъ*).

МАРѲА (*къ дѣтямъ*).

Прощайте, дѣти!
Благословитъ Господь васъ. Времена
Тяжелыя надвинулись и горе
Стучится въ сердце. Чтобы ни случилось —
Но ужъ семья Борецкихъ не продастъ,
И до послѣдней капли крови будетъ
Отстаивать завѣтныя права
И вѣковую волю. Въ кабалу
Мы не пойдемъ къ Ивану; предъ Москвою
Головъ не склонимъ! и въ ея холопахъ
Борецкіе не будутъ! Такъ-ли, дѣти?

ДМ. И ФЕД. БОРЕЦКІЕ.

Такъ, матушка!

ЛЕВОНТІЙ БОРЕЦКІЙ.

Такъ, бабушка!

вмѣстѣ.

МАРОА.

Спаспбо! Лишь на васъ
Я полагаюся вполнѣ. Прощайте. *(цѣлуетъ ихъ поочередно въ лобъ; они цѣлуютъ у нея руку и уходятъ. Она смотритъ имъ вслѣдъ).*

Конецъ 1-го дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Комната въ домѣ Мароы.

(Мароа *сидитъ у стола*, Глѣбъ *стоитъ возлѣ*).

МАРѲА.

Куда обозъ направилъ?

ГЛѢБЪ.

Обождать
Велѣлъ въ селѣ Гремячемъ.

МАРѲА.

Обождать
Не лишнее. Московскіе полки
Къ Шелони близко. Не сегодня-завтра
Начнется бой; а наши не успѣли
Стянуться всѣ. Владычній полкъ вчера
Лишь выступилъ.

ГЛѢБЪ

За то твоя дружина
Вся во главѣ, боярыня. Придется
Ей, первой, натискъ выдержать Москвы.

МАРѲА.

Сумѣютъ постоять. Когда прибудутъ
Сегодня ратники съ Копорья—накорми,
И дай мнѣ знать. Я выйду къ нимъ сама
И подбодрю ихъ словомъ. Что Демьянъ?
Давно о немъ я вѣсти не имѣю.

ГЛѢБЪ.

Демьянъ застрялъ. Хотя спѣшилъ изъ Гданска
На двухъ судахъ, пришлось зазимовать
Въ заливѣ Свейскомъ.

МАРѲА.

Думала — до льдовъ
Вернется. Мѣшкотенъ.

ГЛѢБЪ.

Ладья не конь.
Коль вѣтра нѣтъ, далеко не уѣдешь. (*помолчавъ*).
Павлухинъ ждетъ. Пора ему вернуться.

МАРѲА.

Чего онъ ждетъ?

ГЛѢБЪ.

Наказа твоего
На счетъ захвата берега и ловли
Монастыремъ Никольскимъ на Онегѣ.

МАРФА.

Пусть подождетъ. Не время мнѣ теперь.
Потолковать съ владыкой не успѣла.
Напомни завтра.

ГЛѢБЪ.

Переслалъ гужомъ
Тебѣ товаръ въ восьми тюкахъ изъ Риги
Буслай Нароевъ.

МАРѲА.

Растюковали?

ГЛѢБЪ.

Да.
Которые для дома, сдалъ Петровнѣ.
Прикажешь принести?

МАРѲА.

Вели.

ГЛѢБЪ.

Сейчасъ
Ее пришлю. (*уходитъ*).

МАРѲА.

Дѣла... торги... хозяйство.
Въ заботахъ умъ, а сердце не на мѣстѣ.
Все думается, что-то тамъ теперь
На берегахъ Шелони? (*встаетъ*). Наши дѣти
Тамъ боя ждутъ, и сына два монхъ

Ведутъ полки. Чѣмъ битва разрѣшится? (*помолчавъ*).
Послѣдніе. Ихъ шестеро Господь
Мнѣ далъ въ замужествѣ. Двоимъ закрыла
Своей рукой я очи; злой недугъ
Скосилъ обоихъ. Двухъ, въ расцвѣтѣ лѣтъ,
Пучина моря поглотила. Тамъ,
У Бѣломорья вѣчнымъ сномъ они
Въ монастырѣ покоятся. Донынѣ
Безъ слезъ о нихъ я вспомнить не могу.
Теперь послѣдніе ушли на битву
И Левушку съ собою увели.
Что ждетъ ихъ тамъ? Оборони Господь!
Отважны всѣ и ждать врага не станутъ;
На встрѣчу рипутся, чтобъ съ нимъ скорѣй сразиться.
Нѣтъ! сердце матери не можетъ не томиться
Съ дѣтьми въ разлукѣ, и боязнь за нихъ
Все пересилитъ.

(*входятъ* **Петровна, Зоя, Ксеша** *и* **Малаша** *съ кусками матерій, ящичками и коробками съ бабьимъ товаромъ*).

МАРФА.

Разложите здѣсь.

(*Принесшіе раскладываютъ все по лавкамъ и на столъ*).

МАРФА (*осматривая товаръ*).

Парчи узоръ по вкусу моему,
И шуба знатная съ собольимъ мѣхомъ выйдетъ.
Добротный шелкъ. А этотъ аксамитъ
Негожъ: пятнистъ и цвѣтомъ побѣжалый. (*къ Петровнѣ*).
Ты отложи его. Пошлю назадъ.
Чего глядѣлъ?

ПЕТРОВНА.

Всего не пересмотришь.
Довѣрился.

МАРѲА.

Племянникъ твой, такъ ты
Ему всегда придумаешь увертку. *(осматривая товаръ).*
Товаръ нашъ бабій отнеси на верхъ;
Да близко къ печкѣ не клади румяна.
Пересыхаютъ. Знатные платки!
Вотъ и фата вѣнчальная. Нарядна.
Для Варп ладила; придется-ли теперь
Ее падѣть? Пойдемъ со мной, Петровна.
Я посмотрю, гдѣ лучше положить
Парчу и шелкъ. Въ подвальной кладовой
Имъ сыровато. *(къ остальнымъ).* Вы останьтесь здѣсь.
Да позовите Варю. *(Малаша уходитъ).* Пусть посмотритъ.
Авось ее немного развлечетъ.

ПЕТРОВНА.

Тоскуетъ все.

МАРѲА.

Тоска ея понятна.
Не прыгать же въ разлукѣ съ женихомъ. *(входятъ* Варя *и* Малаша).

МАРѲА *(къ Варѣ).*

Ты посмотри, Варюша; тутъ не мало
Очамъ пріятнаго. Поразвлекись. *(уходитъ съ Петровной. Варя отходитъ къ окну).*

КСЕША (*къ Варѣ*).

Взгляни, боярышня, парча-то, диво!
Съ трудомъ поднимешь; а блеститъ-то какъ!

ЗОЯ.

А аксамитъ—какъ уголь раскаленный.
Въ такой-то шубкѣ, въ праздникъ, да пройтись
По улицѣ, — отъ зависти подохнутъ.
Хоть ленточку-бы въ косу.

МАЛАША (*у стола*).

Жди во снѣ. (*къ Варѣ*).

Ты на фату вѣнечную взгляни.
Вотъ заглядѣнье! Здѣсь и не видали
Еще такой.

ВАРЯ.

Охоты нѣтъ, Малаша.

МАЛАША.

Ты безъ охоты; такъ, глазкомъ взгляни.
Что все тоскуешь. Милостивъ Господь!
Къ чему до время горевать. Вернется —
И повѣнчаетесь. Когда тебѣ
Ее къ вѣнцу надѣнутъ, словно мѣсяцъ
За дымкой будешь. Подойди! взгляни!
Глазъ оторвать нельзя.

ВАРЯ.

Къ чему, Малаша?

МАЛАША.

Къ чему? Да такъ! Меня хоть не корми,
А наряжай. (*вынимаетъ фату изъ ящика*). Гляди! Какъ паутина
Съ росой на солнцѣ. (*подноситъ фату къ Варѣ*). Хороша?

ЗОЯ (*къ Малашѣ*).

Не тронь!
Не разорви.

МАЛАША.

Не разорву. Не бойся!

ВАРЯ (*смотря на фату*).

Да, хороша. Но милый далеко,
И безъ него ничто меня не тѣшитъ.

МАЛАША.

Ты погоди! Примѣримъ на тебѣ.
Не шевелись. (*надѣваетъ на Варю фату*). Нарядно. Полюбуйся!
Подай-ка, Ксешка, зеркальце! (*Ксеша подаетъ зеркальце съ стола; Малаша подноситъ его къ Варѣ*). Гляди!
Что? хороша? И какъ къ тебѣ пристало.
Кажись бы въ ней сидѣла цѣлый день
Я у окна и спать бы не ложилась.

ВАРЯ.

Когда-бы Лева былъ теперь со мной,
Отъ сердца-бы ему я улыбнулась,
И стало бы такъ радостно въ душѣ,

Что я ему пригожа. А теперь
Мнѣ все равно, во что не одѣваться,
И Божій свѣтъ мнѣ безъ него не милъ.
Моей косой всегда онъ любовался;
Въ моихъ очахъ отраду находилъ;
Моя рука въ его рукѣ дрожала,
А сердце билось радостно въ груди.
Съ надеждой сладкой скораго свиданья
И счастья близкаго разстались мы.
Но скрылся онъ,—и все во мнѣ померкло,
И лишь печаль томитъ въ разлукѣ съ нимъ.

КСЕНІА.

Представь, что онъ теперь передъ тобою,
Твой суженый.

ВАРЯ.

Представить не могу.

КСЕНІА.

А мнѣ легко! Едва глаза закрою—
И грезятся.

ЗОЯ.

Да кто-же?

КСЕНІА.

Женихи.

МАЛАША.

Медвѣди съ лѣсу.

КСЕНІА.

А твои съ погоста.

МАЛАША (*къ Варѣ*).

Пройдись къ столу. (*ведетъ Варю за руку*). Какъ въ сказкѣ королевна
Къ милу̀ дружку царевичу плыветъ.
Ты не снимай. Я аксамитъ прикину
Тебѣ на плѐчи. (*слышенъ кашель Петровны*). Старая корга!
Идетъ и пѣсню волчью напѣваетъ. (*входитъ* Петровна).

ПЕТРОВНА (*къ Варѣ*).

Примѣрила, боярышня? Нарядно.
Словно къ вѣнцу. Ты въ зеркальце взглянись.
Сама увидишь.

ВАРЯ.

Я въ него глядѣла.

ПЕТРОВНА.

Глядѣла, такъ и ладно! Погоди.
Я бережно сниму; не разорвать-бы. (*снимаетъ фату и укладываетъ въ ящикъ*).
Нести пора. (*къ Малашѣ, которая, взявъ кусокъ парчи, распустила его и прикидываетъ къ своему сарафану*).
Ты что тамъ натворила?

МАЛАША (*складывая парчу*).

Нечаянно спустился. Уложу.

ПЕТРОВНА.

Нечаянно. Нечаянно тебѣ
И ко́су я ощупаю, сорока!
Берите все; въ свѣтлицу отнесемъ
И, какъ указано боярыней, положимъ.

КСЕНІА (*подбѣгая къ окну*).

Никакъ гонецъ примчался. (*Варя, Зоя и Малаша подбѣгаютъ къ окну*).

ВАРЯ.

Опъ и есть!

МАЛАША.

Никита вершникъ.

ПЕТРОВНА.

Что вы тамъ толчетесь?

КСЕНІА.

Гонецъ пріѣхалъ.

ПЕТРОВНА.

Не къ тебѣ. Скорѣй
Несите все! (*всѣ, кромѣ Вари, уходятъ, унося вещи*).

ВАРЯ.

Гонецъ! гонецъ! Съ какой отъ нашихъ вѣстью
Онъ прискакалъ? Укроюсь я за дверь
И подожду, что̀ бабушкѣ онъ скажетъ. (*уходитъ*).

(*Изъ другихъ дверей входятъ* **Глѣбъ** *и* **Никита**).

ГЛѢБЪ.

Плохія вѣсти. Много пало?

НИКИТА.

Страсть!

ГЛѢБЪ.

Ты обожди. Сейчасъ оповѣщу.(*уходитъ*).

НИКИТА.

Едва стою. (*садится*). Скакалъ безъ передышки;
Да вѣсть-то не па радость имъ привезъ.
Упоренъ врагъ и сильно порѣдѣли
Новогородскіе полки. Не даромъ
Былъ на Хутынѣ въ полночь слышенъ звонъ,
И бурею почною заломило
Крестъ на Святой Софіи. (*входитъ* Глѣбъ).

ГЛѢБЪ.

Обожди.
Ушла куда-то; вслѣдъ за ней послали.
Сейчасъ вернется. Какъ же это такъ
Не устояли вы?

НИКИТА.

Господня воля!
Опъ покаралъ. Не вынало дождя
Съ весны ни капли. Жарко. Пообсохли
Вокругъ болота; отвердѣла зыбь.
Доступенъ путь. Московскіе обозы
Прошли легко. Да и со всѣхъ сторонъ
Нагнали войска; гдѣ-жъ его осилить.

ГЛѢБЪ.

Не надо-бы и начинать.

НИКИТА.

Не намъ
О томъ судить. Коль вѣче порѣшило—
Иди и умирай!

ГЛѢБЪ.

Оно, вѣстимо.
А что сиротъ останется и вдовъ.

НИКИТА.

Позачеркнѣютъ улицы. Надолго
Намъ будетъ памятенъ шелонскій бой.

ГЛѢБЪ (*прислушиваясь*)

Боярыня спѣшитъ изволитъ. (*входитъ* Марѳа. *Глѣбъ уходитъ*).

МАРѲА.

Кѣмъ
Ко мнѣ ты присланъ? Говори скорѣе!
Порадуй.

НИКИТА.

Не чѣмъ.

МАРѲА.

Съ боя ты?

НИКИТА.

Какъ есть!
И присланъ грамотку тебѣ доставить. (*подаетъ грамотку*).

МАРѲА.

Отъ Лукича! (*читаетъ*). «Насъ разгромили въ прахъ!
«Врагъ по пятамъ идетъ. Готовьтесь городъ
«Оборонять. Въ плѣну боярипъ Дмитрій.
«Ѳеодоръ живъ. Левонтій тяжко раненъ.
Убитыхъ тьма! Врагу открытый путь». (*опускаетъ руки*).
Въ плѣну мой сынъ. Мой внукъ въ когтяхъ у смерти;
Быть можетъ, кончилъ ужъ бороться съ ней.
Родная кровь мнѣ сердце взволновала,
И жалостью наполнилось оно.
Лишь дай ей выходъ, заполонитъ душу,
И твердость въ ней исчезнетъ безъ слѣда. (*кладетъ руку на сердце*).

Молчи! молчи! Когда одна останусь,
Тогда рыдай!—тебя я не сдержу. (*къ Никитѣ*).
Да какъ же вы боярина отъ плѣна
Не оградили? бросили его?

НИКИТА.

Врага сломивъ, у лѣса наскочили
Мы на татарскую засаду, и она,
Какъ вихремъ, смяла и погнала насъ.
Лишь въ ночь извѣстно стало, что боярипъ
Нашъ не убитъ, а въ плѣнъ попалъ.

МАРѲА.

Не стыдно?

Въ плѣну боярипъ, а ты живъ!

НИКИТА.

Отъ смерти
Я не бѣжалъ, и въ общей суматохѣ
Не вѣдали, гдѣ былъ боярпнъ нашъ.

МАРОА.

Левонтій живъ? (*Никита молчитъ*). Одна я! Говори
Мнѣ правду всю.

НИКИТА.

Онъ раненъ очень тяжкс.
На врядъ-ли выживетъ. Пробита грудь;
И крови много вышло. Тамъ, монахи,
Чѣмъ знаютъ, помогли, а только... трудно...
(*вбѣгаетъ* Варя).

ВАРЯ.

Онъ раненъ! раненъ! Бабушка родная!
Спаси его! (*бросается на грудь Марѳы и рыдаетъ*).

МАРѲА.

Откуда ты? Не плачь!
Не убивайся. Милостью Господней
Поправится. Увидитесь. Не плачь!

ВАРЯ (*къ Никитѣ*).

Гдѣ онъ теперь?

НИКИТА.

Въ монастырѣ Перынскомъ.
Сюда везти хотѣли, да нельзя.
Ужъ больно ослабѣлъ.

ВАРЯ (*къ Марѳѣ*).

Опъ недалѐко.
Къ нему поѣдемъ, бабушка, скорѣй!

МАРОА.

Нельзя.

ВАРЯ.

Поѣдемъ! Отчего нельзя?
Вернемся скоро; привеземъ съ собою.
Тебѣ нельзя — пусти меня одну.
Пусти! пусти! Умретъ онъ. Не увидимъ.
Не я приму его послѣдній вздохъ.
Не запрещай! (*ипустъ ей руки*).

МАРОА.

Поѣдемъ лучше вмѣстѣ.
Дастъ Богъ! домой живого привеземъ. (*къ Никитѣ*).
Вели запречь дорожную повозку
Четверкой. Живо! Да зови сюда
Скорѣе Глѣба. (*Никита уходитъ*).

ВАРЯ.

Бабушка родная!
Спасибо! ѣдемъ!

МАРѲА.

Соберн съ Петровной,
Что нужно раненымъ: бѣлья,
Настоя травъ, холста, да водки Гданской;
Одежды теплой.

ВАРЯ.

Соберемъ сейчасъ!
Сейчасъ! (*убѣгаетъ*).

МАРѲА.

На смерть, быть можетъ, ѣдемъ.
Надъ мертвымъ плакать. Охрани Господь.
Въ плѣну мой сынъ, отважный, храбрый Митя.
Что ждетъ его? Безжалостенъ Иванъ.
Тюрьма иль казнь, позоръ и униженье;
Искусенъ онъ глумиться надъ врагомъ.
Какъ сжалось сердце. Хочется рыдать.
Нельзя! нельзя! Я твердости примѣромъ
Служить должна. (*уходитъ Гльбъ*). Я отлучусь сейчасъ
Съ Варюшей вмѣстѣ; ночью возвращусь.
Гонцовъ ко мнѣ задерживать. Владыкѣ
Оповѣстн, что внука повидать,
Въ Перынскій монастырь отправилась.
Онъ тяжко раненъ; Дмитрій же въ плѣну.
Настало горе сердцу моему,
И Новгороду горе наступило. (*входятъ* Варя, *одѣтая по дорожному, и* Петровна *съ опашницей и шапкой*).

ВАРЯ.

Поѣдемъ, бабушка; готово!

МАРѲА (*надѣвая епанчицу и шапку*).

Ѣдемъ.
Подай Господь, живымъ его застать
И привезти сюда на поправленье.

Конецъ 2-го дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Трапезная изба въ Перынскомъ монастырѣ. Вечеръ. Изба освѣщена свѣтомъ лампады, невидной со сцены. Въ глубинѣ, недалеко отъ стѣны, на широкой лавкѣ съ изголовьемъ и тюфякомъ лежитъ раненый **Левонтій. Ларивонъ** и **Ратша** сидятъ у стола.

РАТША.

Плохія вѣсти. Смята наша рать.
Храбрѣйшіе убиты. Средь народа
Измѣна завелась. Намедни, ночью
Упàдышъ болѣе десятка пушекъ
Гвоздями заклепалъ въ Кремлѣ.

ЛАРИВОНЪ.

И Псковъ
Не съ нами нынче.

РАТША.

Измѣнилъ. Съ Москвою
Теперь дружитъ и съ нею ополчился.
Ни отъ кого подмоги намъ не ждать.

ЛАРИВОНЪ.

Смириться надо. Божье испытанье.

РАТША.

Оно смириться ничего бы, только
Московскій князь ужъ больно запустить
Глубоко лапу хочетъ. Въ кабалу
Забрать насъ лезетъ, и свои порядки
Въ нашь обиходъ всучить намъ норовитъ.
А обиходъ московскій, знаешь самъ,
Не по душѣ намъ.

ЛАРИВОНЪ.

Княжая десница
Тяжеловата.

РАТША.

Ею многихъ онъ
Къ землѣ пригнулъ и съ нами тоже хочетъ
Теперь продѣлать.

ЛАРИВОНЪ.

Милостивъ Господь.
Премудрая Софія не допуститъ
Погибель нашу. Охранитъ. Гнѣвимъ
Мы сами Господа не мало.

РАТША.

Знамо,
Все по грѣхамъ. (*помолчавъ*). Того гляди, нагрянутъ
И къ вамъ враги. Надежнѣе бы въ городъ
Боярина отправить поскорѣй.

ЛАРИВОНЪ.

Ослабъ совсѣмъ; не выживетъ въ пути.
Пластомъ лежитъ; какъ мѣхъ кузнечный дышетъ
И все въ бреду.

РАТША.

Спаси его Господь.
Какъ сына жаль! И ласковый, и добрый.
А билъ врага всѣмъ остальнымъ въ примѣръ.
Кручинится, поди, по немъ не мало
Его невѣста. Счастье ждало ихъ.
А тутъ стряслось... И у меня осталась
Жена съ ребятами. Я попрошу
Послать меня гонцомъ; ужъ то-то баба
Моя обрадуется.

ЛАРИВОНЪ.

Приведетъ Господь,
И свидитесь. Въ міру, извѣстно дѣло,
Все къ бабѣ тянетъ.

РАТША.

Да не къ ней одной.
И къ дѣтямъ малымъ.

ЛАРИВОНЪ.

Вѣдомо, въ семьѣ,
Какъ на рукахъ персты, равно всѣ милы.
И у меня была когда-то.

РАТША.

Живы?

ЛАРИВОНЪ.

Нѣтъ никого. Скосила злая смерть
Однимъ размахомъ. Сгибли въ черной оспѣ.
Досель вспомнить тяжко, хоть прошло
Годовъ не мало.

РАТША.

Упаси насъ, грѣшныхъ.
Отъ этой немочи татарской, злой. (*Левонтій бредитъ*).

ЛАРИВОНЪ (*подходитъ къ Левонтію*).

Опять забредилъ. Весь горитъ. Приходитъ
Его кончина. Жаль такого парня!
Здоровъ и молодъ. Въ силѣ и красѣ
Пошелъ на битву; а теперь — лежитъ,
Въ забвеньи умъ, и смерти не минуетъ.

ЛЕВОНТІЙ (*въ бреду*).

Голубка... Варя... подойди. Не бойся.
Поближе... ближе!

ЛАРИВОНЪ.

Все ее зоветъ,
Невѣсту. Нѣтъ, ужъ съ ней теперь
Не поживешь на свѣтѣ.

ЛЕВОНТІЙ (*въ бреду*).

Душно!.. пить!

ЛАРИВОНЪ (*черпаетъ ложкой воду изъ ведра и подноситъ къ губамъ Левонтія*).

Возьми, испей! авось полегче станетъ.

ЛЕВОНТІЙ (*въ бреду*).

Зови ее!.. зачѣмъ она ушла?
Впусти!.. впусти!.. ко мнѣ ее ведите. (*входитъ* Григорій).

ГРИГОРІЙ.

Чего онъ проситъ?

ЛАРИВОНЪ.

Такъ, въ бреду зоветъ
Свою невѣсту.

ГРИГОРІЙ.

Далъ бы намъ Господь
Его скорѣе въ Новгородъ отправить.
Тамъ поспокойнѣй будетъ. Здѣсь врага
Недолго ждать. Какъ хищный звѣрь пагрянетъ,
И въ ярости побѣдной никого
Не пощадитъ.

РАТША.

Боярина не бросимъ.
Живымъ иль мертвымъ увеземъ съ собой.

ГРИГОРІЙ.

Не выдержитъ. Послалъ къ Никандру я
На пасѣку. Живетъ въ пустынькѣ старецъ —
И жизнью святъ, спасается въ тиши.
Онъ знаетъ травъ цѣлительную силу.
Пришлетъ съ наказомъ; сдѣлаемъ отваръ
И попоимъ. Дастъ Богъ, и полегчаетъ.

РАТША.

Далекій путь?

ГРИГОРІЙ.

Не близкій.

РАТША.

Нынѣ сухо;
Такъ на прямикъ не долго доскакать.

ГРИГОРІЙ.

Коню туда заказаны пути.
И пѣшій-то сквозь чащу вѣковую
Съ трудомъ пройдетъ.

ЛЕВОНТІЙ (*въ бреду*).

Оставьте... не гоните.
Варюша!.. Варя! Гдѣ ты? (*очнувшись, приподнимается и оглядывается*). Это мнѣ
Во снѣ все грезилось. Да гдѣ-же я?
Какъ я попалъ сюда? скажите!

РАТША.

Ты раненъ былъ. Тебя съ трудомъ изъ боя
Мы вывезли и помѣстили здѣсь,
Въ монастырѣ Перынскомъ.

ЛЕВОНТІЙ.

Кто ты?

РАТША.

Ратша.
Съ тобой, бояринъ, рядомъ на врага
Мы налетѣли.

ЛЕВОНТІЙ.

Помню... какъ же... помню.
Мы дружно бились, а потомъ... потомъ... *(закашливается)*.

ГРИГОРІЙ.

Не говори, молчи. Негоже это
Тебѣ теперь.

ЛЕВОНТІЙ *(хватаясь за грудь)*.

Да, тяжело... горитъ
Вотъ здѣсь, въ груди, и какъ могильнымъ камнемъ
Придавлена она. Не повѣщайте
Объ этомъ Варю. Пусть она, голубка,
Не сокрушается. Поправлюсь я.
Поправлюсь? да?

ГРИГОРІЙ.

Молися. Нѣтъ предѣла
Господней милости.

ЛЕВОНТІЙ.

Молюсь! молюсь!..
Я жить хочу! Я вымолю у Бога
Ее на радость и на счастье намъ.
Мнѣ жизнь краснà... я съ Варей дорогою...
Охъ!.. тяжко!.. жжетъ!.. (*кашляетъ и опускается на постель*).

ЛАРИВОНЪ.

Ты не тревожь себя.
Лежи спокойно.

ЛЕВОНТІЙ.

Тяжело, отецъ!
Такъ давитъ... душитъ. Слушайте, пошлите
Сейчасъ за ней! Хочу ее я видѣть!
Хочу, предъ смертью... чую, что близка
Она ко мнѣ. Пошлите поскорѣе.

ГРИГОРІЙ.

Послали мы. Ты только не волнуйся.
Тебѣ спокой необходимъ. Лежи.

ЛЕВОНТІЙ.

Спасибо! Подожду я. Успокоитъ
Она меня, голубка! Образокъ

Сама надѣла на дорогу. Вотъ онъ!
Завѣтный. Варя, милая моя!
Я подожду... приди... (*затихаетъ*).

ГРИГОРІЙ.

Дастъ Господь, заснетъ —
И жаръ спадетъ, и рана облегчится. (*входитъ* послушникъ).

ПОСЛУШНИКЪ.

Посадница Борецкая сейчасъ
Изъ города изволила пріѣхать.
Идетъ сюда. (*входятъ* Марѳа *и* Варя. *Послушникъ уходитъ*).

ВАРЯ.

Гдѣ Левушка? (*бросается къ Левонтію*). Голубчикъ!
Родной ты мой!

ЛЕВОНТІЙ.

Варюша, это ты! (*приподнимается*).

ВАРЯ.

Я! я, родной! Лежи, не поднимайся. (*тихо плачетъ*).

ЛЕВОНТІЙ.

Израненъ весь. Теперь поправлюсь скоро.
Теперь, съ тобой, и смерть мнѣ не страшна.
Пришла, родная! Сердце указало
Ко мнѣ дорогу. Милая, не плачь.
Не отходи!

ВАРЯ.

Не отойду, голубчикъ!
Теперь меня съ тобой не разлучатъ.
Прилягъ, родной! Не утруждай себя.
Я посижу возлѣ тебя тихонько.
Не говори; потомъ поговоримъ.
Лягъ; успокойся. (*Марѳа подходитъ къ Левонтію*).

ЛЕВОНТІЙ (*къ Варѣ*).

Не отходи... спасибо... успокоюсь. (*замѣтивъ Марѳу*).
И ты здѣсь, бабушка?!.. Мнѣ съ вами хорошо.
Поправлюсь я. (*затихаетъ*).

МАРѲА (*отойдя, къ Григорію*).

Опъ очень плохъ, отецъ?

ГРИГОРІЙ.

Господня воля. Больно глубоко
Вонзился мечъ, дыханіе попортилъ,
И крови много вышло. Не легко
Поправиться. А все имѣть надежду
На милость Божью надо.

МАРѲА.

На нее
Я и надѣюсь.

ЛЕВОНТІЙ.

Варя дорогая.
Ты здѣсь... со мной. О счастье! Больно!.. душитъ!..
Въ глазахъ темно... снимите... (*дѣлаетъ движеніе рукою, какъ бы снимая повязку съ глазъ*).

ВАРЯ.

Что, голубчикъ?

ГРИГОРІЙ (*къ Ларивону*).

Подай ручникъ; смочи его скорѣе.
Пробилась кровь. (*Ларивонъ смачиваетъ ручникъ и подаетъ Григорію, который прикладываетъ его къ ранѣ Левонтія*).

ЛЕВОНТІЙ.

Варюша, гдѣ ты?.. ближе!
Не отходи.

ВАРЯ.

Я здѣсь, родной, съ тобой.
Возлѣ тебя. Взгляни.

ЛЕВОНТІЙ.

Не вижу... ближе!
Дай руку мнѣ... головка гдѣ твоя? (*Варя беретъ его руку и кладетъ себѣ на голову*).
Вотъ здѣсь... спасибо... Душно!.. Варя!.. Варя!
Я умираю... Бабушка, ты здѣсь?
Благослови, родная, насъ на вѣки.
Прощай!.. прощайте!.. Варя!.. гдѣ ты?.. гдѣ?.. (*умираетъ*).

ГРИГОРІЙ.

Скончался.

ВАРЯ (*падая на грудь Левонтія*).

Лева! Левушка, голубчикъ!
Очнись! очнись! не умеръ ты, родной. (*рыдаетъ*).

МАРѲА.

Пускай поплачетъ, легче станетъ ей. (*подходитъ съ другой стороны къ Левонтію, цьлуетъ его въ лобъ, опускается на колѣни и склоняетъ голову на подушку; затѣмъ встаетъ*).

МАРѲА.

Убили!.. молодого! Отрываютъ
Отъ сердца моего моихъ дѣтей,
Какъ осень листья. Спи, родной! Ты славной,
Завидной смертью умеръ, и тебя
Богъ не отринетъ.

ГРИГОРІЙ.

Въ Царствіи Своемъ
Его Господь на вѣки успокоитъ. (*вбѣгаетъ* **Никита**).

НИКИТА.

Сейчасъ гонецъ изъ Ракомы примчался.
Идетъ сюда путемъ береговымъ
Московской силы рать передовая.

МАРѲА (*къ Григорію*).

Вели скорѣе снарядить повозку.
Мы не оставимъ мертваго врагу.

ГРИГОРІЙ (*къ Ларивону*).

Распорядись. (*Ларивонъ уходитъ*).
Сейчасъ готова будетъ.
Успѣете доѣхать безъ бѣды.

МАРѲА.

Бѣги и ты подъ сѣнь Святой Софіи.
Она укроетъ.

ГРИГОРІЙ.

Некуда бѣжать.
Какъ войско стягъ — мы храма не покинемъ.
Гдѣ молимся, оттуда не уйдемъ.

МАРѲА.

Но васъ убьютъ!

ГРИГОРІЙ.

Блаженная кончина.

МАРѲА.

Замучаютъ.

ГРИГОРІЙ.

И милостивъ Господь,
Коль пострадать предъ смертью удостоитъ.
Мы Божья рать! у насъ оружье — крестъ!
И по стопамъ Господняго завѣта
Мы примемъ смерть, молясь за враговъ.

МАРѲА.

Блаженный путь; но мой — иное дѣло!
Передъ врагомъ смириться не могу.
Хоть баба я! но духъ во мнѣ не женскій,
И не проститъ обиды никому.
Народное я дѣло подняла
Себѣ на плечи; и хоть тяжко сердцу,

И стоны грудь заполнили мою —
Я всѣмъ пожертвую! но не покину
Борьбы съ Москвой коварной никогда! (*входитъ* Ларивонъ).

ЛАРИВОНЪ.

Готово все, боярыня.

МАРѲА (*къ Никитѣ*).

Вели
Нести усопшаго. (*подходитъ къ Варѣ*). Идемъ за нимъ,
Варюша.

ВАРЯ.

Оставь насъ здѣсь! Пускай меня убьютъ,
И похоронятъ вмѣстѣ. (*Никита отворяетъ дверь. Входятъ два вершника и два послушника*)

МАРѲА.

Уносите. (*пришедшіе уносятъ лавку съ Левонтіемъ*).

МАРѲА (*къ Варѣ*).

Идемъ, Варвара! Новгородъ Великій
За смерть и плѣнъ сторицей отомститъ. (*беретъ Варю за руку и уводитъ*).

ГРИГОРІЙ.

Иди и мсти. А мы безъ противленья
Готовы днесь предъ Господомъ предстать.

Конецъ 3-го дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Вѣчевая изба на Ярославовомъ Дворищѣ. Въ глубинѣ широкій выходъ въ нижній ярусъ вѣчевой башни. Утро.

Мареа, Коробъ, Ѳеофилактъ, Лука Федоровъ, Максимовъ Овинъ, Никифоровъ, Козьминъ, Репеховъ и еще нѣсколько бояръ новгородскихъ.

ФЕДОРОВЪ.

Опять послы. Что онъ еще надумалъ?

МАРѲА.

Надумалъ-то одно; да съ чѣмъ подходитъ,
Желательно узнать.

КОРОБЪ.

Не подавали
Мы повода.

ѲЕОФИЛАКТЪ.

Найдется у него
Всегда ихъ вдоволь.

МАРѲА.

Коли съѣсть овцу
Захочетъ волкъ, такъ поводъ у него
Одинъ, да вѣскій: ѣсть хочу — и все!

МАКСИМОВЪ.

Подавится.

КОЗЬМИНЪ.

Пасть больно велика́,
Да и утроба щучья.

ѲЕОФИЛАКТЪ.

Ненасытна.

КОРОБЪ.

Изъ нашихъ кто опять не наклепалъ-ли?
Повадился съ ябедой въ Москву
Таскаться зря; а онъ ихъ разбираетъ,
И радъ свой носъ въ нашъ обиходъ совать
Совсѣмъ мѣняется былой порядокъ.

ФЕДОРОВЪ.

Захарка тамъ; не онъ-ли намутилъ?

МАКСИМОВЪ.

Ну, коли онъ! такъ смерти не минуетъ;
У Волхова на днѣ ее найдетъ.

КОРОБЪ.

Ужъ не узналъ-ли...

МАРѲА (*перебивая*).

Воздержись, посадникъ!
Не думай вслухъ; что̀ тамъ ему узнать?

НИКИФОРОВЪ.

А развѣ было что?

КОРОБЪ (*растерянно*).

Нѣтъ, я хотѣлъ...
Я думалъ... такъ, пустое... небылица.
Оклеветать недолго.

ОВИНЪ (*къ Коробу*).

Ты пословъ
Прими поласковѣе.

МАРѲА (*къ Овину*).

Ты, бояринъ,
Ихъ чмокни въ ручку, въ ножки поклонись.
Авось тебя погладятъ по головкѣ;
Сосулечку медвяную дадутъ.

ОВИНЪ.

Ты не труни. Добиться лаской можно
Вѣрнѣе спѣси.

МАКСИМОВЪ.

Ласка ихъ одна:
Надѣть ошейникъ, на̀ цѣпь привязать,
Да ѣсть давать порѣже. Отощаютъ —
И покорятся.

ПИКИФОРОВЪ.

Все-таки послы
Всегда вліяютъ.

МАРОА.

Только не въ Москвѣ.
Тамъ, что̀ задумано Иваномъ, имъ
И совершится. А послы предъ нимъ,
Какъ псы передъ арапникомъ, не смѣютъ
И тявкнуть громко.

ОВИНЪ.

Мы еще не знаемъ,
Что̀ сообщатъ.

МАКСИМОВЪ.

Тебѣ оно, пожалуй,
Извѣстно.

ОВИНЪ.

Я тутъ ни при чемъ.

МАКСИМОВЪ.

Должно быть,
Какъ сажа чистъ. Хоть ты хитеръ, бояринъ!
А скрыть всего нельзя.

ОВИНЪ.

Я не таюсь.
Что̀ думаю, то въ слухъ и говорю.
Чего коришь?

ФЕДОРОВЪ.

А вотъ сейчасъ узнаемъ,
Съ какою лаской къ намъ они теперь
Пожаловали. (*входитъ* вѣчевой подъячій).

ПОДЪЯЧІЙ.

Прибыли послы.
Впустить?

КОРОБЪ.

Впусти. (*подъячій уходитъ*).

МАРѲА.

Осиное гнѣздо!
Послушаемъ, какой подвохъ объявятъ.

входятъ: Давидовичъ, Борисовичъ, Далматовъ, *за ними* вѣчевой подъячій).

ДАВИДОВИЧЪ.

Поклонъ всему владычному собранью.

(*Послы кланяются. Всѣ, кромѣ Короба, кланяются имъ въ отвѣтъ*).

ДАВИДОВИЧЪ.

Поклонъ тебѣ, посадникъ! (*послы кланяются Коробу*).

КОРОБЪ (*кланяется*).

Пріимите
И мой поклонъ, почтенные послы.
Вчера мы васъ съ почетомъ принимали
Въ покояхъ у владыки; а теперь
Прошу тебя, повѣдай намъ, бояринъ,

Съ какою вѣстью въ Новгородъ посломъ
Тебя прислалъ великій князь московскій
И господинъ нашъ, чтобъ могли мы вѣчу
Его желанья точно передать.

ДАВИДОВИЧЪ.

Вашъ дьякъ Захаръ съ Назаріемъ подвойскимъ
Явился послами отъ владыки
И Новгорода предъ великимъ княземъ;
И въ челобитьи, поданномъ отъ васъ,
Они его назвали государемъ,
Не господиномъ, вашимъ, какъ доселѣ
Именовался онъ. И повелѣлъ
Великій князь провѣрить просьбу вашу.
Хотите-ли вы присягнуть ему,
Какъ полному властителю, и вѣча
Ужъ не имѣть, и Ярославовъ дворъ
Ему отдать?

ВСѢ (*кромѣ Никифорова, Овина и двухъ бояръ*).

Не посылали мы
Пословъ въ Москву!

ОЕОФИЛАКТЪ.

Облыжно дьякъ Захарій
Явился къ князю.

ФЕДОРОВЪ.

Государить къ намъ
Его не звали мы; сумѣемъ сами
Собой управиться.

МАКСИМОВЪ.

Мы не Можайскъ!

ДАВИДОВИЧЪ.

Захарій — дьякъ вашъ вѣчевой. Не смѣлъ же
Явиться съ ложью онъ.

КОРОБЪ.

Не посылалъ
Его никто! Съ ума, должно быть, спятилъ,
Съ Назаромъ вмѣстѣ.

БОРИСОВИЧЪ.

Спятилъ или нѣтъ —
А ждетъ отъ васъ великій князь отвѣта.

МАКСИМОВЪ.

Какой отвѣтъ? Отъ вѣка городъ нашъ
Самъ государемъ былъ себѣ, и вѣча
Мы не избудемъ.

КОРОБЪ.

Съ давнихъ поръ своимъ
Живетъ порядкомъ Новгородъ, иного
Не надо намъ.

ДАВИДОВИЧЪ.

Обдумайте сперва.
Аль позабыли ужъ разгромъ шелонскій
И милость княжью?

МАРѲА.

Не забыли, нѣтъ,—
Его суда! Безъ всякаго разбора
Казнилъ опъ сына Дмитрія и съ нимъ
Посадниковъ знатнѣйшихъ; въ заточеньи
Мой сынъ послѣдній въ Муромѣ сидитъ,
И съ нимъ бояръ не мало новгородскихъ.
Вотъ его судъ! А милость?! Помнимъ мы,
Какъ ты, боярин, вмѣстѣ съ княземъ Холмскимъ,
На Коростынѣ плѣнным отрѣзалъ
Носы и губы, посылая ихъ
Намъ показаться.

ДАВИДОВИЧЪ.

Мнѣ негожо здѣсь
Съ тобою спорить. На Москвѣ у насъ
Не допускаютъ бабъ въ дѣла такія
Совать свой носъ.

МАРѲА.

Татарскій обиходъ
Вамъ любъ во всемъ. У насъ же, слава Богу,
Иной обычай: чтутъ жену и мать,
И ихъ совѣтовъ слушаютъ.

ДАЛМАТОВЪ.

О дѣтяхъ
Томишься ты, и твой отвѣтъ не мудрость,
А сердце матери рѣчетъ.

МАРѲА.

Я мать
Моихъ дѣтей; скорблю о нихъ глубоко;
Но участь Новгорода выше для меня
Семьи и жизни. За него, родного,
Мы постоимъ! и здѣсь иныхъ рѣчей
Тебѣ, послу, услышать не придется.

ДАВИДОВИЧЪ.

Здѣсь нѣтъ владыки

ѲЕОФИЛАКТЪ.

Заседужилъ онъ.
Но его голосъ съ нами не различенъ.
Что вѣче порѣшитъ, на то и дастъ
Благословенье пастырь новгородскій.

ДАВИДОВИЧЪ.

Обдумайте. Не паводите гнѣва
Вы государя вашего.

МАКСИМОВЪ.

Не смѣй
Такъ величать его теперь предъ нами!
На то согласье не дано тебѣ.

ѲЕОФИЛАКТЪ.

На Коростынѣ клятвой договоръ
Былъ утвержденъ московскимъ княземъ съ нами.

Пусть и блюдетъ его, какъ честно мы
Его блюдемъ. Чего же еще нужно
Ему отъ насъ?

БОРИСОВИЧЪ.

На Коростынѣ вы
Клялись съ Литвой въ сношенья не вступаться.
А между тѣмъ...

МАКСИМОВЪ (*перебивая*).

Что между тѣмъ?

ДАВИДОВИЧЪ.

Опять
Съ Литвою сноситесь.

ФЕДОРОВЪ.

Откуда это
Тебѣ извѣстно?

ДАВИДОВИЧЪ.

Стало быть, извѣстно,
Коль рѣчь ведемъ.

МАРѲА.

Не худо бы иное
Отъ Казиміра перенять Москвѣ.

ДАВИДОВИЧЪ.

Нашъ государь отъ Бога лишь пріемлетъ
Своей душѣ внушенья и въ примѣрахъ
Нужды не имѣтъ. Я вамъ молвилъ все,

Что приказалъ онъ мнѣ; теперь отвѣта
Мы будемъ ждать отъ вѣча.

КОРОВЪ.

Созовемъ —

И выслушаемъ.

ОВЧИНЪ (*къ Давидовичу*).

Попрошу тебя
Съ твоей охраной изъ Кремля сегодня
Не отлучаться.

ДАВИДОВИЧЪ.

Почему?

ОВЧИНЪ.

Да такъ.
Тамъ безопаснѣй будетъ. Какъ узнаютъ
На вѣче вѣсть твою, спаси Господь!

НИКИФОРОВЪ.

Оберегись. Мы за тебя въ отвѣтѣ.

ДАВИДОВИЧЪ.

Я государя нашего посолъ,
И вѣча мнѣ бояться не пристало.
Я буду ждать. Что́ вѣче порѣшитъ,
Съ тѣмъ и уѣду. Да подастъ Господь
Вамъ мудрое рѣшенье. Не накличьте
Бѣды вы новой. Страшенъ княжій гнѣвъ —
И безпощаденъ къ смутамъ и измѣнѣ.

(*кланяется и уходитъ съ Борисовичемъ и Далматовымъ*).

ФЕДОРОВЪ (*къ Коробу*).

Сзывать на вѣче?

КОРОБЪ.

Погоди. Успѣемъ.
Обдумать надо. Страшная гроза
Идетъ съ Москвы; опять чревата кровью.
Грозитъ свободѣ нашей. Обсудить
Не лишнее сначала между нами.

МАРОА.

Чего намъ ждать? Теперь—иль никогда!
Неужели намъ уступить Ивану,
И сдѣлаться холопами Москвы?

НИКИФОРОВЪ.

Зачѣмъ холопами? уступимъ малость.
Ну, государемъ станемъ признавать.
Не въ словѣ дѣло. Пусть его!

ФЕДОРОВЪ.

А вѣче?
Что-жъ, и его лишиться?

НИКИФОРОВЪ.

Нѣтъ, зачѣмъ?
Уступитъ онъ. Намѣстникъ будетъ править,
А вѣче...

МАКСИМОВЪ.

Въ праздникъ хороводъ водить.

ОВИНЪ.

И вѣче тоже вѣдь о двухъ концахъ;
И съ нимъ хлопотъ случается не мало.

ѲЕОФИЛАКТЪ (*къ Овину*).

Ты что-же, видно, хочешь отрещись
Отъ всѣхъ порядковъ нашихъ?

МАКСИМОВЪ (*къ Овину*).

Ты за сколько
Москвѣ ихъ продалъ?

ОВИНЪ.

Я? Москвѣ? А ты
Что съ Казиміра взялъ?

МАКСИМОВЪ.

Меня ты смѣешь
Подозрѣвать въ измѣнѣ?

ОВИНЪ.

Отчего-жъ
Тебя нельзя, а насъ возможно?

НИКИФОРОВЪ.

Правда.
Коль мы съ тобою въ словѣ не сошлись,
Такъ и продавцы.

КОЗЬМИНЪ.

Знаемъ васъ давно.

МАКСИМОВЪ.

Предатели!

ОВИНЪ.

Отступники! Къ папежству
Тяпуть хотите.

ФЕДОРОВЪ.

Видно, князь Иванъ
Вамъ по душѣ приходится холопской.

МАКСИМОВЪ.

На цѣпь хотятъ! Ихъ шея по ярму
Соскучилася. Въ Волховъ ихъ, злодѣевъ!

НИКИФОРОВЪ.

Литвы друзья!

ОВИНЪ.

Христопродавцы! Волки!

МАКСИМОВЪ.

Московскіе собаки! *(вмѣстѣ).*

ФЕДОРОВЪ.

Зайцы!

КОЗЬМИНЪ.

Трусы!

МАКСИМОВЪ.

Я покажу тебѣ христопродавца!
Почувствуешь! *(лезетъ съ кулаками на Овина. Овинъ, Никифоровъ и два боярина приготовляются къ защитѣ. Федоровъ и Козьминъ засучиваютъ рукава).*

МАРОА *(становясь между Максимовымъ и Овиномъ).*

Довольно вамъ! Чего распѣтушились?
Не на кулачный бой собрàлись. Бросьте!

МАКСИМОВЪ.

Не смѣетъ онъ...

МАРОА *(перебивая).*

Оставь! Молчи! Успѣешь
Свое съ нихъ взять. Коль Новгородъ великій
Имъ опостылѣлъ, пусть идутъ въ Москву
Съ измѣнникомъ Захаромъ; мы не держимъ.
Но вѣча мы Москвѣ не отдадимъ
И Ярославова дворища не уступимъ. *(къ Коробу).*
Сзывай! пора!

НИКИФОРОВЪ.

Ой, не спѣшите! Лучше
Промежь себя обдумать. Соберемъ
Къ владыкѣ старостъ отъ концовъ и улицъ.
Съ боярами и съ ними, не спѣша,
Обсудимъ дѣло, и тогда ужъ вѣчу
Его объявимъ.

КОРОБЪ.

Да, пожалуй такъ
Разумнѣй будетъ. Можетъ быть, удастся,
Не разгнѣвивъ Ивана, отстоять
Порядки наши.

МАРѲА (*къ Коробу*).

Одряхлѣлъ ты, Яковъ!
И козней ихъ тебѣ ужъ не понять.
Иль ты не чуешь, что хотятъ они
Посѣять рознь; дать время разгорѣться
Ей, окаянной, чтобы облегчить
Ивану петлю половчѣй закинуть
На городъ нашъ. Не медли-же! Вели
Сзывать на вѣче. Дорогъ каждый часъ!
Пошлемъ гонцовъ за помощью въ Литву,
И встанемъ всѣ за Новгородъ Великій
И вѣче наше!

НИКИФОРОВЪ.

Сгибнемъ мы.

МАРѲА.

Пусть сгибнемъ!
Не имутъ срама мертвые. Тогда
Идите въ кабалу къ кому хотите
Вы, перемѣтчики! (*къ Коробу*). Сзывай сейчасъ!
Вели звонить!

КОРОБЪ.

Пообождемъ до завтра.
Посовѣщаемся и впрямь.

МАРѲА (*къ Коробу*).

Смутился? (*къ остальнымъ*).

Боитесь?!

НИКИФОРОВЪ.

Какъ же не бояться намъ.

МАРѲА (*къ Коробу*).

Созывай, посадникъ! (*Коробъ молчитъ*). Медлишь? (*Коробъ молчитъ*). Такъ примѣръ
Вамъ явитъ баба. Пусть народъ разсудитъ,
Что̀ дѣлать нужно. Тамъ богатства нѣтъ!
Въ его душѣ корысть не пересилитъ
Любовь къ родному городу, и пусть
Его рѣшенье будетъ намъ указомъ
И волею! (*идетъ къ башнѣ; Никифоровъ и Овинъ загораждаютъ ей путь*).

НИКИФОРОВЪ.

Остановись! Что хочешь
Ты совершить?

ОВИНЪ.

Стой!

МАРѲА (*отталкивая обоихъ*).

Прочь съ дороги, волки!
Сейчасъ услышите. (*идетъ въ башню, отвязываетъ колокольную веревку и начинаетъ звонить. Звонъ постепенно подхватывается городскими колокольнями*).

ОВИНЪ.

Не дозволяйте ей!

Безумная!

МАКСИМОВЪ.

Свободная душа!
Съ ней Новгородъ Ивану не поддастся.

(*Къ Марѳѣ подбѣгаетъ вѣчевой звонарь. Она передаетъ ему веревку и возвращается въ избу. Звонарь продолжаетъ звонить*).

МАРѲА.

Я начала — теперь чередъ за вами.
Повѣдайте, что̀ требуетъ Иванъ;
И Новгородъ отвѣтъ произнесетъ
Его достойный. (*слышенъ гулъ собирающагося народа*).

НИКИФОРОВЪ.

Что̀ ты натворила?!
Грозитъ намъ гибель! страшная война!
Погромъ извнѣ, хищеніе внутри.

МАРѲА (*указывая на башню*).

Ступай туда! — и тамъ поговори.

Конецъ 4-го дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Картина 1-ая.

Пріемная палата въ домѣ московскаго намѣстника на Городищѣ. Справа, на невысокомъ подножьи, походный тронъ Іоанна III, въ ногахъ подушка. По стѣнамъ лавки, крытыя краснымъ сукномъ. День.

(Захаръ и Далматовъ).

ДАЛМАТОВЪ.

Поди отъ вѣча тутъ тебѣ не мало
Перепадало?

ЗАХАРЪ.

Было кое-что.
Въ послѣдніе же годы умалилось;
Да и семья-то стала велика.

ДАЛМАТОВЪ.

Ты что-же, здѣсь къ намѣстнику поступишь.
Али въ Москву?

ЗАХАРЪ.

Хотѣлось-бы въ Москву.
Мнѣ въ Новгородѣ жутко будетъ. Буйный
У насъ народъ. Припомнятъ къ государю
Мое усердье — и съ семьей прикончатъ.
Въ Москвѣ спокойнѣй.

ДАЛМАТОВЪ.

Такъ. Но мой совѣтъ
Тебѣ въ Москвѣ не оставаться. Лучше
Проспсь въ Рязань, иль въ Тверь.

ЗАХАРЪ.

Зачѣмъ?

ДАЛМАТОВЪ.

Да такъ.
И безъ тебя въ Москвѣ дьяковъ довольно.
Помѣхой станешь. Парень дошлый ты.
И государь тебя ужъ отличаетъ.

ЗАХАРЪ.

Я для Москвы чужакъ и тяжело
Служить тамъ будетъ съ вами безъ поддержки.
Хотѣлъ просить, Василій Савостьянычъ,
Я заступленья твоего. Съ тобой
Иное дѣло! Ты меня поддержишь;
А я тебѣ, въ чемъ надо, помогу —
И побредемъ, держася обоюдно,
По лѣсенкѣ житейской.

ДАЛМАТОВЪ.

Я, того,
Не прочь, Захаръ Иванычъ; только точно-ль
Мы подъ руку пойдемъ? Опередить
Меня, пожалуй, случаемъ захочешь.

ЗАХАРЪ.

Зачѣмъ опередить? Пойду я слѣдомъ,
За твой кафтанъ дорогою держась.
Какъ уточка за матерью.

ДАЛМАТОВЪ.

И слѣдомъ
Ногой пинька такого можно дать,
Что и не встанешь.

ЗАХАРЪ.

Отъ меня не жди.
Тебѣ ноги я подставлять не стану,
Въ твои колеса палки не вверну;
Найдемъ чѣмъ жить, другъ другу помогая.
Повѣрь ты мнѣ! не шутки говорю.

ДАЛМАТОВЪ.

Да измѣнилъ же.

ЗАХАРЪ.

То иное дѣло!
Вѣдь Новгородъ свою кончину ждетъ.
Кто поумнѣй, смекнули и напрасно
Противъ рожна не захотѣли прать.

Куда какъ мудръ въ своей охотѣ царской
Нашъ государь. Онъ Новгородъ заставилъ
Лѣзть на рогатину. Вонзилъ ее —
И пошевеливаетъ; а медвѣдь
Реветъ, да лѣзетъ, кровью обливаясь,
Пока не сдохнетъ. Такъ ужъ тутъ зѣвать
Не времячко. И надо государю
Такъ порадѣть, чтобъ видѣлъ ясно онъ,
Что у меня съ былымъ нѣтъ больше связи, —
Ни жалости, ни памяти о немъ.
Отрѣзано! и всѣ его враги
Моими тоже сдѣлались отнынѣ.

ДАЛМАТОВЪ.

Разсудочекъ.

ЗАХАРЪ.

Тебѣ я предлагаю
Идти въ согласьи; а не хочешь, что-жъ!
Сойдусь съ другимъ. Ты не одинъ у князя.
Хоть съ Курицынымъ, напримѣръ.

ДАЛМАТОВЪ.

Зачѣмъ!
Сойдись со мной.

ЗАХАРЪ (*протягивая руку*).

Такъ по рукамъ?

ДАЛМАТОВЪ (*протягивая руку*).

Пожалуй.
Я помогу тебѣ; а ты меня
Не продавай, смотри!

ЗАХАРЪ.

Мы не торговцы.
Да и продать тебя-то не расчетъ.
Продешевишь.

ДАЛМАТОВЪ.

И самъ себя погубишь.
Вѣдь у меня вкругъ князя-то лѣса
Кольцомъ поставлены; давно стараюсь,
И ничего — плетуся кое-какъ.
Живу — не плачу.

ЗАХАРЪ.

Какъ тебѣ не жить.
Въ большомъ почетѣ ты у государя.
Столпомъ стоишь.

ДАЛМАТОВЪ.

За столпъ ты и держись.
Не свалишься. (*входитъ* стольникъ).

СТОЛЬНИКЪ.

Василій Савостьянычъ,
Послы пріѣхали.

ДАЛМАТОВЪ.

Сейчасъ скажу
Боярину. Введи ихъ въ повалушу. (*уходитъ съ стольникомъ*).

ЗАХАРЪ.

Кажись, уладилъ дѣло. Онъ суровъ,
За то надеженъ. Курицынъ же косо

Посматриваетъ на меня. Авось,
Отъ государя намъ вдвоемъ удастся
Его тихонько оттереть, тогда
И съ этимъ я ужъ какъ нибудь управлюсь.

(*входятъ:* Давидовичъ, Борисовичъ, князь Оболенскій-Стрига, Овинъ, Далматовъ *и нѣсколько бояръ*).

ДАВИДОВИЧЪ.

Какъ ни спѣсивились, небось пришли
Съ повинною.

БОРИСОВИЧЪ.

Великій князь съ собою
Шутить не дастъ. Со всѣхъ сторонъ кольцомъ
Онъ городъ обложилъ; заставитъ сдаться
Безъ боя.

ДАЛМАТОВЪ.

Мудро.

ЗАХАРЪ.

Зимнею порой
Не долго навоюешь.

ДАВИДОВИЧЪ.

Каждый день
Изъ города бояре наѣзжаютъ
На службу къ государю.

ЗАХАРЪ.

Есть тамъ гвоздь,
Который надо выдернуть; иначе
Не успокоятся.

ОБОЛЕНСКІЙ.

Ты на кого
Гвоздемъ-то тычешь? На владыку?

ЗАХАРЪ.

Нѣтъ.
Владыка что! Заводчицей всему
Борецкая; въ ней главная препона.
Какъ сковородкой на огнѣ, вертѣтъ
Всѣмъ городомъ.

ОБОЛЕНСКІЙ (*къ Захару*).

Мнѣ баяли намедни,
Что ты Борецкой не былъ обдѣленъ,
И у тебя дѣтей она крестила.

ЗАХАРЪ.

Крестила, точно. Я за это ей
Заслуживать старался. Было время —
А нынече другое подошло.
Ночной порой мы рады и лунѣ,
А солнышко взойдетъ и не отыщешь
Ее на небѣ. Я служу теперь
Великому Руси всей государю.
Его дѣламъ радѣю.

ОБОЛЕНСКІЙ.

Такъ. Радѣй.

ДАВИДОВИЧЪ.

Теперь радѣльщиковъ, что блохъ въ овчинѣ,
Поразвелось. Пронюхали чутьемъ,
Гдѣ пахнетъ жаренымъ. Иную пѣсню
Давно-ли пѣли.

ОВИНЪ.

Мы всегда, боярин,
Радѣли государю. Поневолѣ
Опасъ держали. (*входитъ* **Патрикѣевъ**).

ПАТРИКѢЕВЪ.

Всѣ-ли на мѣстахъ?
Сейчасъ войдетъ великій князь. Гдѣ стража?

(*Входятъ семь дворянъ государевой стражи и становятся позади трона; у средняго изъ нихъ, стоящаго за самымъ тропомъ, въ рукѣ большое государево знамя* *). *По бокамъ трона становятся двое рынд въ боевой одеждѣ; у праваго въ рукахъ обнаженный мечъ Іоанна, съ ножнами; у лѣваго—его щитъ и шлемъ*).

ДАЛМАТОВЪ.

Готово все. Прикажешь до него
Ввести пословъ?

ПАТРИКѢЕВЪ.

Нѣтъ, погоди. Онъ самъ
Укажетъ время. Тсс! идетъ! идетъ!

(*входитъ* **Іоаннъ** *въ боевомъ кафтанѣ, безъ панцыря, и въ шапочкѣ*).

---

*) На походномъ государевомъ знамени Іоанна въ то время было изображеніе Іисуса Навина, останавливающаго солнце. Древко увѣнчивалось золоченымъ крестомъ.

ІОАННЪ.

Одумались. Я ждалъ ихъ терпѣливо.
Ввести пословъ! (*садится на тронъ. Далматовъ уходитъ и затѣмъ вводитъ пословъ:* Короба, Ѳеофилакта, Луку Федорова, Максимова и посадниковъ *пяти новгородскихъ концовъ. Послы низко кланяются Іоанну*).

ІОАННЪ.

Съ какимъ отвѣтомъ вы
Ко мнѣ явились?

КОРОБЪ (*кланяясь*).

Новгородъ согласенъ
Платить тебѣ погодно дань со всѣхъ
Новогородскихъ волостей, но проситъ,
Чтобъ твой намѣстникъ не судилъ одинъ,
А сообща съ посадникомъ.

ѲЕОФИЛАКТЪ.

Чтобъ судъ
По старинѣ остался. Чтобы ты
Не выводилъ изъ города людей,
И новгородцевъ не тянулъ на службу;
А поручилъ бы намъ оберегать
Твои владѣнья отъ Литвы и Свеи.

ІОАННЪ.

Еще чего?

ФЕДОРОВЪ (*кланяясь*).

Еще, великій князь,
Чтобъ ты по прежнему порядку не вступался
Въ боярскія владѣнія и зе́мли,
И никого изъ насъ не вызывалъ
На судъ въ Москву.

ІОАННЪ.

Пожалуй, захотите,
Чтобъ изъ Москвы на судъ являлись къ вамъ?
Вы государемъ вашимъ нарекли
Меня,ославъ съ Захаромъ челобитье.
Я согласился; принялъ; а теперь
Вы снова мнѣ указывать хотите,
Какъ вами править.

КОРОБЪ.

Мы не посылали.

ФЕДОРОВЪ И МАКСИМОВЪ.

Не посылали! нѣтъ!

ІОАННЪ.

Какъ нѣтъ?! (*къ Захару*). Захаръ,
Ты кѣмъ былъ посланъ?

ЗАХАРЪ.

Государь, тебѣ
Я доложилъ.

ІОАНИТЪ.

И повтори при нихъ.

ЗАХАРЪ.

Совѣтомъ общимъ въ соборѣ у владыки.
Посадниковъ, бояръ, духовныхъ, житыхъ
Не мало было; не припомнить всѣхъ.
Читали передъ всѣми челобитье.

ПОСЛЫ.

Мы не слыхали.

ІОАНИТЪ.

Стало быть, онъ вретъ?

КОРОВЪ.

Тебѣ судить.

ЗАХАРЪ.

Послали, вѣрно слово!
А нынѣ отрекаются. У нихъ
Бываетъ это.

ФЕДОРОВЪ.

Не въ чѣмъ отрекаться. (*къ Захару*).
Разсудитъ Богъ! Придется и тебѣ
Въ твоихъ дѣлахъ предъ Господомъ отвѣтить.

КОРОБЪ (*къ Іоанну*).

Мы, господинъ, повѣдали тебѣ,
Что́ сохранить желаемъ, и отвѣта
Смиренно просимъ.

ІОАННЪ.

Мой отвѣтъ одинъ.
Хочу отнынѣ Новгородомъ править,
Какъ и въ Москвѣ.

КОРОБЪ.

У насъ порядокъ свой.

ІОАННЪ.

Былъ до сихъ поръ! А нынѣ наступаетъ
Иной.

МАКСИМОВЪ.

Какой?

ІОАННЪ.

Понять, кажись, не трудно.
Хочу привесть я Новгородъ подъ всю
Мою державу. Чтобы въ немъ отнынѣ
Ни вѣчу, ни посадникамъ не быть;
Чтобъ власть одну повсюду на Руси
Въ моихъ рукахъ держать. Вотъ моя воля!
Иной теперь не ждите отъ меня.

КОРОБЪ.

Ты власть держи, согласно договорамъ,
Въ чемъ крестъ святой предъ Богомъ цѣловалъ,
И не лишай того, что Ярославомъ
Утверждено.

ІОАННЪ.

Не я лишаю васъ.
Но сами вы сношеніемъ съ Литвой,
Возстаніемъ мятежнымъ заслужили
Такую участь.

ФЕДОРОВЪ.

Нѣтъ, не можемъ мы
Согласье дать!

ІОАННЪ.

Не можете—не нужно.
Добьюся самъ. Полками наводню
Я городъ вашъ и съ нимъ, какъ съ покореннымъ
Раздѣлаюсь.

КОРОБЪ.

Дозволь промежъ себя
Намъ обмѣняться словомъ.

ІОАННЪ.

Дозволяю —
И подожду. (*послы уходятъ, за ними Дальматовъ*).

ІОАННЪ (*къ Оболенскому*).

Семенъ! поставь стрѣльцовъ
У выхода, и ежели послы
Вдругъ заартачатся—бери подъ стражу,
Какъ только выйдутъ. Чтобы ни одинъ
Не возвратился въ Новгородъ.

ОБОЛЕНСКІЙ.

Исполню.

Не выпущу. (*кланяется и уходитъ*).

ПАТРИКѢЕВЪ.

Нельзя не покориться
Имъ, государь. Припасовъ у нихъ нѣтъ.
Пошли болѣзни, смута; гдѣ-же могутъ
Они съ тобой бороться.

ІОАННЪ (*къ Овину*).

Ты, Овинъ,

Какъ думаешь?

ОВИНЪ (*кланяясь*).

Раздора, государь,
Средь нихъ не мало; издавна ведутся.
Никифорова, государь, на вѣчѣ
Въ куски изрѣзали, и я тогда
Едва избѣгъ того-же.

ЗАХАРЪ (*кланяясь*).

Государь!
Дозволь мнѣ слово молвить?

ІОАННЪ.

Говори.

ЗАХАРЪ.

Крамолы всей заводчица и сила —
Борецкая. Коль устранишь ее,

Да съ ней сторонниковъ ея главнѣйшихъ—
И стихнетъ все. Повѣрь мнѣ, государь!
Лишь отъ усердья я тебѣ дерзаю
Рещи о семъ. (*кланяется*).

ІОАННЪ.

То дѣло не твое,
А наше будетъ. Вѣдомъ мнѣ съ Литвою
Измѣнниковъ потайный договоръ.
Я колыбель наслѣдственной державы
Не уступлю Литвѣ. Не по зубамъ
Ей Новгородъ. А вожакамъ мятежнымъ
Найдется мѣсто; успокою ихъ.
Не страшны будутъ. (*входитъ Далматовъ*). Что?

ДАЛМАТОВЪ.

Насовѣщались.

ІОАННЪ.

Зови сюда! (*Далматовъ уходитъ и затѣмъ вводитъ пословъ*).

ІОАННЪ.

Что скажете?

КОРОБЪ.

Помилуй
Ты Новгородъ твой, государь! Нельзя
Намъ быть безъ вѣча. Вѣдь оно душой
Народной служитъ. Въ немъ его вся сила.
Оно съ основы любо намъ. Оставь!
Оставь его! (*падаетъ на колѣни. Всѣ послы тоже падаютъ на колѣни, кромѣ Максимова, который стоитъ, склонивъ голову*).

ПОСЛЫ.

Оставь! помилуй!

ІОАННЪ (*къ Максимову*).

Ты чего стоишь?
Алп просить меня не удостоишь?

МАКСИМОВЪ *(поднявъ голову)*.

Просить готовъ; а падать на колѣни
Лишь предъ престоломъ Божьимъ я привыкъ.
Я вѣча вольный сынъ! Въ твои холопы
Еще не верстанъ, князь! и предъ тобой
Не гнутся ноги, какъ у нихъ.

ІОАННЪ.

Не гнутся—
Такъ съ головой разстанутся опѣ. (*къ Оболенскому*).
Отсѣчь ее! и на копьѣ, пѣмую,
На вѣчевомъ помостѣ водрузить.

ОБОЛЕНСКІЙ. (*къ Максимову*).

Пдп!

МАКСИМОВЪ.

Иду! (*къ Іоанну*). Я казни не боюся.
Умрешь и ты; тогда разсудитъ Богъ. (*уходитъ съ Оболенскимъ*).

ІОАННЪ.

Смущать не станетъ. (*къ послам*). Встаньте! Понапрасну
Валяетесь. Какъ сказано—и будетъ. (*послы встаютъ*).
Я не купецъ, на скидку не пойду.
Добромъ не захотите и не надо!
Заставлю силой. Что-жъ? Согласны вы?
Аль онѣмѣли? торгаши!

КОРОБЪ.

Господня
Да будетъ воля.

ІОАННЪ.

Дай отвѣтъ прямой.

ФЕДОРОВЪ.

Когда сдавилъ ногою горло, что-же
Тутъ спрашивать.

ІОАННЪ.

Ногой! горласты больно.
Затихнете.

ѲЕОФИЛАКТЪ.

Оставь намъ, государь,
Нашъ колоколъ завѣтный. Мы его
На колокольню у Святой Софіи
Повѣсимъ въ память дорогого намъ
Порядка прежняго.

ІОАННЪ.

Не слѣдъ объ этомъ
Вамъ вспоминать. Совѣтую скорѣй
Забыть о немъ. Въ Москвѣ найдется мѣсто
Для вѣстника измѣны и крамолъ.
Надежнѣй будетъ. Тамъ не потревожитъ
Опъ звономъ васъ. (*встаетъ*). Ступайте! Передайте
Мое рѣшенье. А за то, что вы
Не довели меня до раззоренья
Новогородской отчины моей,
Какъ государь, по милости единой,
Я дарую вамъ судъ по старинѣ;
Не стану выводить людей; не стану
И въ отчины боярскія вступаться.

КОРОБЪ.

Спасибо и за это.

ІОАННЪ.

Удалитесь. (*послы кланяются и уходятъ*).
Благодаренье Господу. Великій
Сегодня день для царства моего. (*дѣлаетъ нѣсколько шаговъ. Всѣ склоняютъ головы*).
Я долго ждалъ; давно, давно стремился;
Полжизни думалъ, какъ его добыть;
И, наконецъ-то, удалось сломить
Мнѣ этотъ городъ воли самобытной.

Картина 2-ая.

Вѣчевое поле. На право вѣчевая башня, рядомъ съ ней вѣчевая изба, затѣмъ ворота и рядъ строеній съ двумя проулками. Вдали Волховъ и за нимъ Кремль. Зимняя облачно-лунная ночь.

(Глухарь *сидитъ, задумавшись, на ступени вѣчевой башни. Изъ проулка входятъ:* Илья Федоровъ, Никита *и* Ратша; *у Никиты подъ плащемъ ломъ и мотыка, у Ратши фонарь*).

ИЛЬЯ.

Глухарь ужъ здѣсь.

(*Глухарь подходитъ къ Ильѣ, снявъ шапку, кланяется и затѣмъ отходитъ къ башнѣ*).

ИЛЬЯ (*къ Никитѣ*).

Клещи съ тобой, Никита?

НИКИТА.

Со мной; и ломъ съ мотыкой захватилъ.

ИЛЬЯ.

Втроемъ осилимъ скоро. Унесемъ—
И скроемъ такъ, что врагъ его не сыщетъ.

НИКИТА.

И колоколъ-бы за одно увезть.

ИЛЬЯ.

Нельзя. Его не скросишь незамѣтно.
Не маленькій; въ мѣшокъ не упихнешь.
И князь московскій больно осерчаетъ.
Пускай беретъ! Языкъ же сохранится
У насъ надежно до иной поры.
Узнаетъ Новгородъ—и вамъ спасибо
Душою скажетъ за рѣшимость нашу
Спасти языкъ призывный вѣчевой.

РАТША.

Все думается—смилуется врагъ,
Оставитъ колоколъ.

ИЛЬЯ.

Не жди напрасно!
Не изъ такихъ онъ. Коли что рѣшитъ,
Хоть цѣлый годъ весь городъ на колѣняхъ
Стой передъ нимъ—не смилуется, нѣтъ!
Безжалостенъ онъ даже для своихъ.
Въ подземныхъ тюрьмахъ у него не мало
Гніетъ князей и близкихъ, и родныхъ,
Ему нелюбыхъ.

РАТША.

И у насъ забралъ
Бояръ не мало.

ИЛЬЯ.

То-ли еще будетъ.
Вздохнемъ тогда, когда уѣдетъ онъ.

Суровъ, молчитъ и стягиваетъ петлю
Привычною, загребистой рукой.

РАТША.

Какъ про языкъ узнаетъ, да невинныхъ
Пытать начнетъ, народа сгибнетъ много.

ИЛЬЯ.

Волковъ бояться, не ходить и въ лѣсъ.

НИКИТА.

Укрыть намъ надо звонаря, боярин.

ИЛЬЯ.

Укроемъ на ночь. Утромъ въ монастырь
Его отправимъ въ дальній къ Бѣломорью.
Не сыщутъ. Нѣмъ. Не можетъ разсказать.

НИКИТА.

Чего-жъ мы ждемъ, боярин?

ИЛЬЯ.

Погоди.
Свѣтло; замѣтятъ. Дай зайти за тучи
Совсѣмъ лунѣ, тогда не увидать
На башнѣ насъ. (*къ Ратшѣ*). Фонарь съ тобой?

РАТША.

Со мною.

НИКИТА.

Морозъ изрядный.

ИЛЬЯ.

Холодно теперь
И на душѣ у всѣхъ, и стынутъ слезы
На кладбищахъ у вдовъ и у дѣтей
Оспротѣлыхъ.

РАТША.

Много ихъ осталось.
Суровъ былъ врагъ, пощады не давалъ

НИКИТА.

Мою сестру въ посадѣ захватили.
Испортили; лишилася ума.
Нашли замерзшей ночью у ограды.

ИЛЬЯ.

Былой отвагѣ наступилъ конецъ.
Здѣсь голова Максимова чернѣла
Не мало дней, пока не погребли
Ее мы тайно. Смерть онъ предпочелъ
Московскому холопству и на вѣки
Помнитъ честной оставилъ по себѣ.
Побольше бы такихъ, и мы еще
Не покорились бы. Подай Господь
Его душѣ покой. *(всѣ снимаютъ шапки, потомъ снова надѣваютъ ихъ).*

РАТША *(помолчавъ)*.

Боярщъ.

ИЛЬЯ.

Что?

РАТША.

Не лучше-ль будетъ подмѣнить языкъ
Другимъ? Московскимъ это не замѣтить;
И дѣло сладится безъ сыска.

ИЛЬЯ.

Правда!
Благой совѣтъ. Вѣстимо, не замѣтятъ.
Какъ раньше намъ на умъ онъ не пришелъ.
Догадливъ ты.

НИКИТА.

Откуда взять?

ИЛЬЯ.

Найдется.
Пойдемъ къ отцу Амосу на Буянъ.
Онъ разрѣшитъ и тайны не нарушитъ.
Колоколà размѣра одного.
Идемъ! идемъ! *(къ Глухарю, показывая и руками).* Глухарь, ты подожди.
Вернемся мы. Не уходи. Идемте! *(уходятъ за башню. Глухарь остается. Немного спустя, изъ второго проулка выходятъ:* Марѳа, Козьминъ, Репеховъ *и* Глѣбъ*).*

КОЗЬМИНЪ.

Кто тамъ стоитъ? *(подходитъ къ Глухарю).* А, это ты, Глухарь. *(Глухарь снимаетъ шапку, подходитъ къ Марѳѣ и цѣлуетъ у нея руку).*

МАРѲА (*къ Глухарю*).

Все сторожишь; и чуетъ твое сердце
Разлуку съ другомъ нашимъ дорогимъ.

(*Глухарь отходитъ въ сторону*).

РЕПЕХОВЪ.

Здѣсь переждемъ. Когда зайдетъ за тучи
Докучная луна, мы на прямикъ
Дойдемъ до Волхова. Тамъ, за стѣною,
Ждетъ Купріянъ съ повозкою. (*къ Марѳѣ*). Рѣкой
Проѣдешь городъ, а потомъ держися
На Лугу, Юрьевъ, лыцарской землей —
И въ Вильну.

КОЗЬМИНЪ.

Путь-то выйдетъ больно кружный.

РЕПЕХОВЪ.

Нельзя инáче. Вѣдаешь ты самъ —
Исковъ противъ насъ; черезъ его владѣнья
Не проберешься. Выдадутъ сейчасъ
Боярыню.

МАРѲА.

Хотя и кружекъ путь,
За то вѣрнѣй. Лишь удалось бы ночью
До Вяжицы добраться; а потомъ
Не выдадутъ.

КОЗЬМИНЪ.

Ты все взяла съ собою?

МАРѲА.

Взялà, что̀ можно. Записи Ганзы
Надежны въ платѣ; до сихъ поръ отказа
Не приходилось получать. Взяла
И вещи малыя въ каменьяхъ цѣнныхъ.
А остальное спрятано пока
Въ надежномъ мѣстѣ.

ГЛѢБЪ.

Въ насъ не сомнѣвайся,
Боярыня. Сумѣемъ охранить.
Поступимъ такъ, какъ ты намъ указала.

МАРѲА.

Спасибо, Глѣбъ! на васъ надѣюсь я.
Въ Литвѣ безъ денегъ толка не добьешься;
А я теперь не стану ихъ жалѣть.
Лишь удалось бы помощи дождаться
И Новгородъ родной освободить
Отъ кабалы московской.

КОЗЬМИНЪ.

Я въ Литвѣ
Три года жилъ и точно, что безъ денегъ
Немногаго добьешься.

РЕПЕХОВЪ.

Пусть войну,
Съ татарами въ союзѣ, злой Москвѣ
Скорѣй объявятъ. Въ тѣ поры и мы

Возстанемъ разомъ, прежнихъ правъ добьемся;
И снова вѣче здѣсь заговоритъ.

МАРѲА.

Что ждетъ меня? не знаю! но до смѣрти,
Пока во мнѣ хоть капля крови есть,
Не перестану я искать защиты
Родному городу! Литву и Свею,
Ганзу и пруссовъ, ляховъ и татаръ
Сплочу въ союзъ я ненависти общей
Къ Москвѣ коварной. Отомститъ Господь
Ея неправду, и услышимъ снова
Мы вѣщій звонъ свободы вѣчевой!

КОЗЬМИНЪ.

Подай Господь! Въ Москву его отправить
Хотятъ на дняхъ.

РЕПЕХОВЪ.

Зачѣмъ онъ тамъ имъ нуженъ?

МАРѲА.

Колоколовъ не снимутъ всѣхъ. Они,
Созывая въ храмъ, напоминать народу
О прежнемъ будутъ. Не забудетъ онъ —
И въ часъ возмездья все врагу припомнитъ.

РЕПЕХОВЪ.

Вернемъ побѣдно!

(Глѣбъ, который во время разговора, наблюдалъ за прогулками. бѣжитъ къ разговаривающимъ, махая руками).

КОЗЬМИНЪ (*къ Глѣбу*).

Что такое тамъ?

ГЛѢБЪ.

Проулкомъ много воиновъ съ оружьемъ
Спѣшатъ сюда.

КОЗЬМИНЪ.

Куда-бы скрыться намъ?
Пойдемъ за башню.

ГЛѢБЪ.

Тамъ легко отыщутъ.

МАРФА.

Неужели за мною? Иль измѣна
И въ сердце слугъ прокралася моихъ?

РЕПЕХОВЪ.

Быть можетъ наши. Переждемъ въ сторонкѣ,
Тамъ, у воротъ. (*всѣ подходятъ къ воротамъ, но они отворяются и оттуда выходятъ* Оболенскій *и* Захаръ *съ стражей*).

ЗАХАРЪ.

Они и есть, бояринъ!

(*Изъ проулка тоже выходятъ ратники и окружаютъ* Марфу *съ ея спутниками*).

ОБОЛЕНСКІЙ (*къ Захару*).

Не обманулся ты. Развѣдалъ вѣрно,
Гдѣ укрываться вздумала она
Передъ побѣгомъ тайнымъ къ Казимиру.

МАРОА (*къ Захару*).

Какимъ путемъ узналъ объ этомъ ты?

ЗАХАРЪ.

Узналъ — и все! Смѣкалка есть. (*къ Оболенскому*).
Боярин!
Ты прикажи ей нàручни надѣть,
Чтобы чего съ собой не сотворила.
Вѣдь государь доставить повелѣлъ
Ее живьемъ. Не пожалѣй веревокъ
И остальнымъ. Тутъ и звонарь. Не худо
И колоколъ бы стражей охранить.

ОБОЛЕНСКІЙ (*къ стражѣ*).

Скрутить имъ руки! Нàручни надѣньте
Посадницѣ. Надежнѣй будетъ такъ.

(*стража надѣваетъ Маринѣ ручныя оковы съ цѣпью, остальнымъ вяжетъ руки за спину*).

ОБОЛЕНСКІЙ (*къ одному изъ ратниковъ*).

Ты, Осетровъ, останешься съ твоими
У башни этой, и не допускать
Къ ней никого, пока тебя не смѣнятъ.

РЕПЕХОВЪ.

Не удалось.

МАРѲА.

Еще больнѣе сердцу,
Что вѣчевымъ дьякомъ я предана.

КОЗЬМИНЪ.

Господь его за это покаретъ.

МАРѲА (*къ Захару*).

Скажи, Захаръ, за что ты погубилъ,
За что ты предалъ въ вражескія руки
Родной нашъ городъ? Какъ не жжетъ тебя
Твоя измѣна? Иль твоей души
Тебѣ не жаль? Иль въ сердцѣ у тебя
Гнѣздо змѣи-ехидны завелося?
Тебѣ все мало. Нынѣ и меня
Ты предаешь, Іуда!

РЕПЕХОВЪ.

Позабылъ
Онъ всѣ твои къ нему благодѣянья.

ЗАХАРЪ.

Я государю нашему служу;
Ему радѣть нелицемѣрно должепъ,
И передъ нимъ однимъ теперь обязанъ
Держать отвѣтъ. (*къ Оболенскому*). Бояринъ, поспѣшимъ
Уйти отселѣ. Неравно узнаютъ—
Дойдетъ до смуты.

МАРѲА (*къ Оболенскому*).

Не дойдетъ. Не бойся!
Мнѣ смолоду предсказано, что я
Умру въ тюрьмѣ. Сбываться начинаетъ.
Возьмешь меня — останутся другіе,
Невѣдомые вами до поры.
Въ народномъ сердцѣ, какъ огонь подъ пепломъ,
Къ вамъ будетъ ненависть таиться и расти.
Настанетъ часъ — пожаромъ разгорится,
И полымемъ она охватитъ васъ.

ОБОЛЕНСКІЙ.

Зальемъ въ крови.

МАРѲА.

Оставите младенцевъ.
Въ нихъ, всосанная съ молокомъ, она
Съ годами станетъ крѣпнуть, разрастаться
И сердцемъ править! Не всегда-жъ удача
Вамъ будетъ здѣсь. Наступитъ судный день,
За униженье долгое расплата.
Измѣной взяли! съ подкупомъ вползли;
Вселили рознь; ослабили; и съ ложью,
Съ безстыжей ложью государить къ намъ
Пришелъ вашъ князь. Кичитесь! торжествуйте
До времени!.. На бабу ты, бояринъ,
Идешь съ мечемъ. Готова я на смерть
Вслѣдъ за дѣтьми!

ОБОЛЕНСКІЙ.

Казнить тебя не станутъ.
Въ тюрьмѣ смиришься.

МАРѲА (*обращаясь къ башнѣ и воздымая руки*).

Новгородъ Великій!
Прощай, родной! (*опускаетъ руки*). До смѣрти не устану
Я по тебѣ томиться и скорбѣть.
Въ тюрьмѣ! одна! средь тишины могильной,
Во снѣ! въ бреду! въ молитвѣ на яву
Мои уста тебя не позабудутъ.
Душой и сердцемъ буду я съ тобой,
Пока оно въ груди не разорвется!
Я дочь твоя! и мать твоихъ дѣтей!
Вся жизнь моя была полна заботой
И думами о вольности твоей.
Жила, дышала я твоей свободой!
Погибну!.. Ничего... Лишь ты бы съ ней
Не разлучился навсегда, родимый! (*къ своимъ*).
Простите мнѣ; васъ сгубятъ за меня.

КОЗЬМИНЪ И РЕПЕХОВЪ (*вмѣстѣ*).

Готовы мы на смерть съ тобой!

ОБОЛЕНСКІЙ.

Ведите.

Конецъ 5-го дѣйствія.

ЭПИЛОГЪ.

Подземная темница съ узкимъ просвѣтомъ подъ самымъ потолкомъ. Вечеръ. Марѳа, въ ручныхъ оковахъ, сидитъ, опираясь на палку, на скамьѣ, замѣняющей кровать и покрытой соломой.

МАРѲА.

Четвертый годъ томлюсь я въ подземельѣ
Вдали отъ всѣхъ и близкихъ, и родныхъ,
Въ оковахъ тяжкихъ, какъ орлица въ клѣткѣ.
Ослабли очи; притупился слухъ;
Съ трудомъ бредутъ опухнувшія ноги,
И тяжкій кашель не даетъ уснуть.
Недалекà ты, смерть. Тебя, какъ друга,
Какъ вѣстника свободы, жду. Приди!
Тебя зову я! Милостью Господней
Сочту приходъ твой. Прикоснись! Избавь
Меня отъ пытки этой безкопечной
Во тьмѣ, въ тиши, въ безмолвьи гробовомъ. (*кашляетъ*).
Недолго ждать. (*задумывается*). А что-то тамъ теперь?
Въ родномъ, завѣтномъ Новгородѣ вольномъ,
Давно-ли мнѣ послушнымъ, какъ дитя.
Задýшенъ онъ. Все до основы сломитъ
Безжалостный московскій супостатъ.

Завянетъ городъ. Доблестныя дѣти
Его въ могилахъ тлѣютъ, въ тюрьмахъ мрутъ,
По городамъ развѣяны далекимъ,
Привыкнувшимъ къ холопскому ярму,
И вскормленнымъ татарскою нагайкой. (*помолчавъ*).
Гдѣ сынъ мой Федоръ? живъ-ли, или нѣтъ?
Въ землѣ давно? Гдѣ мой Василій-отрокъ?
Послѣдній внукъ... Послѣдній. А давно-ль
Моя семья, какъ вѣтви, разросталась,
Какъ улей пчелъ жужжала вкругъ меня.
Все сгибло! Разгромилъ, казнилъ, ограбилъ
Побѣдный врагъ, и съ нимъ теперь на судъ
Идти лишь Божій можно, послѣ смерти
Обоихъ насъ. (*встаетъ*). Охъ, тяжело! Съ трудомъ
Ступить могу. Ослабла. Скоро, скоро
Конецъ всему, всей жизни, прожитóй
Среди довольства, власти и почета.

(*садится. Входитъ сторожъ съ фонаремъ и приноситъ хлѣбъ и чашку съ кашей*).

СТОРОЖЪ.

Поѣсть принесъ.

МАРѲА.

Оставь.

СТОРОЖЪ (*ставитъ чашку на столъ*).

Что мало ѣшь?
Не истомляй себя. Мнѣ нѣтъ запрета
Тебя кормить.

МАРФА.

Спасибо. Не хочу.
Нѣтъ позыва.

СТОРОЖЪ.

Ты приневоль себя.
Вѣстимо, здѣсь охотѣ на ѣду
Откуда быть. (*помолчавъ*). Недужишь? Я солому
Перемѣню тебѣ; помягче будетъ.

МАРѲА.

Спасибо, Митричъ. Скоро я тебя
Освобожу отъ тягостныхъ хлопотъ
Смотрѣть за мной.

СТОРОЖЪ.

На то Господня воля.
Когда умрешь, появится другой.
У насъ хоромы эти не пустуютъ.
Всегда полны.

МАРѲА.

Послушай.

СТОРОЖЪ.

Что?

МАРѲА.

Сегодня
Мнѣ тяжко очень. Смерть моя близка.
Исполни просьбу.

СТОРОЖЪ.

Что̀ тебѣ?

МАРѲА.

Я чую,
Я сердцемъ чую, что недалекò
Томится здѣсь мнѣ близкій. Сынъ иль внукъ—
Не вѣдаю. Быть можетъ, оба вмѣстѣ,
Иль одинъ изъ нихъ; но кто-нибудь,
Живой, иль мертвый, втайнѣ погребенный,
Въ темницѣ этой есть.

СТОРОЖЪ.

Не знаю.

МАРѲА.

Знаешь.
Скажи.

СТОРОЖЪ.

Нельзя.

МАРѲА.

Скажи! Я никому
Тебя не выдамъ. Сынъ? иль внукъ? Скажи!

СТОРОЖЪ.

Здѣсь внука нѣтъ.

МАРѲА.

Такъ сынъ? мой сынъ Ѳеодоръ?
Онъ живъ?

СТОРОЖЪ.

Живетъ.

МАРѲА.

Впусти его ко мнѣ.
Благословить, проститься передъ смертью
Хочу я съ нимъ. Не откажи! Молю!
Лишь разъ одинъ, на мигъ единый только.
Впусти!

СТОРОЖЪ.

Нельзя. Наказъ строжайшій данъ
Не допускать.

МАРѲА.

Наказъ. Не для свиданій
Прошу я видѣть сына моего.
Проститься съ нимъ хочу передъ кончиной;
Взглянуть, прижать къ измученной груди
Передъ разлукой вѣчной. Богъ за это
Тебѣ добромъ воздастъ. Теперь ужъ вечеръ.
Дозоръ ушелъ; одинъ ты сторожишь.
Впусти! впусти! Какъ мать, тебя прошу я.
И у тебя есть дѣти.

СТОРОЖЪ.

Были.

МАРѲА.

Былп.
Такъ ради нихъ, молю тебя. Впусти!
Проститься только. Передъ близкой смертью
Благословить.

СТОРОЖЪ.

Не выдашь?

МАРѲА.

Погуби
Меня Господь, коль словомъ запнуся
Кому нибудь! Не бойся. Иль не видишь,
Что не жилецъ на этомъ свѣтѣ я.

СТОРОЖЪ.

То воля Божья. Знаетъ Онъ. Пожалуй,
Впущу разокъ. Ты только не шуми.
Не причитай. Коль неравно узнаютъ,
Конецъ и мнѣ. Для Бога это я
Рѣшаюсь сдѣлать, потому... предъ смертью
Проститься хочешь. (*уходитъ*).

МАРѲА.

Здѣсь онъ, сынъ мой! здѣсь!
Я чуяла. Хоть разъ его увидѣть,
Прижать къ груди, и словомъ утѣшенья
Измученную душу подкрѣпить.

Я на порогѣ смерти; онъ же молодъ,
Здоровъ, силѐнъ, и много страшныхъ лѣтъ
Ему въ тюрьмѣ страдать еще придется.
О, Господи! услышалъ, наконецъ,
Ты матери горячія молитвы,
И безсердечье сторожа смягчилъ.
Хвала Тебѣ! скорбящихъ утѣшенье. *(слышенъ грохотъ замка у отпираемой за сценой двери).*

Идетъ! идетъ! О, сердце, не стучи!
Не разорвись! Сейчасъ его увидимъ.

(входятъ: сторожъ *и* Федоръ Борецкій *въ оковахъ).*

БОРЕЦКІЙ *(въ дверяхъ къ сторожу).*

Къ кому привелъ ты?

МАРѲА *(встаетъ).*

Федя! Федя милый!
Охъ, не могу я! *(садится).*

БОРЕЦКІЙ *(подбѣгая къ Марѳѣ).*

Матушка родная!
Такъ это ты? *(опускается передъ Марѳой на колѣни и цѣлуетъ ей руки и лицо. Марѳа цѣлуетъ его).*

МАРѲА.

Я. Федя! я!

БОРЕЦКІЙ.

Не думалъ,
Что ты такъ близко. Боже! какъ тебя
Темница измѣнила.

МАРОА.

Не кручинься
Ты обо мнѣ. Стара я; смерть близка.
А ты, родной? (*вглядывается*). Не вижу. Омрачились
Мои глаза. (*ощупываетъ руками лицо Борецкаго и плечи*).
И ты какъ исхудалъ.
Исчахъ совсѣмъ. Въ тюрьмѣ подземной долго
Томишься ты, страдалецъ неповинный,
За то, что душу вольную имѣлъ.

БОРЕЦКІЙ.

Что Новгородъ? Я такъ душой стремился
Въ родимый край. Должно быть, горе тамъ,
Коль и тебя въ темницу схоронили.

МАРОА.

Погибло все! Былого вѣча нѣтъ!
Развѣяли они свободу нашу,
И Новгородъ холопству обрекли.
Меня и Васю увезли потайно.
Гдѣ онъ? не знаю!.. Рада, что пришлось,
Хотя съ тобой проститься передъ смертью.
Родной ты мой! Нѣтъ слезъ въ моихъ очахъ.

Изсякли всѣ, и сердце разрываютъ
Губителя кровавые слѣды.
Я умираю, Федя! Сынъ мой милый!
Мой дорогой! послѣдній! Благъ Господь,
Что передъ смертью мнѣ не возбраняетъ
Благословить тебя. Вотъ такъ! (*Кладетъ руки на голову Горецкаго*).

ЖИВИ.

Молись! молись! Не падай только духомъ.
Переноси смиренно; не ропщи.
Господня воля! Не такой судьбины
Я ожидала, сынъ мой, для тебя.

БОРЕЦКІЙ.

И ты живи! хоть для меня, родная!
Теперь, вдвоемъ, въ свиданія часы,
Намъ будетъ легче. Милостивъ Господь!
Онъ подкрѣпитъ тебя. Его объ этомъ
Я неустанно буду умолять.
Живи, родная! Сколько лѣтъ напрасно
Въ тоскѣ души я призывалъ тебя.
А ты была такъ близко, тутъ же, рядомъ.
Не умирай же!

МАРОА.

Для тебя я въ мукахъ
Готова жить, чтобъ чѣмъ нибудь помочь
Тебѣ въ темницѣ. (*кашляетъ и въ изнеможеніи опускается на лавку, закрывъ глаза. Слышенъ сильный стукъ за сценой*).

СТОРОЖЪ (*къ Борецкому*).

Уходи скорѣе!
Стучатъ! стучатъ!

БОРЕЦКІЙ (*къ Марѳѣ*).

Прощай, моя родная! (*къ сторожу*).
Ты добръ, старикъ! Позволишь и впередъ
Намъ видѣться. (*къ Марѳѣ*). Прощай!

СТОРОЖЪ.

Иди скорѣе!

БОРЕЦКІЙ.

Иду! (*къ Марѳѣ*). Прощай! (*уходитъ съ сторожемъ*).

МАРѲА. (*очнувшись*).

Что это? сладкій сонъ?
Иль на яву? Онъ былъ здѣсь, сынъ мой Федоръ,
Возлѣ меня. Еще звучатъ въ ушахъ
Его слова; еще согрѣты руки
Его теплomъ. Ушелъ. Къ чему? зачѣмъ?
Не понимаю. Гдѣ ты, Федя? Федя!
Вернись! вернись! (*встаетъ, дѣлаетъ два шага и падаетъ на полъ*). Нѣтъ никого вокругъ.
Шумитъ въ ушахъ и колетъ страшно въ сердцѣ.
Кружится все. Свѣтло тамъ, на верху.
Какія волны яркія струятся. (*всматривается*).

Кто это тутъ? Димитрій! ты откуда?
И Левушка, и Боря, и Филиппъ.
И ты здѣсь, мужъ? За мною всѣ явились.
Такъ это смерть? Будь милостивъ Господь!
Ахъ какъ свѣтло!.. Возьмемъ съ собою Федю.
Онъ тамъ... одинъ... возьмите... ду...шно... жжетъ...

(*умираетъ. Входитъ сторожъ*).

СТОРОЖЪ. (*подходитъ къ Марѳѣ*).

Сомлѣла. (*наклоняется*). Умерла. Теперь у Бога
Тебѣ просторнѣй будетъ, чѣмъ въ тюрьмѣ.

Конецъ.

1900.

Для поѣздки въ Новгородъ отходятъ по Николаевской желѣзной дорогѣ два поѣзда, вечерній и утренній, съ пересадкою на станціи Чудово на новгородскую узкоколейную дорогу. Время пути $7^1/_2$часовъ по вечернему и $8^1/_2$ часовъ по утреннему поѣзду. Цѣна билета 3-го класса 1 р. 80 коп.

Въ новгородскомъ Кремлѣ помѣщается музей, въ которомъ собраны древности новгородской губерніи, преимущественно изъ церковнаго обихода.

Лучшая и недорогая гостинница въ городѣ Соловьева на Торговой сторонѣ. Извощики по таксѣ. Лѣтомъ, въ хорошую погоду, пріятнѣе возвращаться изъ Новгорода на пароходѣ, который отходитъ ежедневно съ Торговой стороны и идетъ внизъ по рѣкѣ Волхову, мимо Деревяницкаго и Хутынскаго монастырей, а затѣмъ мимо военныхъ казармъ, въ предѣлахъ которыхъ разыгрались въ 1831 году кровавыя послѣдствія безумной аракчеевской попытки обратить новгородскихъ поселянъ въ пахотныхъ солдатъ. Миновавъ воспѣтое поэтомъ Державинымъ имѣніе его Званки, обращенное нынѣ въ благотворительное заведеніе духовнаго вѣдомства, пароходъ пристаетъ у станціи Николаевской желѣзной дороги Волхово. Все плаваніе продолжается около 4-хъ часовъ, и прибытіе парохода приноровлено къ приходу петербургскаго и московскаго поѣздовъ.

Замѣченныя недосмотры и опечатки.

Стран.	Строка сверху:	Напечатано:	Слѣдуетъ:
2	13	дворъ	дворецъ
›	25	году	году, въ видахъ обороны,
10	4	выѣзжалъ	уѣзжалъ
16	17	и	и изъ
25	17	вѣнецъ!	вѣнецъ.
34	15	родовъ.	рядовъ.
37	2	«зарокотало	зарокотало
›	11	привела;	привела,
38	10	мукъ!..	мукъ...
40	2	(на потокъ)	(взять на щитъ)
42	11	междоусубцамъ	междоусобцамъ
46	15	голову	голову,
47	7	новгородскою!	новгородскою.
›	26	сбудется!	сбудется.
53	1	святъ	святъ,
57	15	своей!	своей.
58	3	зови!	зови.
»	7	тоже	то-же
›	10	конца	конца,
60	15	взглянуть	взглянуть,
63	22	родной.	родной;
71	13	Тамъ	Тамъ,
78	19	надоѣло?›	надоѣло?

Въ драмѣ:

4	18	Ратники,	Бояре, посадники, ратники,
17	17	также.	такъ-же.
19	24	Русь. Не	Русь; не
30	21	пристало.	пристала.
42	5	лезетъ,	лѣзетъ,
44	9	грѣшныхъ.	грѣшныхъ,
›	14	молодъ. Въ	молодъ, въ

[12r]